

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

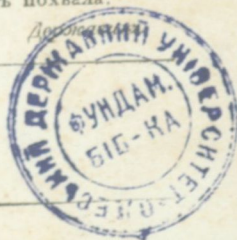
ПО
МНОГИМЪ РОССІЙСКИМЪ ГУБЕРНІЯМЪ,

1820-го и начала 1821-го,

СТАТСКАГО СОВѢТНИКА

ГАВРИИЛА ГЕРАКОВА.

Хранищій мужъ честные нравы,
Твориый свой долгъ, свои дѣла,
Царю приносишь больше славы,
Чѣмъ всѣхъ Паниповъ похвала.

ПЕТРОГРАДЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1830 года.

27788

Печаташь позволяется,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Пе-
тербургъ, Марша 1 дня, 1830 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

Посвящаешь сей трудъ благомыслящимъ
Особамъ, кои подобно любителямъ кар-
тинъ, нашедъ лучшее мѣсто, вперяють на
оное взоры свои, не замѣчая недоспашковъ,
и тѣмъ, дѣлая себѣ удовольствіе, не огор-
чаютъ Художника.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУИМ.І.І. МЕЧНИКОВА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавъ въ 1828 году *Путевыя мои записки по Россіи*, вслушивался въ разговоры объ оныхъ, и къ сожалѣнію, увидѣлъ, что, кромѣ благоразумныхъ, просвѣщенныхъ и крошечныхъ людей, многіе судили произвольно и ради, что у нихъ во рту есть языкъ. Одни, не вникнувъ въ заглавіе, желали чипашъ Пупешествіе въ родъ Палласа, Крашенинникова, Озерецковскаго, и потому имъ показалось корешко, быстро, неудовлетворительно; другіе жаловались, что я часто обращаю рѣчь на самого себя; нѣкоторые, что слишкомъ хвалю нѣжный полъ и

предпочитаю общества добродѣтельныхъ женщинъ и дѣвицъ, лучшимъ обществамъ мужчинъ. Господа Журналисты (*) нашли случай показать свою оспрошу на счетъ моихъ записокъ, и желали лучшаго слога и мало ли чего?

На всѣ сіи шолки могъ бы я оповѣщать подробно, но къ чему бы повело мое опроверженіе? А пошому я шолько повшорю слова Римскаго Императора Адриана: „не могли содѣлать людей шакими, какими хочешся и каковыми они бышъ должны, надобно ихъ шерпѣшъ шакowymi, каковы они есшъ, и извлекашъ пользу для нихъ самихъ и для себя.“ Впрочемъ, не оскорбляясь кришикою и даже благодаря за сдѣланную мнѣ честь, издаю *Продолженіе моихъ*

записокъ, съ шую же крошосшію и просшодушіемъ, какъ и начало оныхъ, и шакже хладнокровно буду слушашъ всѣ сужденія, шолки и перешолки, какъ выслушивашъ, и ни на какія кришки, даже брани (какъ нынѣ завелось) оповѣщашъ не буду.

(*) Я шолько читалъ Греча и Булгарина, о другихъ мнѣ рассказывали.

ПРОДОЛЖЕНІЕ
ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ПО МНОГИМЪ РОССИЙСКИМЪ ГУБЕРНІЯМЪ

съ 14 Сентября 1820 до 26 Января 1821 года.

14-го Сентября.

Симферополь. Воздвиженіе Живошворящаго Креста, обрѣшеннаго Царицею Еленою въ 310 году по Р. Х. Былъ у обѣдни, и доволенъ; доволенъ шакже, что не поѣхалъ въ Бакчисарай вчера, ибо со многими ничего не увидишь, ничего не узнаешь, ничему не научишься, а безъ сего для чего и путешествованъ. Упрямъ вспомнилъ бесѣду у Губернатора: нѣсколько дней тому назадъ, сошлись у него вечеромъ одинъ Англичанинъ, два Француза мыслящихъ и нѣсколько благоразумныхъ Русскихъ и Нѣмецкаго происхожденія; разсуждали и о томъ и о другомъ, перебирали Исторію по частямъ, наконецъ рѣчь дошла до Полководцевъ, и всѣ, какъ бы согласясь, въ одинъ голосъ на разныхъ языкахъ и различными выраженіями, утвердительно заключили: что предъ всѣми Полководцами просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ народовъ, Суворовъ — единственнѣй, первый, даже не-

подражаемъ въ своихъ военныхъ замыслахъ; особенно доказаль онъ сіе въ Италіи и Швейцаріи, имѣя противъ себя отличныхъ Французскихъ Генераловъ, Жуберта, Серюрье, Магдональда, Моро и Массену. Потомъ сожалѣли, что нѣтъ полнаго жизнеописанія подвиговъ сего необыкновеннаго, великаго челоѣка, ибо Антингъ, Фуксъ и другіе Писатели не во всемъ успѣли поспичъ Героя, небывалаго въ минувшихъ вѣкахъ и нынѣшнемъ столѣтіи. Я упомянулъ о Французскомъ Капишанѣ Сочинителѣ, Лавернѣ, который въ одномъ томѣ, довольно огромномъ, съ доказательствами, поставилъ Суворова превыше всѣхъ побѣдителей, сказавъ: Суворовъ одинъ въ мірѣ, и останется неподражаемъ. Лавернѣ за свою книгу умеръ въ заключеніи, по повелѣнію завистливаго Наполеона.

Сей разговоръ врѣзался у меня въ голову, и я вспомнилъ, что молодой просвѣщенный челоѣкъ А. С. С., нѣсколько лѣтъ тому назадъ принесъ ко мнѣ переводъ свой съ письма Суворова, писаннаго по-Нѣмецки къ Сочинителю его жизни. Предавъ нынѣ писанію Пущевыхъ свои Записки, присовокупляю и сіе письмо, для любопытныхъ.

Письмо Князя Италійскаго, Графа Суворова Рымникскаго, на Нѣмецкомъ языкѣ,

къ Графу Ц., предпринимающему описать безсмертныя его дѣла.

»Письмо ваше, писанное въ высокомъ слоѣ Бардовъ, исполненное дружбы и привязанности, напоминаетъ мнѣ пріятнѣйшимъ образомъ достойнаго сотоварища въ побѣдахъ подъ Кобылкою и Прагою. Примите за то изъясненіе нелицемѣрной моей благодарности.

»Свѣденія о моемъ военномъ поприщѣ столь коротко связаны съ прочими происшествіями моей жизни, что челоѣкъ необыкновенный и воинъ необыкновенный должны быть неразлучны, дабы, штого, или другаго образъ не потерялъ цѣны своей. Поклоняясь Богу въ страхѣ, любя въ немъ братьій своихъ, челоѣковъ, попирая всегда сладостную приманку спокойствія и нѣги, дорожа временемъ, симъ драгоцѣннѣйшимъ благомъ, всегда дѣяющійся, всегда въ дѣлѣ, какъ на ратномъ полѣ, такъ и въ мирномъ уединеніи, которое умѣю себѣ доставлять повсемѣстно; предпріятія, изобрѣшенныя съ трудомъ, но съ вѣвающимъ еще трудомъ въ дѣйство произведенныя, всегда съ постоянствомъ, а часто съ неимоверною скоростію, дабы не пропустишь исчезающаго мгновенія: — все сіе, составленное по образцу, самому себѣ

»начерпанному, доставило мнѣ не единожды шоржество надъ своенравною богинею, именуемою *счастіемъ*. Вопшь все то, что я о себѣ самомъ мыслю; предаю славу свою на произволь современниковъ и потомства. Жизнь, споль общеизвѣстная и споль распространенная, какова моя, не можешь бытъ во всѣхъ частяхъ обезображена житіеписателемъ. Всегда найдутся безпристрастные свидѣтели *истины*. А я, кромѣ истины, ничего не требую отъ того, кто почитаетъ меня достойнымъ, чтобы обо мнѣ умствовали и писали. Для собранія свѣдѣній нужень досугъ, а вопшь въ чемъ я подлинно оскудѣваю. Однако я приказалъ доставить вамъ всѣ бумаги, касающіяся до похода противу Польскихъ бунтовщиковъ, несуществующихъ уже къ счастію вселенной. Слогъ чистый, ясный, и прямая истина, на совершеннѣйшемъ познаніи моего въ дѣлахъ свойства основанная — вопшь, что, по моему желанію, долженъ неизмѣнно наблюдать мой житіеписатель. Много ли я, или мало о себѣ говорилъ, того не знаю, но вѣрьте, это гласъ моего сердца, что я съ уваженіемъ и дружбою остаюсь,

Суворовъ.»

Не излишнимъ нахожу къ сему присовокупить стихи, врученные мнѣ Губернаторомъ Барановымъ, къ порпирешу Суворова:

»Се образецъ вождей, побѣды князь, сынъ славы,
»Кумиръ для ратниковъ, прямой восторгъ Пидшъ,
»Врагъ нѣги, гордостии — честь Россіи Державы,
»Перунъ бунтовщиковъ, Монарховъ, міра щить.»

Сего же 14-го Сентября, читалъ иностранныя Газеты о процессѣ Англійской Королевы и о конспираціи въ Парижѣ противу Королевской фамилии и Министровъ; заговоръ открытъ женщиною, и судъ начался. Заходилъ ко многимъ, и всѣ дамы готовяшся къ запрашному балу; весело смотрѣть на веселыя лица, коихъ радости происходить отъ чувствъ, сродныхъ юности, что завтра онѣ нарядятся, что завтра покажутъ себя въ танцахъ. Пожелавъ всѣмъ побѣды, пошелъ на званый обѣдъ къ Генералу М. Удому; шупъ все было очень хорошо, хозяйка гостепріимна, Генералъ душею радъ гостямъ, дочери премиленькія, умненькія. Подлѣ меня сидѣлъ Полковникъ Поашье, съ которымъ бесѣда, ученая безъ надушности, была пріятна для всѣхъ, сидѣвшихъ за столомъ.

Въ путешествіи, чего не увидишь и чего не услышишь? Говорили о многомъ,

наконецъ рѣчь зашла о злыхъ людяхъ: большая часть твердили, что трудно избѣжать кова злонамѣренныхъ людей, ибо часто, подъ прелестною наружностію, при словахъ сладкорѣчивыхъ, скрывается чудовище — какъ же не попастъ въ сѣти онаго? Въ сіе время одинъ прїѣзжій рассказывалъ слѣдующее: »Въ Мальтѣ находящіяся коршуны, бѣлые какъ снѣгъ; красивъ полетъ ихъ, гордая осанка, и кажется тихая птица, но »взгляни въ глаза, тотчасъ увидишь злость и неперпѣливостъ совершилъ оную; лишь »взвидишь птицу другой породы, взлетаетъ, спремится, и несчастная жертва »падаетъ мертвая. Такъ точно можно узнавать по глазамъ злыхъ людей; только »спойми съ вниманіемъ глядишь вѣрно — не »льзя ошибиться.« Я былъ согласенъ съ нимъ и другіе согласились, ибо глаза зеркало души человѣческой.

Черезъ нѣсколько дней, я въ одномъ домѣ за обѣдомъ рассказывалъ вышеписанное, и вдругъ одинъ сидѣвшій противъ меня гость поблѣднѣлъ, глаза налились кровью, и онъ началъ увѣрять, что весьма часто можно ошибиться въ заключеніяхъ, если будемъ судить о человѣкѣ по глазамъ. Едва кончилъ сіи слова, мы вспали изъ-за стола; онъ, не дождавшись кофею,

скрылся, а мы рѣшительно утвердили, что сей человѣкъ, конечно, злой, и, по словамъ Губернатора, не ошиблись.

Съ семи часовъ вечера до десяти провелъ время у двухъ молодыхъ просвѣщенныхъ особъ; скромная, какъ фіалка, Ел. Ив. Нотара (*), что день, то болѣе и болѣе приковываетъ мое уваженіе къ ея достоинствамъ. Довольный пришелъ домой. Сокращенный ужинъ манилъ къ себѣ; послѣ онаго, помолясь и думая о Петроградѣ, родныхъ и любящихъ меня, заснулъ крепко. Вездѣ хорошо для честнаго человѣка, но дома лучше. Сія была первая мысль по моемъ пробужденіи.

15-е Сентября, Симферополь. Коронація Императора Александра Павловича и Императрицы Елисаветы Алексеевны. Всѣ были у обѣдни въ мундирахъ. Пошомъ Губернаторъ А. Н. Барановъ, съ товарищемъ моимъ Графомъ В. Д. Офрейномъ и со мною, убрали большую свою залу лаврами; повѣсили по стѣнамъ оной всѣ лампы, находящіяся въ городѣ; люстры съ пополока висѣли красиво; на чешырехъ колоннахъ были пригвождены канделябры. Убравъ и прочія комнашны мило и хорошо,

(*) Нынѣ она ликуешь съ несозданнымъ за добродѣтели свои.

пошли, званые, обѣдать: Губернапоръ съ товарищемъ моимъ къ Офрейну, а я, давно давши слово, обѣдалъ у Профессора Химіи Дессера; дочери его принимали во мнѣ участіе, и любезность ихъ служила приправою яствъ; въ особенності Эстель радушно старалась угостить С. Петербургскаго жителя, въ чемъ и успѣла.

Въ шесть часовъ по полудни, домъ Губернапорскій освѣтили внутри и снаружи. Всѣ окна были открыты; шеплопальшья, безвѣтріе, содѣлывали вечеръ очаровательнымъ; въ половинѣ седьмаго часа, собрались на балъ болѣе сѣмидесяти обоюго пола особъ; нѣжнаго пола было гораздо болѣе, и надобно истину сказать, что мужчины Крымскіе далеко отстали, во всѣхъ милыхъ отношеніяхъ, отъ дѣвицъ и замужнихъ. Я увѣренъ, что, сказавъ правду, угодилъ опцамъ, мужьямъ и братьямъ.

Балъ начался длиннымъ Польскимъ. Музыканты полковые на широкой галлерей играли предельно. Отличный Губернапоръ Барановъ былъ въ первой парѣ съ Графиней Ланжеронъ, прекрасно одѣшою. Послѣ Польскаго, по нынѣшнему обыкновенію, пустились въ вальсы, потомъ экосесы, мазурки и, къ удивленію, танцовали Французскую кадрили такъ хорошо, что и въ

столицѣ одобрили бы. Жаль только, что одинъ кавалеръ, мой товарищъ, умѣлъ хорошо танцовать въ этомъ благородномъ танцѣ; второй былъ Губернапоръ, прешій, не угасъ, я, четвертый какой-то во фракѣ, который такіе дѣлалъ прыжки и скачки, что я, боясь за него, велѣлъ запечатать окна, а то, пожалуй, улетѣлъ бы. Четыре дѣвицы восхищали зрителей своею благородною осанкою, красою, нѣжностію, невинною ловкостію и знаніемъ мастерски танцовать Французскую кадрили: Бороздина, Леонисъ-Офрейнъ, Шоспакъ и Удомъ. Всѣхъ же лучше на балѣ во всѣхъ танцахъ, по одѣянію, красотѣ, скромности, была Ел. Ив. Нопари. Ужинъ былъ роскошный, великолѣпный, славный. Припѣи за здравіе Коронованныхъ, звуки трубъ и барабановъ раздавались по обширному Губернапорскому дому. Послѣ ужина опять танцы. Балъ кончился, къ общему сожалѣнію, въ три часа по полуночи, и будешь долго памятенъ въ Крыму, не по чему другому, какъ по доблестямъ душевнымъ Губернапора Баранова.

16-е Сентября. Симферополь. Едва я заснулъ, какъ былъ пробужденъ вошедшимъ слугою, что верховыя лошади готовы, и что товарищъ мой ѣдетъ на южный бе-

регъ. Прощаясь съ нимъ, пожелалъ ему возвращенью безъ лихорадки; а я никакъ не рѣшился ѣхать, сколько ни упрашивали: въ первыхъ, не польшамъ мнѣ нѣсколько дней бытъ на конѣ, а во-вторыхъ, что пользы видѣть красоты природы въ страхъ и съ замуренными глазами опъ страху же. Многие мнѣ чистосердечно рассказывали, что ѣздили на южный берегъ, и ничего не видали, кромѣ боязни, и проѣзжая самый узенькій перешеекъ по высокимъ горамъ между Чернымъ моремъ и пропастью, читали только молишвы, какія могли вспомнить, о спасеніи (*).

За обѣдомъ Ал. Ник. Барановъ благодарилъ меня, что я, хотя и пожилыхъ лѣтъ, но одушевлялъ вчера балъ его своимъ веселымъ, непринужденнымъ характеромъ, и неутомимостію въ танцахъ. Познакомился съ двоюроднымъ братомъ Баранова, Княземъ Голицынымъ, Штабъ-Офицеромъ Гусарскаго Принца Оранскаго полка; молодецъ, хорошо образованъ, и мнѣ очень пришелъ по сердцу. Посѣщалъ нѣкоторыхъ дамъ, бывшихъ вчера на балѣ; всѣ

(*) Нынѣ Графъ М. С. Воронцовъ, на счетъ Правительствъ, сдѣлалъ широкую дорогу, по которой можно ѣхать во всякомъ экипажѣ. Теперь и я бы поѣхалъ верхомъ.

восхищены были и баломъ и давшимъ онѣмъ; однако одна была огорчена мною, за то, что я ей, во время бала, не давалъ покою, чтобъ не старалась слишкомъ нравиться, или излишне кокетничать. Послѣ многихъ споровъ, судъ и пересудъ, разошлись друзьями; это доказываетъ доброе ея сердце. Впрочемъ я не всегда буду въ Крыму, чтобъ говорить правду.

Получилъ изъ столицы письма; доволенъ содержаніемъ оныхъ. Мои кровные здоровы.

17-е Сенября. Симферополь. Проснувшись, мысленно поздравилъ именинницъ С. Петербургскихъ: умныхъ Софій, прекрасныхъ и любезныхъ Надеждъ, милую Любовь, и крошечныхъ и благоразумныхъ Вѣръ. Не успѣлъ одѣться, какъ вошли ко мнѣ мащери съ дочерьми, мащери однѣ, дочери однѣ съ разными просьбами, и потому просили, что дружень съ Губернаторомъ и живу у него. Я доказалъ имъ неосновательныя ихъ желанія; одна хочеть развѣстись, другая проситъ приданого, шрешья, пропуская при десятилѣтнихъ давностей, и видя свои земли подъ виноградными садами у другихъ, домогается, чтобъ ей возвращали оныя; я уговорилъ ихъ не безпокоить Губернатора, обремененнаго мно-

гошрудными дѣлами. Онѣ поплакали, и осправили меня съ признашельносною, за то, что я вразумилъ ихъ.

Ам. Ив. Офрейнъ пришелъ ко мнѣ по уговору, и мы ошправились въ городскую шюрму. Довольно чисто; большую часть заключенныхъ видѣлъ я на дворѣ сидящихъ подъ деревьями; ихъ хорошо кормятъ. Тридцать девять Ташаръ и двое Рускихъ; двѣ женщины спарыя и одна молодая, очень собою хорошенькая; когда я взглянулъ на нее, она покраснѣла; по этой причинѣ я спросилъ смотрителя, за что посажена она? За дурное поведеніе, былъ его ошвѣтъ. Слава Богу! воскликнулъ я: изъ шрехъ штысячъ женскаго пола въ Симферополѣ шолько одна! а сколько бы должно посадить въ большихъ городахъ во всей Европѣ, гдѣ, шакъ сказать, просвѣщеніе упонченное распространилось — увы!

Поблагодаря Офрейна, пошелъ къ Профессору Дессеру, гдѣ увидѣлся съ Н. Н. Равскимъ и съ достойною его старшею дочерью. Дѣвицы Дессеръ всегда привѣшпливы; отецъ шочно ученый челошкъ. Былъ у Докшора Ланга, и одними учшivenessами заключили наше свиданіе; Юстинія Андреевна, супруга его, въ присушшвиіи машери своей, вступила со мною въ обширный

разговоръ о должностяхъ замужнихъ женщинъ. Спорили долго, наконецъ прекрасная согласилась со мною въ шомъ: *что та женщина достойна уваженія, о которой ничего не говорятъ, ни хорошаго, ни дурнаго.*

За обѣдомъ у Баранова были два шалуна С. Петербургскихъ; говорили шакое вздоръ, что всѣ ради были, когда они уѣхали.

Вечеромъ ошвѣчалъ на письмо, полученное изъ шполицы, шакъ: ты спрашиваешь меня, *ка комъ тебѣ жениться?* Любезный молодой челошкъ! Тебѣ ужъ шридцать лѣтъ, ты богашъ, обладаешь хорошимъ сердцемъ, нравшвенность швоя похвальна, душа швоя постигаешь Творца своего, ты предпочинаешь шрудъ полезный всѣмъ увеселеніямъ, ты же и хорошъ собою, и ты спрашиваешь меня, пожилаго холостяка, на комъ тебѣ женишься! Пожелай шолько, и множество дѣвицъ гошовой выйши за тебя; этого-то и боишься ты, какъ вижу. На комъ тебѣ женишься, чшобъ вкушашъ истинное, безмяшежное шчашіе, читай со вниманіемъ ошвѣтъ мой:

1-е. Держись Русской спарины: не женись на женѣ, а женись на роднѣ, что

означаетъ, чтобъ родители твоей жены, были люди нравственные.

2-е. Не женись на красавицѣ, которая не пропускаетъ ни одного гулянья, и любитъ, чтобъ лорнепировали на ея прелестяхъ и смотрѣли на нее.

3-е. Не женись на дѣвицѣ, которая любитъ болѣе выѣзжать, нежели сидѣть дома.

4-е. Не женись на той, которая всегда бываетъ въ театрахъ и концертахъ.

5-е. Не женись на милой, которая, забывъ скромность, любитъ кашаться съ горъ лѣсныхъ и зимнихъ, и ей не сидится дома.

6-е. Не женись на прелестной, которая на балахъ сполько вальсируетъ, что, какъ говоришься, и духъ вонь.

7-е. Не женись на гордой, которая по пясти разъ сряду танцуетъ Французскія кадрили и мазурки, чтобъ выказать гибкость тѣла своего и чуетъ-чуетъ, какъ бы изъ милосердія, касающуюся до полу маленькую ножку свою.

8-е. Не женись на той, которая не любитъ рукодѣлія, не любитъ заглянуть въ расходную книгу, а колыми паче въ кухню, а сполько разыгрываетъ сонаты, окруженная вздыхателями.

9-е. Не женись на премиленькой, которая, при всякомъ случаѣ, вездѣ любитъ шепшаться съ пожилыми дѣвами и съ женатыми мужчинами, и не рассказываетъ всѣхъ тайнъ сердца своего своей матери.

10-е. Не женись на прихотливой, которой душно жить лѣтомъ въ городѣ, а любитъ жить на дачѣ, не въ глуши для чистаго воздуха, а чтобъ всѣхъ видѣть, себя показывать, слушать будто нехотя подъ окнами своими вздоры, быть въ разгулахъ вмѣстѣ съ подобными себѣ, чтобъ блистать модными ушренними нарядами, кидать побѣдительные взгляды на знакомыхъ и незнакомыхъ.

11-е. Не женись на охотницѣ слѣдовать всѣмъ модамъ, желающей имѣть лихихъ лошадей, Англійскую карету, во что бы ни спало.

12-е. Не женись на угеной, которая закидываетъ всѣхъ, во всякое время, спихами Расина, Волтера, Ламартина, не зная ни одного спиха Русскаго и презирающая свой родной, сладкогласный Россійскій языкъ.

13-е. Не женись на вздыхающей дѣвицѣ, охъ новыхъ Романовъ: Жанлись, Спаль, и неперящей Валтеръ-Скотта, Купера, Вандервельда.

Слѣдственно, тебѣ должно жениться на дѣвицѣ скромной, тихой, пруды домашніе любящей, почитающей своихъ родителей и неимѣющей вышесказанныхъ недоспашковъ. Повѣрь, что найдешь, и тогда, вспоминая меня за совѣтъ, въ восторгѣ душевномъ, навсегда счастливъ будешь.

18-е Сентября. Симферополь. Время лепишь быстро и старость приближается еще быстрее; горе тому, кто не запасся познаніями и доброшою сердца; дни его текутъ ужасно горько.

Вчера, когда я сказалъ Н. Н., что въ Запискахъ своихъ я уподобилъ ее Эвхаристъ, она не поняла меня, и откровенно призналась, что не читала ни Миѳологіи, ни Телемака Фенелонава. Жаль, ей нужно просвѣщеніе; тогда она можетъ поставить себя въ оборонительное положеніе противу бойкихъ Селадоновъ; хотя и то правда, что много есть самыхъ просвѣщенныхъ, и сильно развращенныхъ; читай Французскую Исторію, тамъ много найдешь примѣровъ. Просвѣщеніе можно уподобить ножу, какъ будешь употреблять оный, или стакану, что изъ онаго будешь пить.

Спать не хорошо: мысль, что я далеко отъ своихъ родныхъ, отъ старинныхъ друзей, отъ должности, беспокоила меня, и поному часто просыпался. Утро провелъ въ чтеніи и писалъ письма. Съ Барановымъ, какъ бы родились вмѣстѣ. Опличный Губернаторъ, честный, умный человекъ, но жаль, что очень слабъ здоровьемъ.

Давъ слово, держись, а не давши, крепись; это заспавило меня бытъ у вдовы Ш. Сказалъ ей и дочерямъ ея, что Губернаторъ все то сдѣлаешь для нихъ, что законамъ не противно; никакія просьбы, слезы не заспавяшь его отступити отъ правды.

Посидѣлъ часа два у опличной Ел. Ив. Н., и написалъ ей въ альбомъ:

Любезность съ нѣжной красотою,
Съ умомъ и сердца доброшою,
Увидишь каждый, кто не слѣпъ.
Гдѣ ты, прекрасная сидишь,
Мило смотришь — говоришь.

Краснѣла и краснѣла — глаза темные, а взглядъ заспавляющій чтить себя, и ей только семнадцать лѣтъ; сама кормитъ дитя свое; мужъ отставной Гусарскій Офицеръ. Былъ у больного Фабра, рѣдкаго подчиненнаго, знающаго съ честію гражданское дѣло; Губернаторъ не нахвалился

имъ. Былъ у Ек. М. Бух—цъ; хороша, умна и на добро склонна.

Если бы я былъ Спернъ, сколько бы могъ написать занимательнаго, интереснаго, шакого, чѣшобъ у милыхъ слезы покашились. Но я не Спернъ, а просто скажу: съ нами въ дорогъ была Англійская собачка; сегодня послѣ обѣда, не знаю ошъ чего:

Завизжала, закружилась,

И мертвая въ передней очутилась.

Вечеромъ, вмѣстѣ съ Губернаторомъ посидѣли у Офрейна, гдѣ было нѣсколько умныхъ, нѣжныхъ особъ; много говорили, шутили, смѣялись; дѣвица Леонисъ пропировѣла мнѣ, и я часто съ нею долженъ былъ соглашаться, но что болѣе: она мнѣ совѣтовала не подражать славному Бюфону, котораго слишкомъ часто хвалилъ себя при всѣхъ, и заставляла читать гостямъ Оды, въ честь ему писанныя; такъ описываетъ другъ его Эросошель. Я покраснѣлъ и, съ благодарностію поцѣловавъ ея ручку, далъ слово хвалить достойныхъ, и сколько возможно забылъ себя.

Дѣло же состояло въ слѣдующемъ: когда я читалъ извѣстные стихи покойнаго Сергѣя Марина на рожденіе мое, всѣ хвалили, что я, какъ истинный философъ,

читаю смѣшныя стихи, на счетъ мой сочиненные, и не сержусь. Я молчалъ, и спустя нѣсколько минушъ вынулъ изъ книжника присланные ко мнѣ ошъ В. В. Крюковскаго на рожденіе мое слѣдующіе стихи:

Ты проси въ душѣ, но хитри воображеньемъ,
Малъ свѣтской степенію, великъ ума пареньемъ;
Трезвъ, тихъ, трудолюбивъ, къ согласію влекомъ,
Ты въ чувствахъ роскошенъ, но съ нѣгой незнакомъ;
Златаго вѣка жизнь являешь мнѣ собою;
Природы шествуя спешей всегда прямою,
Ты нужды съ ней свои умѣешь соглашать;
Привычка ей во всемъ изящномъ подражать
Очистила твой вкусъ и сердце умягчила;
Не дѣйствуетъ въ тебѣ корысти мощной сила,
Добродами души ты въ бѣдности богатъ,
Несмѣтныхъ золота не примешь ты громадъ.
Въ упрямъ оныхъ — толико всѣмъ чинимый,
Привѣтствую тебя, Минервы сынъ любимый,
Привѣтствую, и чшу завиднымъ жребій твой.

По прочтеніи А. Н. Барановымъ сихъ стиховъ, дѣвица Леонисъ напала на меня и сравнила въ честолюбіи съ Сочинителемъ Нашуральной Истории. Я опять замолчалъ, краснѣлъ, чувствовалъ, что милая и умная дѣвица говорила правду; однако мы друзьями разстались. Пришедъ домой, приготошвился къ раннему выѣзду въ Бакчисарай.

19-е Сентября. *Симферополь* и *Бакчисарай*. Воскресенье. Нельзя сказать, чтобы спокойно спал: дума мѣшала, что долженъ, первый разъ въ жизни, одинъ ѣхать; однако, помолясь, ободрился; все самъ уложивъ къ отъѣзду, пошелъ къ почтенному хозяину, а потомъ къ обѣднѣ, выслушалъ съ благоговѣніемъ *Литургію*; при выходѣ встрѣтился съ *Ел. Ив. Нотарой*, кою-рой сказала, что сей часъ ѣду. Она, пожелавъ мнѣ счастливаго пути, ангельскимъ взглядомъ благословила меня. Послѣ хорошаго завтрака, снабженный виномъ и яствами, простился съ рѣдкимъ человѣкомъ, *Барановымъ*; мы оба плакали. *Офрейнъ*, стоя у коляски, пенялъ мнѣ, что не простился съ его домашними; я слезливъ, не люблю прощаться съ людьми, коихъ люблю. Ямщикъ въ это время, крикнувъ лоша-дямъ: эй вы родныя! помчался вихремъ, и я въ *Симферополя*. Было одиннадцать часовъ утра.

Вообще дорога отъ *Симферополя* до *Бакчисарая* не шокмо не веселая, но даже непріятная; горы почти ничто въ сравне-ніи съ *Кавказскими*, однако все таки горы, къ тому же глинистыя и известковаго грунта, и пыль, какой я не видалъ; безъ крѣпкаго табаку, чихаешь и чихаешь. На

шестей верстѣ хуторъ *Докшора* *Ланга* лучше всѣхъ до *Бакчисарая*; видна вода и хорошій ключъ. Далѣе владѣніе *Таранова*, мужики *Ташары*; *Чернова*, хуторъ; на шестнадцатой верстѣ опять *Таранова* помѣстье; крестьяне *Русскіе*, и это очень замѣтно по опрятности; далѣе *Дуссика* *Англичанина*; между 23 и 24 верстами нѣсколько тысячъ овецъ *А. М. Бороздина* и *Ташарскія*, нѣсколько верблюдовъ непригожихъ—вошь и все. Гдѣ же красы природы! Не видалъ. Поѣзжай же на южный берегъ. Не поѣду, пока дорога не будетъ удобнѣе.

Почти въ три часа по полудни приѣхалъ въ *Бакчисарай*; городъ довольно красивъ, между возвышеній; жителей обоого пола около одиннадцати тысячъ. *Спрое-нія* *Азіатскія*, и болѣе лавокъ, нежели домовъ. Прямо въѣхалъ въ бывший *Ханскій дворецъ*. *Городничій*, или *Полицмейстеръ*, *Ананьичъ*, пригошья для меня покои во дворцѣ по приказанію *Губернатора*, былъ на отъѣздѣ въ свои недавно купленные хутора; я, за учтивость его ко мнѣ, просилъ ѣхать, и остался на рукахъ *Часнаго Пристава*, *Грека*, *Константина Ивановича*, который водилъ меня по дворцу; все за-служиваешь вниманія, и потребуешь по-

правки. Въ сіе время пришла мнѣ мысль, что дѣла человѣческія не прочны. Россія была 225 лѣтъ подъ игомъ Ташарскимъ, то есть съ 1237 до 1462 года, а нынѣ всѣ семь ордъ: Мунгальская или Золошная, Капчакская или Сѣверная, Крымская, Ногайская, Казанская, Астраханская и Сибирская, подчинены Россійской Державѣ и благоденствуютъ; и послѣ сего, что можеть быть вѣрно! Новый Башый — Наполеонъ, думалъ вселенную подчинить власти своей, и нынѣ заперши за эквавторъ на островъ Елены (*). Тутъ во дворецѣ, подлѣ бывшей спальни Великія Екатерины II, былъ назначенъ мой ночлегъ; такъ бываешь въ мірѣ семь! Но я бы желалъ привести весь дворецъ въ то положеніе, въ каковомъ былъ онъ, когда Матерь Опечесства занимала оный, и увѣренъ, что сіе будетъ исполнено, приказаніемъ Императорскимъ. Видѣлъ присущенное мѣсто бывшихъ Хановъ; здѣсь вверху не лѣзя не замѣшишь *кафаси*, или рѣшетчатого окна, откуда скрытый Ханъ слушалъ, какъ его судьи судили и рядили. Желательно, чтобы и у насъ въ судилищахъ былъ *кафаси*. Видѣлъ гробницы Ташарскихъ Хановъ; не могу сказать, чтобы

(*) Это писано въ 1820 году.

онъ заслуживали вниманія, такъ какъ Константинопольская компанія и гаремъ или сераль бывшихъ Хановъ. Видѣлъ запущенный садъ, но преисполненный вкуснѣйшимъ виноградомъ. Видѣлъ все сіе, и вздохнулъ; все грубо, скучно и мрачно. Инвалидъ, или спорожъ, упросилъ меня прочиташъ написанныя спроки на стеклахъ оконъ — я повиновался, и вошъ лучшія спроки, брилліантомъ написанныя:

Amour et la coligue, sont deux canailles;
L'un brule le coeur et l'autre les antrailles.

Голодь заставилъ войши въ свою комнату; все чисто, ибо Губернашоръ, на Турецкій вкусъ, покрылъ диваны новымъ ситцемъ въ этой одной большой комнатѣ. Принесли мнѣ, какъ путешественнику, двѣ огромныя корзины разнаго винограду; я благодарилъ принесшихъ серебряными деньгами и вскорѣ подѣлился онымъ съ пріѣзжею Р., которой не принесли. Изъ Ташарскаго шракшира принесли мнѣ *кебана* или говядины жареной на угляхъ, или вершелъ, и вошъ весь мой обѣдъ, а Крымское и Донское вино, присланное опъ Горѣдничаго, было мое питье; воды не пилъ, чтобы не получишь лихорадки. Ходилъ по городу, погода была ясная, теплая, но ни одного лица женскаго не встрѣшилъ; точно по-

Азіятски — не пускають женъ и дочерей своихъ глазѣшь на чужихъ; за то у насъ смопри, сколько хочешь; при въѣздѣ только замѣшилъ прелестную Гречанку, привѣщивалъ ее по-Гречески; она, краснѣя, поклонилась. Часный Приставъ такъ расхвалилъ Турецкую баню, что я попросилъ его указать мнѣ дорогу къ оной; онъ съ удовольствіемъ согласился. И такъ, зашедъ къ себѣ и взявъ нужное, отправился въ баню; прекрасная, чистая; чешыре Ташарина одного меня мыли, мыли до того, что я просилъ перестать. Вышедъ, далъ имъ красную ассигнацію; они приняли и, бросаясь въ ноги, благодарили; ибо, по Магомешанскому закону, за бришье и баню хочешь даешь, не хочешь, ничего не давай, никто слова не скажетъ. Часный Приставъ, приглася къ себѣ, все показывалъ, и все пречисто, только жены своей не показалъ, а мнѣ сказывали, что она неимовѣрной красоты, изъ Турчанокъ, недавно крещеная. На дворѣ у Часнаго Пристава растутъ прекрасныя фиговыя деревья, а домъ на каменной горѣ.

Въ осьмомъ часу вечера, бывъ приглашенъ, пилъ чай у Раевской; шупъ были всѣ чешыре дочери ея; одной только я прежде не видалъ, Елены; могу сказать, что мало

столь прекрасныхъ лицъ, при скромности, приличной благовоспитаннымъ дѣвицамъ. Поговоря съ маперью о С. Петербургѣ, о ея сесприцѣ, просвѣщенной Констаншиновой, опкланялся, чтобы завтра рано ѣхавъ по окрестностямъ Бакчисарая.

На вопросъ, опъ чего мнѣ даны лучшіе покои, принесли плодовъ, поставили двѣ свѣчи восковыя на столѣ, освѣтили другую комнату и лѣспинду? Опвѣтъ: опъ того, что я снискалъ дружбу почтеннаго Губернатора, Баранова, что съ учтивостью обошелся съ Полицшеромъ и Часнымъ Приставомъ и, по мѣрѣ своего достатка, дѣлюсь съ мелкими прислужниками. Неумѣстная гордость вездѣ противна, а въ дорогѣ насидишься и голодень и холодень и часто безъ лошадей. Ласковый шеленокъ двѣ мапки сосепъ. Чужбина, все чужбина. Унижать не должно себя ни предъ кѣмъ, а надобно бытъ предъ всѣми учтивымъ.

Полночь, а я сажу; мальчикъ со мною, взятой изъ Симферополя, Греченокъ, распроспертый на полу давно спитъ сладкимъ сномъ, въ другой комнатѣ, а мнѣ не спится; разныя мысли шолпяся въ голову; вошь одна изъ оныхъ:

Въ подлунной много естъ *страннаго*, если только человекъ будешь смотрѣшь со вниманіемъ на дѣла жишайскія въ хорошую зрительную трубку, на примѣръ: какъ не сказать *странно*, когда старикъ, женись на красавицѣ, мечтаетъ бытъ любимымъ ею. *Странно*, когда замужняя женщина, какихъ бы лѣтъ ни была, желаетъ плѣнить собою другаго, кромѣ мужа своего. *Странно*, когда почти дѣвши женихся, и думаютъ во всю жизнь бытъ счастливыми. *Странно*, когда глупецъ, съ напврженными выраженіями мечтаетъ показатъ свою ученость. *Странно*, когда преученый человекъ, говоря съ нами, обыкновенными людьми, высокопарно и непонятно, желаетъ, чѣмъ его бесѣда была пріятна. *Странно*, когда богачъ, основываясь на безбожномъ Волперѣ, на Ипокритѣ, Ж. Ж. Руссо, Дидеротѣ и имъ подобныхъ, говоритъ о равенствѣ; но еще *страннѣе*, когда бѣднякъ на развалинахъ обществанныхъ хочетъ разбогатѣть. *Странно*, когда изворотливый человекъ, мешая пыль въ глаза, плѣняетъ собою умную, добродѣтельную дѣвицу, заспавляетъ влюбившя въ наружность, въ экипажи, и чрезъ сіе содѣлать навѣки жершвою своего необдуманнаго поступка. *Странно*

и то, что нѣкоторые, съ именемъ путешественника, занимають въ одномъ городѣ деньги, чѣмъ доѣхатъ до другаго, и увѣряють, что несчастливы. Сонъ клонитъ, прощайте.

20-е Сентября. Бакисарай и Балаклава. Пять часовъ упря; изъ Тапарскаго кофейнаго дома принесли мнѣ предурнаго кофею, и все не чисто; однако за одну чашку взяли рубль. Послѣ сего Частный Приставъ посадилъ меня на широкія дрожки, сопровождаемыя чепырьми Тапарами пѣшкомъ, а самъ верхомъ. Проѣхавъ почти шагомъ, по каменистой горѣ, версты двѣ съ половиною, все подымаясь, остановились у монастыря Успенія, лѣтъ 800 тому назадъ построеннаго въ горѣ. Если итти пѣшкомъ, что я сдѣлалъ спускаясь, надобно совершить 95 ступеней новыхъ и 122 старыхъ; самъ считалъ. Церковь чистенькая; должно думать, что во время гоненія на Христіанъ, здѣсь укрывались люди благочестія твердаго; зрѣлище чудесное. Тутъ живетъ старикъ Грекъ съ женою; по словамъ ихъ, много бываетъ посѣщителей, и съ недавняго времени часто. Иные привозятъ съ собою Священника, и тогда совершается служба. Старая Гречанка обрадовалась мнѣ, что я съ

нею говорилъ по-Гречески, и со слезами цѣловала меня, когда получила отъ меня знакъ благодарности. По наружнымъ свѣдамъ есть многія надписи на разныхъ языкахъ; я по-Русски свинцовымъ карандашемъ написалъ свое имя, фамилію, годъ и число. Есть также много надписей на Французскомъ языкѣ, неприличныхъ сему святому мѣсту. Я просилъ Часнаго Присхава, чинобъ онъ постарался забѣлишь; онъ далъ слово. Помолясь, поѣхали еще версты двѣ съ половиною въ *Чуфутъ-кале* Жидовскую, крѣпостицу, или городокъ на каменной горѣ. 560 Лѣтъ, какъ живушь здѣсь Караимы, копорые Толмуда не держашся, а слѣдуютъ Моисеевымъ книгамъ, такъ они мнѣ говорили. Караимовъ считають болѣе 600 душъ; всѣ почти большаго роста, въ Турецкомъ числѣмъ одѣяніи, въ чалмахъ, брадашы, и ничѣмъ не можно болѣе огорчить ихъ, какъ назвавъ Жидами. Вездѣ видишь дикій камень, дерева очень мало; кажется ихъ дома выстроены въ горѣ; заходилъ въ нѣсколько домовъ, и вездѣ нашелъ чистоту и опрятность; очень вѣжливы, упросили выпить не слишкомъ хорошей водки и поѣсть напощакъ разныхъ сладостей. За мои похвалы приглашенъ былъ въ ихъ Синагогъ; все весьма

хорошо, и Вещій Завѣтъ прекрасный. По свѣдамъ висятъ красивые мѣшки, въ коихъ хранился по полощенцу, копорыя надѣвають во время своей службы на шею, держась руками вертикально за концы; эти Караимы, держащіе полощенцы, называются у нихъ мучениками.

На семь мѣсѣтъ, гдѣ *Чуфутъ-кале*, по словамъ стариковъ Караимовъ, въ глубокой древности пребывали Греки, а послѣ ихъ, будто и Генуэзцы; о семь нигдѣ не чиналь, а изслѣдовавъ истину поручаю ученымъ Филологамъ.

Между монастыремъ Успенія и Чуфутъ-Кале, или лучше сказать, между сихъ гористыхъ мѣсѣтъ, смотря въ низъ, видишь лошину глубокую, усаженную вѣковыми деревьями разныхъ родовъ; шупъ и кладбище Караимовъ.

Поблагодаря общество Караимовъ, возвратился въ десятъ часовъ утра въ Бакчисарай. Въ двѣнадцатъ часовъ обѣдалъ и, просясь съ семействомъ Раевскихъ, принесъ мою чувствительную признательность Часному Присхаву, и давъ десятъ рублей чешыремъ Ташарамъ, провожавшимъ меня, сѣлъ въ коляску и пустился въ Балаклаву.

Дорога отъ Бакчисарая до Балаклавы веселѣе, игривѣе, разнообразнѣе, нежели

отъ Симферополя до Бакчисарая. Тупъ видно было много фруктовыхъ садовъ, многочисленныя спада овецъ, и пять, или шесть челоѡкъ; горы не такъ обнажены, почва глинисто-известковая; по жарко, по надѡвай шинель. Гора, *Машина*, такъ назывался ямщикъ, не круша, версты двѡ длиною и болѡе. *Мекензина*, гора, довольно круша, но по ней ѡхашъ весьма хорошо, особенно съ 1818 года, когда Государь Императоръ былъ въ Крыму; однако, для оспорожносты, проѡзжая извины сей горы, я велѡ тормозить экипажъ; съ обѡихъ споронъ лѡсь пріятный для зрѡнія. Проѡхавъ 35 верстъ, оспановились покормить лошадей при Черной рѡчкѡ, у самого моста. Вода очень хороша. Здѡсь я съ мальчикомъ и ямщикомъ подѡлился жареными цыплятами, взятыми изъ кухни Баранова. Два часа стояли, дума занимала меня; свои кровные въ головѡ; здоровъ ли мой товарищъ? Чшо поговаривають въ Симферополѡ милые? Воспоминають ли обо мнѡ въ сполщъ? Укрѡнясь духомъ, утеръ слезы, и видя небо, облаками быспро покрывающееся, велѡ закладывашъ и ѡхашъ; лишь съ мѡста, ужасный громъ разразился, съ молніей, ослѡпляющею зрѡніе; дождь проливной, какого давно не видалъ, и круп-

ный градъ; мы мчались, не было возмощности въ закрышой коляскѡ наслаждащся красами ужащающей природы. Въѡхалъ въ Балаклаву въ чешыре часа по полудни; любезный товарищъ мой часа два какъ здѡсь; послѡ поѡздки на южный берегъ обрадовались одинъ другому такъ, какъ любящіеся два родные браша; обнимались, и слезы лились у обѡихъ.

По приглашенію, я оспановился у Пожковника Греческаго башаліона, Теоодосія Дмишріевича Равильюши, копорый бывалъ у меня въ С. Пешербургѡ лѡшь двадцашъ тому назадъ, а товарищъ избралъ для себя кварширу у Капишана сего же башаліона, преспарѡлаго, бывшаго въ морскомъ бою при *Чесмѡ* подъ начальствомъ Графа Алексѡя Григорьевича Орлова, 1770 года. Равильюши опличный челоѡкъ, и принялъ по-братски. Разговоры о разныхъ предметахъ доказали намъ, чшо онъ не напрасно избранъ начальникомъ Греческаго башаліона.

До обѡда ходилъ съ провожаемыми по городу; городъ не дурень и домики порядочные; со многими Греками говорилъ, Гречанокъ привѡществовалъ; ошѡвѡчали всѡ и мило и крошкко; почти у всѡхъ въ глазахъ *выраженіе*, и если бы недѡлю пожить,

по бѣда моему сердцу — люблю природу прекрасную.

Не знаю, какъ описатьъ чувства, родившіяся у меня въ Балаклавѣ, видя тысячи двѣ и болѣе обоего пола все Грековъ и Гречанокъ, и кромѣ нѣжнаго, Греческаго языка, другаго не слыша. Новаго рода слезы текли изъ глазъ моихъ; воспоминаніе объ Аѳинахъ, Спартѣ и великихъ мужахъ древней Греціи, о ужасномъ угнетеніи нынѣшнихъ Грековъ, подъ Турецкимъ правленіемъ спешащихъ, тѣснило грудь мою; но въ то же время, видя, что Россійскій Императоръ даетъ пристанище моимъ соотечественникамъ и печется о нихъ наравнѣ съ Русскими, лилъ слезы благодарности. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, кромѣ Россіи, можно найсти городокъ, только Греками населенный? Башальонъ изъ среды ихъ; всѣ воинскіе шермины на Греческомъ языкѣ, и управляешь всѣми Грекъ же, Равильопи. Когда я передалъ свои мысли ему, онъ со вздохомъ отвѣчалъ: все будетъ по старому въ Греціи; только бы Россійскій Монархъ восхотѣлъ двинутьъ часть войскъ своихъ противу Агарянъ, и мы бы увидѣли вскорѣ возродившихся Сократовъ, Перикловъ, Эпаминондовъ — слезы, капающіяся

изъ огненныхъ очей его, воспрещали продолжать — мы обнялись — и пошли объѣдаться. Жена Равильопи, женщина умная, изъ фамиліи Клендо, угощала насъ съ мужемъ панпріархально. Яства были всѣ Греческія: супъ *еварлакія*, *яхни*, *долмадесъ*, *кефте*, *ангинаресъ*, *псито*, *кюлпасти*, *егурти*. Товарищу моему, почти воспитанному въ чужихъ краяхъ и на Французской кухнѣ взрослому, понравились Греческія кушанья. Фрукты и вина, все не купленное, а домашнее, и все очень хорошо. Въ одиннадцатомъ часу вечера разошлись; но я еще часъ, другой, говорилъ съ гостепріимнымъ Равильопи.

21-е Сентября. Балаклава, Севастополь и Симферополь. День Св. Димитрія Ростовскаго, родившагося въ 1651 году, умершаго въ 1709; великій мужъ, яко духовный, и надежная подпора Престола Великаго Петра.

Утромъ, осмошрѣлъ гавань Балаклавскую; развалины Греческія и Венеціанскія заслуживаютъ вниманіе. Бухта, гдѣ спонитъ флотилія, прекрасна. Въ 8 часовъ утра, поблагодари почтеннаго хозяина, жену его и всѣхъ Грековъ, выѣхали. Я особенно прощался съ Гречанками — красавицами, какъ съ сестрами; онѣ плакали и

я также: сердца чистыя въ нѣсколько часовъ сближаются. Проѣхавъ семь верстъ, съ горы на гору, въ 10 часовъ остановились у небольшого портика, со вкусомъ выспроеннаго; вошли въ оный, и мы въ Георгіевскомъ монастырѣ, и вдругъ глазамъ нашимъ явилось Черное море, крутые дикіе берега, навислыя огромныя скалы, высунувшіеся въ шумящую влагу границы, въ величественномъ и мрачномъ видѣ; единая, уединенная церковь, смиренно взирала на напрасныя усилія вѣчныхъ волнъ морскихъ, спремѣющихся подмышъ основу ея. Вѣки прошекли, а храмъ Божій, хоша и былъ разоряемъ безбожниками, но всегда возобновлялся; шесть лѣтъ тому назадъ, какъ нынѣ здѣсь живущій Митрополитъ Греческій, Хрисанфъ, выстроилъ вновь церковь и кельи и хорошо поставилъ *контрфорсы*. Все дышущее здѣсь чинностію, и спарець Хрисанфъ 88 лѣтъ, весьма обращаетъ на себя вниманіе. Онъ, увидя меня, сказалъ по-Гречески: ты сынъ *коконы* (барыни) Елисаветы; я удивился памяти благочестиваго, ибо 24 года прошло, какъ онъ былъ въ С. Петербургѣ у моей матери; какая память! Когда я подошелъ къ благословенію, онъ нѣсколько разъ цѣловалъ мою без-

власую голову, хваля за исполненіе долга своего противу родившей меня и сестрицы. Весело было душѣ моей внимать словамъ старца, уже гошоваго соединившись съ перстію, и духомъ возлещи къ Несозданному. Онъ бодръ еще, не смотря на то, что обтекъ Индостанъ, берега Малабарскіе и Коромандельскіе, Персію и Бухарію, часто былъ гонимъ судьбою; всѣ почти Европейскія Государства видѣли у себя сего просвѣщеннаго Архипастыря. Онъ не утвердительно однако говорилъ, что нигдѣ нельзя предполагать храма Ифигеніи, какъ на мѣстѣ выспроенной имъ новой церкви. Какія мысли обуреваютъ человека, когда онъ смогришь на рядъ могилъ минувшихъ вѣковъ! Хаосъ остается въ удѣлъ и развязка теряется въ лабиринтѣ непроницаемомъ. Тогда *педанты*, или высокоумные, или полуученые (а ихъ много), мечтаютъ, что нашли Аріаднину нить и все въ точности знаютъ и опредѣляютъ — какое постыдное высокомеріе! Митрополитъ Хрисанфъ показывалъ намъ бѣлый камень, оспрытый при созданіи новой церкви, на коемъ только по-Гречески начертанъ 1747 годъ. Спарецъ самъ недоумѣвалъ, что бы означалъ сей камень.

Въ Георгіевскомъ монастырѣ десять монаховъ, Грековъ, пришедшихъ изъ разныхъ странъ Греческихъ, и одинъ Мало-россіянецъ. Въ сіе время они занимались собираніемъ винограда. Спарецъ говорилъ мнѣ, что у него была лодка, въ которой пускался онъ до Севастополя, а нынѣ не можешь сего сдѣлать — бурю унесена лодка, а другую нажишь прудно и дорого.

Просиясь съ благочестивымъ Митроподипомъ послѣ монашескаго завтрака, и получа отъ него благословеніе, проѣхали тихо мимо развалинъ Херсониса, и созерцая Черное море, вѣхали въ чистый городъ Севастополь, при яркомъ свѣтѣ солнца, и прямо къ Консръ-Адмиралу Филиппу Тимофеевичу Быченскому, который насъ ожидалъ къ себѣ. Тутъ увидѣли Главнокомандующаго впрочемъ арміею, Графа Вишгенштейна, съ Генералишешомъ и своимъ Штабомъ. Обласканы всѣми и Быченскій, какъ Русской, радъ былъ намъ, и въ то же время далъ намъ провожащаго показанъ городъ. Лейтенантъ Александръ Семеновичъ Брантъ, ловкій, красивый и съ разсудкомъ молодой человекъ, возилъ насъ по Севастополю; долгомъ пославаяю сказать, что все въ опличномъ видѣ, чисто, хорошо, и даже мило смотрѣть; новая улица строеніемъ го-

раздо превосходитъ первую улицу; крайне больно, что нельзя было посѣтить своихъ товарищей и учениковъ по Греческому корпусу. Гавань Севастопольская превосходна, спопущечные корабли могутъ стоятъ у самаго берега, безъ всякаго безпокойства отъ волнъ Чернаго моря; теперь видѣли принадлежашъ линейныхъ кораблей: прекрасно для глазъ, полезно для отечества. На балконахъ у домовъ замѣшилъ много предестныхъ дамъ; все вмѣстѣ приводило въ восторгъ, и Севастополь останешся для меня памятенъ.

По возвращеніи нашемъ, почтенный Быченскій накормилъ насъ опличнымъ завтракомъ съ нѣсколькими сошнями только что съ моря усприцами: онъ гораздо менѣе привозимыхъ въ С. Петербургъ.

Домъ Быченскаго стоишь на берегу гавани, входъ по двумъ лѣстницамъ прекрасенъ; по обѣимъ сторонамъ ступеней виноградъ, зрѣлый, во множествѣ висящій, прельщаетъ зрѣніе.

Во второмъ часу по полудни, возблагодаря Консръ-Адмирала, и переправя прежде экипажи чрезъ Бухшу, поѣхали на каперъ и благополучно вступили на прошиволежачій берегъ; тутъ не хоѣли давать намъ лошадей, пошому, что они де пригошвлены

для другихъ; мы спорили съ смопришелемъ и имѣли право, ибо прежде прїѣзда нашего деньги за восемь лошадей заплачены. Смопришель съ гордосцію не внималъ нашимъ словамъ, тогда мы были принуждены войти въ конюшню, поварищъ мой велъ двухъ лошадей, я двухъ, поваръ и егеръ еще по парѣ; смопришель, ворча, пвердилъ: пожалуй, запрягайте, а я ямщиковъ не дамъ; но когда увидѣлъ, что егеръ сѣлъ кучеромъ на козлы коляски, а поваръ на козлы брички, принужденнымъ нашелся дать намъ ямщиковъ. Мы не жаловались Губернатору, а по лишился бы мѣста за свою несправедливость.

По гладкой дорогѣ доѣхали до Бакчисарайскаго почтового двора. Пока закладывали, подступили ко мнѣ двое молодыхъ полуученыхъ Петербургскихъ педаншовъ, а главный *педантъ* М. стоялъ поодаль въ глубокомъ размышленіи, облокотясь театральнo на развалившійся заборъ. Молодые люди, вмѣсто того, чтобы поздороваться со мною, съ высока спали говорить о храмѣ Ифигеніи и гдѣ я полагаю оному бышь? Улыбаясь и продолжая доѣдать дышленка, отвѣчалъ имъ: переспаньше пускашь пыль въ глаза; какая польза для человѣчества, шупъ ли или въ дру-

гомъ мѣстѣ былъ воздвигнутъ храмъ Ифигеніи; напомнилъ имъ еще Людовика XIV, какъ онъ одурачилъ ученыхъ педаншовъ, написавъ на камнѣ, мхомъ заросшемъ: *здесь ослиная дорога*. Сей анекдотъ, полагаю, всѣ знаютъ, а потому я не описываю. Въ началѣ девяятаго часа вечера, мы были уже у почтеннѣйшаго Губернатора Баранова; поговорили, ужинали, и въ часъ по полуночи разошлись (*).

(*) При семъ долгомъ считаю представить читателямъ слѣдующія строки, данныя мнѣ въ Севастополѣ, гдѣ описывается *тифонъ*, проходившій чрезъ городъ Севастополь 27 Августа 1820 года.

»Съ Мая мѣсяца продолжались туманы, издававшіе сѣрный запахъ; бѣлье, повѣшенное для сушки, напишывалъ онимъ и окрашивалъ темнотой цвѣтомъ. Въ Юнѣ мѣсяцѣ туманы были безъ запаха, но испребляли цвѣты, обваривали молодые отростки на деревьяхъ; нѣкоторые туманы осаждали на листьяхъ родъ малѣйшихъ раковинъ, которыя въ сильный жаръ исчезали. Съ Юля мѣсяца до 26 Августа не было дождя; съ 10 Августа дули южные вѣтры, а 25 Августа подулъ самый жестокой сѣверный вѣтеръ съ вихремъ. 26 Августа ночью былъ маленькій дождь. 27 Утромъ, дулъ восточный вѣтеръ, къ полудню крѣпкій южный, а въ четвертомъ часу по полудни югозападный, весьма сильный, и въ то же время начали находить темныя тучи съ громомъ и пошелъ сильный дождь, потомъ градъ, за симъ малый дождикъ. Въ поло-

Въ Севастополь я самъ видѣлъ разрушительные слѣды шифона, бывшаго 27 Августа нынѣшняго 1820 года.

22-е Сентября. Симферополь. Упромъ былъ у прїѣзжаго Князя Сергѣя Сергѣевича Голицына; и онъ и супруга его ради мнѣ были. Княгиня умная и привѣтливая особа. Довольный посѣпилъ многихъ красавицъ Крымскихъ; увидѣлся съ Флигель-Адъютантомъ Шепингомъ, очень любезнымъ молодымъ человѣкомъ. Обѣдали всѣ значущіе у Князя Балашука. Вечеръ у Офрейна,

въ пять часовъ по полудни, въ 12 верстахъ отъ Севастополя, между мысомъ Феоденсомъ и Херсонесомъ, изъ темныхъ шучъ, въ коихъ разныхъ цвѣтовъ облака двигались по различнымъ направленіямъ, то подымались, то опускались, то поворачивались медленно, показался въ морѣ цилиндрическій, въ вертикальномъ положеніи отъ облаковъ до горизонта, водяной столбъ, несущійся по направленію вѣтра, съ чрезмѣрною скоростію, издающій изъ себя сильный шумъ, подобно волнующемуся морю, метавщій изъ себя во всѣ стороны молнии, и безпрестанно вкрутъ вертящійся. Онъ все, что ни встрѣчалось ему на пути, вертелъ съ собою и уносилъ въ верхъ: кровли домовъ, сѣно, доски, дрова, кадки, желѣзо листовое, черепицу, камни, разнаго рода одѣянія, постели, бочку наполненную водою, подымалъ до чрезвычайной высоты. Проходя, чрезъ одно прекрасное урочище, вбли-

гдѣ былъ Докшоръ Французъ, лишь бы, въ хино-шеколадномъ одѣяніи, въ огромныхъ бошфорсахъ, очень нечистъ, собою весьма не красивъ; но еще мечтаетъ одерживать побѣды. Много смѣху было, особенно когда я сравнилъ его съ Виландовымъ поросенкомъ. Сей великій Писатель, описывая бурю, представляешь живую картину на кораблѣ: когда весь экипажъ и пушечники въ опечаленіи, одни молясь, другіе рыдаютъ, прерывъ рвутъ волосы.

эти города находящееся, Ушакова Балка называемосъ, выривалъ большія деревья съ корнями и далеко заносилъ, а на другихъ вѣтви поломалъ, или сплелъ ихъ наподобіе каната. Траву, всякое быліе, какъ огнемъ пожиралъ. Разорилъ 24 сажени каменной ограды, которая и есть вѣрнѣйшимъ измѣреніемъ въ діаметръ сего вертящагося воздушнаго столба. Разрушилъ величайшія зданія, камни въ дѣсять пудъ и болѣе, изъ воды выпаскивалъ. Большой 14 весельный кагеръ, на берегу стоявшій, поднималъ вверхъ, нѣсколько разъ переворачивалъ, и въ 30 саженьяхъ отъ прежняго мѣста бросилъ на землю. Сей столбъ, будучи на водѣ, гребни суда съ людьми на греблѣ опрокидывалъ, унесъ шапки ихъ, и вырвалъ изъ рукъ весла. Подымалъ воду вверхъ съ величайшимъ шумомъ; наконецъ близъ Инкермана, пришедши къ одному высокому мысу, ударился объ него, повредилъ его и самъ разрушился.

сы на головѣ, вопія къ небу, когда корабельщики закрѣпляютъ канашы, занимающія снастями, парусами, словомъ, ни-кто безъ дѣла: исключая поросенка, ко-шорый спокойно ѣлъ, не внимая завываніямъ въпра. Точно такъ и Докшоръ, когда всѣ въ обществѣ говорили, смѣялись, шутили, пѣли, на гитарѣ играли, онъ одинъ, сидя у спола, пожиралъ фрукшы, на огромномъ подносѣ положенные, и тогда только вслу-пиль въ разговоръ, когда очистишь под-носъ и блюдо съ арбузами. Какъ не смѣ-яшься! Съ 9 часа до полуночи чипалъ Ер-молова журналъ: Поѣздку въ Персію.

23-е Сеншября. Симферополь. Ушромъ чипалъ мнѣ Губернашоръ Барановъ свои предначертанія о улучшеніи Таврической губерніи; вся душа его стремилась бытъ полезнымъ Государю и ошечеству. За обѣ-домъ много было военныхъ съ хорошею образованностію; много спорили о древно-сти, но всѣ осмались при своихъ мнѣні-яхъ. Въ шесть часовъ въ театръ, данномъ охотниками и охотницами. Тупъ былъ Графъ Витгенштейнъ съ Шшашомъ, Графъ Ланжеронъ съ супругою, Губернашоръ Ба-рановъ, мы и много дамъ и мужчинъ; ка-кую-то піесу разыгрывали горячо и до-

вольно не удачно. Но за усердіе — всѣ бла-годарили.

24-е Сеншября. Симферополь. Сегодня, приглашенный къ Мемешъ-Мурзѣ, помѣщи-ку Крымскому, поѣхалъ съ Ел. Ос. Оф-рейнъ и дочерью ея за 18 верспъ ошъ Сим-ферополя во владѣніе Мурзы, называемое Мамушъ Сулшанъ; здѣсь уже были Графъ Ланжеронъ съ супругою, Кн. С. С. Голи-цынъ съ супругою же, Губернашоръ съ шоварищемъ моимъ, Сенашоръ А. М. Бо-роздинъ съ дочерью и много другихъ. Празд-новали свадьбу, кошорая началась конскимъ риспаніемъ: человекъ пятьдесятъ Ташаръ верхами на красивыхъ лошадяхъ, произво-дили разныя игры, искусно, шо на коняхъ, шо вдругъ подъ конями съ проворствомъ и молодецествомъ. Потомъ на носилкахъ, закрытыхъ краснымъ сукномъ, несли невѣ-спу, сопровождаемую непріятною для ушей Ташарскою музыкою; ввели ее подъ покрываломъ въ гаремъ Мурзы, куда во-шли всѣ бывшія дамы, а женихъ оспал-ся съ нами на чистомъ полѣ; онъ пля-саль предбрачный танецъ, прошивный зрѣ-нію.

Чшо же дѣлалъ Молла съ женихомъ и невѣстою, соединяя ихъ, никшо не ви-дѣлъ. У Мемешъ - Мурзы обѣдъ былъ до-

вольно хорошъ, но я радъ былъ, когда домой возвратился.

25-е Сентября. *Симферополь*. Человѣку честному и мыслящему, но бѣдному, должно всю жизнь свою посвящать службѣ Царю и опечесшву, чѣмъ не быть обязану себѣ подобному, но богачу. Жадность богата къ забавамъ и прихотямъ препятствуетъ разсуждать о нуждахъ ближняго. Сегодня я былъ свидѣтелемъ ожесточенія милліонщика. Мнѣ было спѣшно за него.

Общество дворянъ Таврической губерніи давали сего вечера балъ, въ огромномъ домѣ Нопары. Были Графъ Вишгенштейнъ, Графъ Ланжеронъ, Барановъ, много другихъ обоого пола и я съ товарищемъ. Балъ очень хорошъ, но опять какъ не сказать, что нѣжный полъ превосходилъ мужчинъ красотою собственною и нарядами. Тутъ познакомился съ прелестною дѣвицею, Гречанкою, обратившею на себя общее вниманіе. Послѣ крашкого разговора съ нею, узналъ, что мы въ родствѣ по мапущкѣ моей, происходящей отъ знаменитой фамиліи Дуссисъ. Балъ кончился въ четвертомъ часу по полуночи, и всѣ были довольны.

26-е Сентября. *Симферополь*. Холодъ и вѣтеръ, самая непріятная погода; однако я поѣхалъ объѣхать вершнѣ семь отъ Симферополя, къ новой же роднѣ, разумѣется, Гречанкѣ, которая вышла замужъ за помѣщика Таврической губерніи, Доброславскаго. Нѣжный полъ не зналъ, какъ лучше угостить меня, и я чувствительно благодаренъ. Вечеръ провелъ на балѣ у Нопары, гдѣ семнадцатилѣтняя хозяйка очаровала всѣхъ умнѣемъ угощать; но я былъ не въ духѣ, слыша, какъ одинъ величался своимъ богатствомъ, унижая людей бѣдныхъ деньгами, а богатыхъ достоинствами. Тутъ на балѣ, среди многихъ прелестныхъ, вспомнилъ Екатеринославскую губернію, вспомнилъ А. В. К. С., вспомнилъ въ С. Петербургѣ А. В. П., задумался и сказалъ сосѣдкѣ Леонисъ: богачъ съ нѣкоторой стороны правъ, ибо и самыя благоразумныя дѣвицы, только что поющъ и распѣвающъ:

Мнѣ хижинка убога

Съ тобою будетъ рай,

А посвѣтайся бѣднякъ, хотя и разумный,

Такъ и откажущъ,

Да и дверь покажущъ!

Со мною была согласна сосѣдка молодая, и пошупя глаза, сказала: я и сама за бѣняка не пойду; въ сіе время попросили

ее вальсировать, и тѣмъ нашъ разговоръ прервался. Къ концу вечера, я развеселился и, довольный хозяйкою, поѣхалъ домой въ шрешемъ часу за полночь.

27-е Сенября. Симферополь. Проведши вчера вечеръ въ кругу достойныхъ дѣвицъ, мечпалъ и во снѣ, и проснувшись, написалъ, что видѣлъ сонный:

Гдѣ ты, милый другъ, прекрасный?

Скажи, въ которой сторонѣ?

Ищу тебя давно несчастный!

Лишь вижу иногда во снѣ.

Во снѣ я счастливъ лишь бываю,

Во снѣ я милою любимъ,

Во снѣ богатствомъ обладаю —

Съ богатствомъ въ обществѣ терпимъ.

Цѣлое утро укладывался; слезы текли отъ двухъ причинъ: отъ радости, что скоро буду съ родными и старыми друзьями и пріятелями, и что жаль расставаться съ новыми нажирыми друзьями и....

Въ это время вспомнилъ давнишнюю свою пѣсню:

Привычка видѣть ежедневно

Тебя, о другъ души моей!

И соглашась откровенно

Во всемъ пріятномъ въ жизни сей.

*

Нельзя мнѣ было не влюбиться,

Нельзя не жертвовать собой,

На что было тебѣ родиться,

И тѣмъ нарушить мой покой.

*

Привычка съ сердцемъ согласилась,

Познавъ красы души твоей,

Привычка въ чувство обратилась,

А чувства въ счастье моихъ дней.

*

Съ привычкой вѣчно не расстанусь,

Божусь тобой, тебя любить.

Съ чѣмъ на свѣтѣ я останусь

Безъ любви, когдѣ буду жить?

Вспомня сіи стихи, мнѣ какъ будто стало легче, и я пошелъ ходить по безлюднымъ Симферопольскимъ улицамъ; шолько и слышенъ непріятный скрипъ Татарскихъ двухолесныхъ шельгъ, называемыхъ арба. За обѣдомъ шолько и словъ, что о нашемъ скоромъ отъѣздѣ и что жаль съ нами расстанься, да и мы безъ слезъ не выйдемъ. Вечеръ провелъ у Офрейна, гдѣ старшій Нотара нарисовалъ мой портретъ въ альбомъ Леон.

28-е Сенября. Симферополь. Морозикъ. Смотрилъ, какъ Барановъ, почти передъ домомъ Губернашорскимъ, разводилъ садъ для города, который конечно необходимъ для соединенія всѣхъ въ одномъ мѣстѣ.

Начиная опъ столицы, во всѣхъ губерніяхъ разсуждаютъ о взяткахъ, о людяхъ скоро разбогатѣвшихъ, и всѣ одно и то же повсоряютъ, что денежные взятки должны быть истреблены, взяточники должны быть жестоко наказаны. Я всегда былъ и есть врагъ взяточниковъ; но нравственныя взятки нахожу гибельнѣе денежныхъ. Губернаторъ Барановъ согласенъ былъ со мною, и просилъ сей разговоръ изложить на бумагѣ, и вошъ какъ я написалъ:

О нравственныхъ взяткахъ.

Исторія временъ, хранилище истины, доказываетъ, что просто денежные взятки вредны для каждаго Государства, и что лихоимцы должны подвергаться строгому наказанію, и всякое упущеніе и не наказанность увеличиваетъ зло, и правый человѣкъ напрасно будешь вопіять къ правосудію и небесамъ! Но та же Исторія и святая истина повѣствуетъ, что нравственное лихоимство гораздо вреднѣе и гибельнѣе для благоустроеннаго Государства, нежели взятки денежные, на примѣръ:

1. Когда чиновникъ на высшей степени, по просьбѣ себѣ равнаго, кривитъ душою, и правый шеряетъ свое дѣло.

2-е. Когда два дѣловца государственныхъ, будучи даже личными врагами, примирясь соглашаются, и угождая одинъ другому, возвышаютъ своихъ родственниковъ безъ достоинствъ, доставляютъ имъ выгодныя мѣста, чины, креслы и большое жалованье, обходя и обижая людей заслуженныхъ, съ дарованіями и способностями.

3-е. Когда бояринъ, или бояринъ, будучи на высокой степени, угождая своимъ любимцамъ и любимицамъ, возводитъ въ чины человѣка, ничего незначащаго ни по рожденію, ниже по личнымъ достоинствамъ.

4-е. Когда и добродѣтельные мужи, на первыхъ степеняхъ служащіе, по слабости человѣческой, чтобы упереть слезы, преградишь исперки и обмороки любимыхъ ими супругъ, прошивъ сердца и правилъ своихъ, исполняютъ несправедливыя ихъ просьбы, съ обидою честныхъ людей. Что жъ дѣлается въ такихъ случаяхъ съ людьми образованными, честными, съ истинными достоинствами, дарованіями и способностями, коихъ нравственное лихоимство лишаетъ способностей служить съ пользою своему Государю и опечеснству? Они, шерпя, приходящъ въ уныніе, упадаютъ духомъ

благороднымъ, и мало по малу изнемогая, лишаются здоровья, умирають, оставляя семейства свои въ горькихъ слезахъ, въ ужасной нуждѣ и крайней нищетѣ; ибо почти всегда обижены бѣдные и честные, сіе дознано въ вѣкахъ минувшихъ и въ настоящемъ столѣтіи.

Написавъ сіи спироки, прочиталъ Баранову: онъ меня расцѣловалъ, сказавъ: »Вы крапко обнажили истины неоспоримыя, и онъ надѣется скоро искоренить «лихоимство въ Таврической губерніи, «если Богъ продлитъ его жизнь.» —

Со мною будушь спорить, кричать, и насажушь множество непріятныхъ словъ; а я, не огорчаясь, остаюсь при своемъ мнѣніи, что климатъ Крымскій не совершенно хорошъ, и что спарожилы не могутъ привыкнуть къ оному; лихорадка такъ и гуляетъ изъ дому въ домъ, да какая лихорадка! Впрочемъ неоспоримо, что не существуетъ на земной поверхности мѣста, которое бы во всѣ времена года гордилось климатомъ по всѣмъ отношеніямъ.

Спиранно, но я попытку удостовѣрился, что не шокмо въ столицахъ, но и въ губерніяхъ есть люди, кои многоглаголаніемъ, крикомъ, какимъ-то сбивчивымъ краснорѣчіемъ, хотяшь взяшь верхъ надъ людьми

скромными, начипанными, и часто симъ дерзкимъ удаесться мишурными познаніями одерживать побѣды; но одна ошрада остаесться для мыслящихъ мужей, что сіи крикуны не долго пользуются мнимою славою, — личина спадаесть и невѣжество выказываесться.

Недавно случилось мнѣ быть въ бесѣдѣ съ воспитанными въ чужихъ краяхъ, которые дерзко хошѣли увѣрить присущствующихъ, что древніе не знали выливать изъ золоша и другихъ металловъ спашуй. Слушая сію нелѣпость, я не могъ удержаться, чинобъ не опровергнушь и не пристыдишь невѣждъ, и вопъ что сказаъ: »Везелеилъ вылилъ изъ чистаго золоша двухъ шельцовъ по приказанію Аарона, о чемъ можно чипать въ книгахъ Моисеевыхъ. Еще, Ареопагъ призываетъ Фидіаса, уже прославившагося своею Аѣнною или Минервою, просишь совѣта у него, какъ сдѣлашь, и изъ чего, въ Олимпійскомъ храмѣ Зевса или Юпитера? Фидіась, опредѣливъ величину онаго, объявляетъ, что изъ бѣлаго мрамора спашесть дешевле, нежели изъ бронзы. Дешевле! единогласно восклицаетъ гордый Ареопагъ Аѣнскій! Вылей же его изъ золоша! — и онъ былъ вылитъ.

О семъ многіе писали.» Сіи два примѣра заспашили замолчашъ *умниковъ* (*).

Сегодня до обѣда былъ у всѣхъ Симферопольскихъ красавицъ, у честныхъ лю-

(*) Пріѣхавъ въ С. Петербургъ, и прочитывая свои душевые записки, дошелъ до сей спашьи, и вспомянувъ, что у меня есть о семъ въ дѣшскихъ монхъ шепрадахъ, порылся, и нашель слѣдующее:

»Олимпія, городъ нарѣкъ Альфеѣ, нынѣ Руфьясь. Въ семъ городѣ было великолѣпное и славное капище, Олимпійскому Зевсу посвященное, въ которомъ находилось великое богатство, но всего драгоценнѣе спашуя Зевса, вылишая изъ чистаго золота, а другая сидящая, изъ золота и слоновой кости.

»До Фидіаса, выливали въ Коринѣ огромныя спашуи изъ Коринѣскаго металла, который цѣною равенъ былъ золоту. Сіе можно доказашъ слѣдующимъ: въ Римскомъ Пантеонѣ, плафонъ былъ сдѣланъ изъ Коринѣскаго металла, и сохраненъ отъ семи варварскихъ нашествій, опустошавшихъ Римъ даже до Папы Урбана VIII, изъ фамилии Барбарини, который, зная, сколько превосходенъ былъ сей металлъ, велѣлъ содрать оный, и употребилъ на сооруженіе главнаго алтаря въ храмѣ Св. Петра и Павла, который на Италіянскомъ языкѣ называется: La tribuna di santo Pietro. На сей случай кто-то очень ксташи написалъ слѣдующую игру словъ:

Quel che non fecero i barbari,
Fecero i Barbarini,

то есть:

Чего не сдѣлали варвары, сдѣлали Барбарини.»

дей и у просвѣщенныхъ; прощанія были слезныя отъ души и разные милые подарки отъ прекрасныхъ приняты были мною съ признашельностію и со слезами на глазахъ; однако и я оставилъ нѣкошорымъ, въ знакъ памяши, бездѣлки, привезенныя мною изъ С. Петербурга, а одной замужней, вмѣсто подарка, на листѣ написалъ слѣдующее: *то не должно, и само благоразуміе не позволяетъ, бывъ на краю пропасти, играть и рѣзвиться.* Красавица, принявъ съ благодарностію листъ бумаги съ вышесказанными словами, покраснѣла и слезы навернулись у нее; попомъ значительно сказала, что ежедневно будетъ имѣть предъ глазами подарокъ мой. Дай-шо Богъ, чшобъ исполнила свое обѣщаніе, а иначе будетъ на старосши пренесчастная.

Послѣдній обѣдъ въ Симферополѣ былъ у Офрейна, гдѣ, по обыкновенію, умъ, просвѣщеніе, любезность предсѣдали съ нами; хозяинъ отъ чувствительности уѣхалъ въ деревню, и никакъ не имѣлъ силъ равнодушно проспиться со мною; Леонисъ и Зенеида много плакали, хотя я съ обѣими часто спорилъ; мать осыпала меня благодарностію, за любовь мою къ ихъ дому.

29-е Сентября. Выѣздъ изъ Симферополя. Перекопъ. Худо спалъ отъ разныхъ про-

пивоположныхъ мыслей; своихъ видѣвъ желаю и Симферопольскихъ друзей и приятельницъ больно покидашь; чѣшбъ разсѣявъ себя, укладывался; много работы, особенно пошому, чѣшбъ болѣе полшора мѣсяца на одномъ почпи мѣстѣ. Въ дорогѣ нужно знашь, гдѣ чѣшбъ лежишь, все имѣшь подѣ рукою и на служилелей не надѣяшь-ея; насѣ съ малолѣшства сему учили и сшрого взыскивали на шѣхъ, кои по лѣности или изѣ гордосш за собою не смолрѣли. Въ семь часовъ, выпивъ кофе, увидѣлся съ лучшимъ челоѣкомъ и лучшимъ Губернашоромъ Барановымъ и съ его двоюроднымъ брешомъ, Княземъ Ивановъ Феодоровичемъ Голицынымъ, Шпабѣ - Ошцеромъ Гусарскаго Принца Оранскаго полка; съ досшойнствами молодой челоѣкъ и по сердцу пришелъ мнѣ. Много говорено дружескаго и много слезъ пролишо. Чѣшбъ удолешворишь желанію своему и просьбамъ семейства Офрейнь, пошелъ къ нимъ. Прощаніе было слезное; Леонисъ подарила мнѣ шапочку шалевую изѣ косыночки, носимой ею, сшишую ею же. Крупныя кристалловидныя слезы капились по нѣжнымъ ланишамъ обѣихъ сесшрицъ, Леонисы и Зенеиды; я побѣжалъ,

дабы не обнаружишь нѣжности чувствъ моихъ, неприличныхъ сорока пяти лѣшнему мужшнѣ. Я досшовѣрно могу сказашь, чѣшбъ въ малыхъ городахъ болѣе радушія къ ближнему, нежели въ споллицахъ, ошѣшого, каженсѣя, чѣшбъ родишели занимающсѣя воспитаніемъ дѣшей, а не наемницы и наемники.

Въ одиннадцашъ часовъ ушра. послѣ хорошаго завшрака, проспились съ Барановымъ, какъ съ роднымъ, любезнымъ брешомъ, сѣли въ коляску и помчались вихремъ; мершвое молчаніе продолжалось нѣсколько десяшковыхъ вершш. Добрый мой шоварищъ лилъ слезы, я не ушшупалъ ему въ семь сладосшномъ ушѣшеніи.

До Перекопа мѣшоположеніе весьма не дурно; ешѣ селенія; вершшы каменныя, и обошлись гораздо дешевле деревянныхъ; мосты шже каменные и хороши, дорога хороша, почшвые дома чисшны и смолпришели учшвы. Проѣхавъ 130 вершш, ошашновились въ 8 часовъ вечера въ дурненкомъ Перекопѣ, въ домѣ одной не миловидной купеческой женки. Холодно, сыро. Хотя съ грустшю, но поѣли и легли спать. Молишвы благодарносш неслись ошѣ души моей къ небесамъ.

30-е Сентября. Перекопъ и Херсонъ.
Рано походили по Перекопу, незавидному
городку, гдѣ ничего не могли достать,
даже молока, не шокмо сливокъ. Холодно,
а просто сказать морозикъ, и это меня
удивило; но степи зеленѣя. Проѣхавъ отъ
Симферополя 205 верстъ, остановились въ
Каховской станціи; здѣсь оканчивается
власть Таврическаго Губернатора и начи-
нается Херсонская губернія. »Здѣсь,» ска-
заль я Графу, любезному поварищу моему:
»мы въ 205 верстахъ отъ новыхъ друзей и
пріятелей, коихъ никогда не забуду!« —
»Точно друзей!« отвѣчалъ Графъ, и слезы
навернулись у обоихъ.

Я знаю, что модные писатели, осо-
бенно читатели ихъ, разсмѣясь, скажутъ,
да что это за сочиненіе! Все слезы, да
слезы! — Такъ, мои милые!! Вамъ нужна
ложь, блестящіе блески безъ блеску, но-
вый слогъ безъ толку, смѣлые обороты
безъ правдивости; вы, мои милые ги-
татели, новаго покроя! Любите, чтобы
вамъ хвалили: лошадь не по силѣ и лов-
кости, а по убору, гончую собаку не по
быстрому бѣгу, а по ошейнику, пшцу не
по полету и пѣнью, а по красотѣ перьевъ
и позлащенной кляткѣ. Прибавлю вамъ
еще: было время, что и меня хвалили, и

хвалили мыслящіе люди, Н. И. Ахвердовъ,
Державинъ, Карамзинъ, Капнистъ, Каче-
новскій и многіе другіе; можешь быть не
за слогъ, но за предметъ писанія моего,
а извѣстный славный паршизанъ нашъ,
Ден. Дав., въ молодости своей, въ порывѣ
добродѣтельныхъ спрасшей своихъ, по
проченіи моего труда: Твердость духа
Русскихъ, прислалъ мнѣ слѣдующіе стихи:

Гераковъ! прочиталъ твое я сочиненіе;

Оно утѣшило мое уединеніе;

Я нѣсколько часовъ имъ душу восхищалъ:

Пріятно видѣть въ немъ, по сердцу благородно,

Что пылкій духъ любви, къ отечеству внушалъ.

Ты чтешь отечество и Русскому по сродно:

Онъ ею славу, честь, безсмертіе дослалъ.

Еще прибавлю: извѣстный Стихотво-
рецъ — Саширикъ, С. Мар., писавшій много
(смѣшныхъ стиховъ на счетъ многихъ и
моихъ трудовъ, не могъ удержаться), по
проченіи моего сочиненія о дѣвицѣ Ильи-
ной, и написалъ къ поршрешу моему слѣ-
дующее:

Вашъ человечества любитель и предшатель!

За то содѣлался сердецъ онъ обладатель,

Что въ горести одной дѣвицѣ онъ помогъ.

За то списалъ его и Александръ и Богъ.

Онъ же, С. Мар., по проченіи: Твер-
дости духа Русскихъ, написалъ:

Сей Авторъ не во зло перо употребилъ,
Онъ, многихъ Россіянъ имъ твердосѣ възвѣсшилъ.

Пусть называютъ меня щещеславнымъ,
а я скажу: отдавать нѣкоторую справед-
ливосѣ и себѣ, кажется, не грѣхъ: *кто
умѣетъ безъ пристрастія цѣнить себѣ;
тотъ рѣже подпадаетъ проступкамъ.*

Береславль малый городокъ; нынѣ пушъ
ярмонка. Переѣзжали чрезъ Дѣпръ по дур-
нымъ зыблющимся мостамъ; прежде ѣхали
пять версѣ песками. Видѣли землешес-
ство, пашбища, рышвины, пески. Мосты
хуже Таврической губерніи. Чрезъ рѣку
Ингуль или Ингулецъ, паромъ дурной. Въ
семь часовъ по полудни, пріѣхали въ Хер-
сонъ; очень темно и холодно, къ тому же
вихрь — непріятно. Прислали у богатаго
Жида; три его дочери прекрасны, не роб-
ки, и услужливы; мать очень хороша,
отецъ не дуракъ и, что диковиною можно
почесѣ, одѣшъ въ чистый черный, аплас-
ный полукафтанъ; комнашъ чисты, и въ
одной изъ нихъ спояло форпояно. Подъ-
ѣзжая къ Херсону, первая мысль была ип-
ти обияшъ стараго друга, товарища по
корпусу Греческому, Александра Яковле-
вича Рудзевича. Переодѣвшись, пошелъ при
фонарѣ съ провожаемымъ Жиденкомъ. Двад-
цать два года не видались, но я едва вошелъ,

онъ назвалъ меня по фамиліи, и бросились
одинъ къ другому въ объятія. Тушъ си-
дѣла супруга его, учтивая, привѣтливая
мать осмерыхъ дѣшей Марѣа Асшафьевна,
а подлѣ нее прелестная ея сесприца. Друж-
ба, родившаяся въ дѣшствѣ и молодоспи,
не охладѣла и нынѣ, не смошря на то,
что Рудзевичъ въ шрехъ звѣздахъ, полу-
ченныхъ въ опечесшвенную священную
войну 1812 года за опличные подвиги, а
я только Коллежскій Совѣшникъ. Здѣсь
какъ не сказаѣ, что истинное, шочное,
не модное воспишаніе, сближаешъ сердца
соучениковъ, и навсегда сохраняешъ чув-
ства дружбы. Меня приглашали ошашъся
ужинашъ, но я долгомъ себѣ посташилъ
черезъ часъ ворошиться къ шоварищу и
новому другу, давъ слово другой день по-
святивъ старой дружбѣ. Пришедъ домой,
заспалъ шоварища своего игравшаго за-
унывныя пѣсни на слишкомъ распроен-
ныхъ клавикордахъ; поговорили, поѣли и
послѣ молишвы улеглись.

1-е Окшября. *Херсонъ и Николаевъ.*
Покровъ Божіей Матери. Сей день празд-
нуешся въ Греціи съ 911 года; ушановленъ
благочесшвивымъ Греческимъ Имперашоромъ
Львомъ Мудрымъ, въ знаменіе небеснаго
защищенія Грековъ онъ Сарацинъ; въ Рос-

си съ принятія Православной Греческой вѣры, также празднуешь. Дождь, холодъ, сыро, грязно, и Херсонъ, кажется, падаешь, за то Одесса поднимается. Спаль хорошо и бредилъ любезными друзьями Крымскими. Въ седьмомъ часу ухра, при ненастной погодѣ, ходили въ крѣпость, въ Соборную церковь; въ семь Соборъ щещно я искалъ гробницу Князя Пошемкина-Таврическаго, щещно я просилъ показашъ мнѣ пышный мавзолей, въ честь сему славному мужу воздвигнушый по повѣленію Великой Екатерины II. Не шокмо не видѣлъ памяшника, даже не могли или не хотѣли показашъ мѣста, гдѣ погребено тѣло его. Все сіе привело меня въ уныніе, но вдругъ въ головѣ моей просіяла мысль, испиною руководимая, и я сказала поварищу моему: »Покореніе Крыма безъ пролитія крови, »сооруженіе Черноморскаго флота и флотиліи, преобразование дикихъ степей »въ страну благословенную, построеніе »Николаева, основаніе Одессы, побѣды, паденіе Очакова, Измаила и другихъ крѣпостей, сущъ незабвенные памяшники за »слугъ и славы -- Пошемкина, мужа не »обыкновеннаго! « (*)

(*) Нынѣ, по исчисленію почти сорока лѣтъ отъ

Съ моими словами были согласны поварищъ мой, и нѣкоторые, шущъ находившіеся.

Ходилъ поклониться праху опличнаго мужа Ивана Ивановича Миллера-Закомельскаго, погребеннаго въ оградѣ Собора.

Въ девять часовъ пріѣхалъ къ намъ Рудзевичъ, и своею умною бесѣдою о разныхъ предметахъ, особенно по часпи воинской, онъ показалъ знаніе, скромность и что съ пользою служилъ подъ начальствомъ великаго Суворова. Графъ, поварищъ мой, въ восхищеніи былъ отъ Рудзевича и завидовалъ даже, что я другъ сего человѣка, опличнаго Генерала. Бывъ приглашены, завтракали среди дружбы, любезности, ума и просвѣщенія — среди семейства Рудзевича. Нѣтъ словъ и выражений изъяснить, или передашь чинашелямъ мое счастье. Нѣсколько часовъ мы говорили о многомъ и, расставаясь во 2 часу съ добродѣтельнымъ семействомъ, плакали (*).

Дорога къ Николаеву, хопя и была грязная послѣ дождей, но хороша; мы

кончины Пошемкина, воздвигается монументъ сему свѣтлѣйшему Князю въ Херсонѣ.

(*) Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ — нынѣ блаженствуетъ на небесахъ, за свои душевные, опличныя качества.

мчались, а не ѣхали; въ пятомъ часу по полудни были уже въ домъ Вице-Адмирала Грейга, который ожидалъ насъ; у него обѣдали, ужинали, ночевали. Признательность наша къ нему навсегда сохранилась въ сердцахъ нашихъ; Грейгъ своимъ умомъ, просвѣщеніемъ и прямымъ Русскимъ гостепріимствомъ обворожилъ насъ; собесѣдники, морскіе чиновники, своими разговорами доказали свое хорошее образованіе.

Николаевъ чистъ, а домъ Грейга, построенный славнымъ Пошемкинымъ на берегу ~~Чернаго моря~~ ^{ингула}, прелестный.

Грейгъ, узнавъ, что я не Превосходительный, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: поздравляю васъ; *вы безъ ропота терпѣніемъ наслаждаетесь.* Эта черта въ вашей жизни истинная философія или почная добродѣтель. Покраснѣвъ, благодарилъ отъ души Адмирала.

28-е Октября. Николаевъ и Одесса. Мало спалъ, отъ того былъ утрюмъ и сказалъ нѣкоторыя колкости, своему любезному поварищу, но онъ мимо ушей пропускалъ, желая скорѣе быть въ Одессѣ; то манило его шуда зрѣлище Италіанской Оперы, то рейда Одесская, наполненная кораблями — прямой же причины

не хотѣлъ сказать, но я догадался, и улыбнувшись, спалъ одѣваясь, и въ 5 часовъ ушра былъ уже готовъ къ отпѣзду.

Вчера была ужасная буря, которою я любовался съ огромнаго балкона надъ ~~Чернымъ моремъ~~ ^{ингуломъ} въ домъ Грейга. Сегодня шило, и мнѣ было весело. Къ шести часамъ собрались въ залъ, гостепріимный Грейгъ, разные чиновники и Адъютанты его; накрыли большой столъ, на коемъ поставлено было: чай, кофе, бюфшпексъ, яйца, комплешы, — чего хочешь, того и просишь. Безъ аппетита выпилъ чашку кофе и съѣлъ компешку на дорогу. Однако досадно было мнѣ, что не ходилъ по Николаеву и ничего не видѣлъ. Въ семь часовъ ушра, въ коляскѣ Адмирала Грейга проѣхалъ двѣ версты до пристани Буга; на каперѣ перѣехали сію рѣку, шириною двѣ версты и бо сажень; экипажи наши перевезли на паромъ.

Отъ Николаева до Одессы 120 верстъ; дорога не дурна, степи были еще зеленныя, есть и селенія. Къ исходу двухъ часовъ очутились въ Одессѣ, остановились въ собственномъ домѣ Графа Михаила Семеновича Воронцова, на берегу Чернаго моря. Одѣвшись по городскому, пошли, званые, къ Военному Генераль-Губернатору

Графу Ланжерону; приняты оплично хозяиномъ и его Графиней. За обѣдомъ были: опставной Генераль-Маіоръ Князь Вяземскій, человекъ весьма пріятнаго обращенія и съ скромнымъ просвѣщеніемъ, Генераль-Маіоръ Киселевъ, человекъ острый и смелый мой знакомый, Графъ С. При, честный и скромный человекъ, всѣ шрое хорошаго пону; были еще и другіе.

Городъ *Одесса*, построенный на возвышеніи, хорошъ; но мнѣ говорили, что со стороны моря, представляешь видъ амфиатра. Городъ расположенъ, какъ кажется, по хорошему плану; улицы широки и длинны, но не вымощены, а посему грязи и пыли не оберешься. *Одесса* названъ симъ именемъ Екатериною II 1796 года, а прежде назывался *Кажабея*.

Полицмейстеръ *Одесскій* говорилъ мнѣ, что въ *Одессѣ* 2500 домовъ, что прошлаго года выстроено 370 домовъ, и что нынѣ строится 440; правду ли мнѣ говорилъ Полицмейстеръ, или нѣтъ, не отвѣчаю.

Казалось, что въ хорошемъ домѣ и тепломъ, я буду сладко спать; нѣтъ, приближеніе къ столицѣ и желаніе скоро увидѣть родившую меня, родныхъ, друзей и пріятелей, разогнали сонъ; къ тому же

дума о Ан. Вл., о Ан. Вас., о Леон., о Рад — вой, превозжила меня.

3-е Октябрия, Воскресенье, *Одесса*. Забывъ коварный климатъ *Одесскій*, поѣхалъ на дрожкахъ въ одномъ фракѣ въ Греческую церковь, и озябъ до чрезмѣрности; не холодно, какъ зимою, но хуже и опаснѣе для человека.

Первый разъ въ жизни слушалъ литургію на Греческомъ языкѣ; чинно и хорошо происходила служба, но напѣва безъ привычки, не могу похвалить, хотя я и Грекъ; кажешься, поюшь въ носъ, и далеко отъ Русскаго церковнаго пѣнья, не смотря на то, что Русскіе заимствовали оное у Грековъ. Церковь хороша, и прихожане со вниманіемъ и набожностію стояли въ храмѣ Божіемъ. Пріѣхавъ домой, на дѣлъ на вашъ сюршукъ, пошомъ посѣпиль Князя Георгія Машвѣвича Каншакузина, что жена въ умной и прекрасной Княжнѣ Горчаковой; она и мать его приняли меня какъ роднаго, за что я имъ душевно благодаренъ. Заѣзжалъ къ дядѣ и спаршему брату моего зятя Десшуниса; незнакомая доселѣ родня была рада моему посѣщенію; жена и двѣ дочери послѣдняго любезны, особенно дочери. Обѣдавъ съ поварихею у Графа Ланжерона; доволенъ и хозяевами

и учтивѣйшими госпями ихъ. Тутъ Рускіе, Греки, Французы, одинъ передъ другимъ старались угождать прїѣзжимъ изъ столицы. Смѣшно, и грѣшно! до обѣда былъ въ Лицеѣ, Жилле начальникъ и Флуки помощникъ. Я не нашелъ того, чего слышался о семъ заведеніи. Могу утвердительно сказать, что Флуки имѣетъ отличныя познанія, но слишкомъ добръ и тихъ.

Одесса хорошій городъ, и что-то живо, особенно послѣ смиреннаго не шумливаго Симферополя; но живущіе, кромѣ служащихъ и нѣкоторыхъ спарожилыхъ Грековъ и Русскихъ (да и изъ нихъ есть грѣшники), все выжига или яспребы, соколы, кобчики, вороны: держи ухо востро! Вся нація міра шумъ какъ шумъ, да и жены иноземцевъ — охъ, да охъ! щеголихи!

Здѣсь въ Одессѣ, нѣкоторые иноземцы счищаютъ пустыми словами: *добродѣтель и безкорыстіе*; даже и по службѣ, продолжаютъ, мало кто честію и дѣятельностію разбогатѣлъ и счалъ извѣстнымъ; въ примѣръ представляли древность: *Оемиспоклъ* изгнанъ былъ изъ своего отечества, которое онъ спасъ отъ варваровъ; *Милтіадъ* знаменитый умеръ въ шемницѣ; мудрый *Фоміонъ* испустилъ послѣдній

вдохъ въ присущствіи палача; *Ариспидъ* справедливый былъ въ оспрацизмѣ; *Сократъ* мудрѣйшій испылъ цыкушу, осужденный какъ преступникъ. Множество еще другихъ примѣровъ насаждали мнѣ — и ждали моего отвѣта. Я имъ отвѣчалъ: »воспитанный единственно Русскими дворянами, посвятившими во мнѣ честность и непоколебимость въ правдѣ, скорѣе и охотнѣе желаю умереть, подобно вышереченнымъ мужамъ, нежели соглашусь съ бланкосенный шагъ, или низоспію и позачаю разбогатѣть и возвыситься. Заключали иноземцы и перемѣнили рѣчь. Я имъ еще прибавилъ, что безъ счастья сердца и души, всѣ прочія счастья мечты.

Сидя на балконѣ въ домѣ Графа М. С. Воронцова, созерцалъ Черное море со множествомъ купеческихъ кораблей, несущихся изъ разныхъ странъ за нужными имъ Россійскими продуктами. Съ сего мѣста вздохи неслись къ Смирнѣ, гдѣ сеспра моя съ мужемъ Десшунисомъ и дѣтьми своими скучно и грустно проводятъ время, далеко отъ Россіи, родныхъ и пріятелей, среди варварскаго народа, Турокъ, и ежедневно видя сильное угнетеніе надъ Греками. Я увѣренъ, что и сеспра моя, любезная Анаспасія Васильевна, съ просвѣщеннымъ и благоразумнымъ

мужемъ своимъ, думаюшъ обо мнѣ, и эта сладостная мысль для сердца заставила выкашиться слезамъ моимъ. Въ сіе время принесли письма отъ родныхъ и любезныхъ мнѣ людей, изъ разныхъ родовъ и изъ Смирны; — чтение оныхъ занимало меня до обѣда у Графа Ланжерона, учтивостями коего нельзя нахвалиться. Былъ въ театръ въ ложѣ Военнаго Генераль-Губернатора: играли Урокъ мужьямъ и Слуга двухъ господъ, не хуже С. Пешербургскихъ *лицедѣевъ*. О балетѣ нѣчего и говорить; довольно дурно, и почти всѣ шанцорки собою дурненьки, съ прешодшими ногами, что можно было удобно замѣшить, ибо женщины заступали мѣста мужчинъ, а сихъ послѣднихъ вовсе не было; по распросамъ моимъ узналъ, что всѣ шанцорки изъ Полячекъ. Театръ хорошъ, но дурно освѣщенъ; оркестръ несравненно хуже Сарашовскаго. Въ театръ видѣлъ много знакомыхъ, привѣтствіями коихъ весьма доволенъ. Посидѣлъ въ ложѣ у прекрасной и занимательной Гр. Ольги Спаниславовны Потоцкой, которая просила посѣпить ее. — Я ошблагодарилъ. Остальное время вечера провелъ одинъ у себя въ чтеніи Газетъ; не знаю, почему, но мнѣ Одесса весьма не нравится; все что-то не

Русское и похоже на Ромуловъ городъ; кажется, можно утвердительно сказать: что со всѣхъ странъ свѣта спеклись люди *смышленные съ пустыми кошельками*, а нынѣ, что за дома у нихъ, что за лавки, карешы! и жены ихъ неграмотныя, въ нарядахъ богатыхъ и со вкусомъ! Упомянутый отъ разнообразныхъ чувствъ, молился съ усердіемъ — пора домой.

4-е Октябрия. Одесса. Утромъ писалъ письма; ѣздилъ къ Гр. Ольгѣ Сп. Потоцкой, которую нашелъ сидѣвшею на берегу Чернаго моря въ собственномъ саду, ибо въ комнапахъ нѣтъ возможности быть, отъ тончайшей пыли. Она приняла по старому знакомству, премило; разговоръ съ часъ времени утѣшилъ поскующую мою душу, Англичанка, при ней находящаяся порядочная, и 15 лѣтняя Гречанка изъ Балаклавы, которая своею красотою обратила на себя вниманіе; я съ нею говорилъ по Гречески. Довольный будучи любезностію хозяйки; поѣхалъ обѣдать на званый обѣдъ къ Князю Кайтакузину. Сполъ славный, и первый разъ въ Одессѣ пилъ хорошее вино; бесѣда умная съ Ашшическою солюю, очень была нужна для разспроеннаго моего духа. Здѣсь познакомился съ благоразумною и пріятною Девіеръ; съ благодарностію оша-

виль отличный домъ, и отправился къ Начальнику карантина, Молдаванцу или Греку Персіани, Дѣйстви. Спашск. Совѣшнику, коего жена предобрая женщина; шущъ заспаль много Грековъ, кои *терли*сь въ учтивостяхъ ко мнѣ; слѣдственно разговоръ былъ пустой, однако я благодарень всѣмъ. Чешыре Гречанки милы и малорѣчивы. Вечеръ просидѣлъ у Графа Ланжерона, и признаюсь мнѣ скучно было не ошъ хозяевъ, а ошъ ихъ гостей: шущъ были жены купцовъ Одесскихъ, Француженки, одѣшья пышно, но безъ всякаго воспитанія; только супруга Директора Коммерческаго Банка и умна и хороша собою; мы вмѣстѣ погрустили, что не въ Пешербургѣ. — Было и мужчинъ много, но не мои люди, и пошому мнѣ было скучно и скучно. По возвращеніи домой, помолясь Богу, крѣпко заснулъ.

5-е Октябръ. *Одесса*. Упро провелъ въ чтеніи и письмѣ; ѣздилъ по лавкамъ и нашель, что — все, кромѣ полошна, дорого, и ни одного аршина хорошаго сукна нѣтъ какъ нѣтъ, ни у богатаго Рено, ни у другихъ богачей — лавочниковъ; для нѣкоторыхъ Крымскихъ красавицъ купилъ башмаковъ по 11 рублей пару — это ужасно! три дюжины заплачены 330 рублей. Въ

сполицахъ такихъ цѣнъ нѣтъ, а все кричащъ, что въ Одессѣ все дешевле! Въ 12 часу, вмѣстѣ съ поварищемъ моимъ, ѣздилъ къ Сп. Совѣшн. Ивану Павловичу Бларанбергу, Инспектору таможенному и славному Аншикварію; медалей и другихъ рѣдкостей у него множество, и въ классическомъ порядкѣ, все изъ города *Ольвіо* въ 50 верстахъ ошъ Одессы. Бларанбергъ, пріятный, ученый и любезный человекъ, безъ педантизма, показывалъ свои рѣдкости, пошомъ представилъ роскошный завтракъ. У него мы заспали Генер. Маіора Блаховскаго, кошорый мнѣ понравился за то болѣе, что хвалилъ, или опдавалъ должную справедливостъ Генералу Рудзевичу, любезному моему другу. Обѣдалъ у Графа Ланжерона, всегда учтивого. Послѣ обѣда ходили по магазинамъ и лавкамъ, — все дорого въ сравненіи цѣнъ Пешербургскихъ; были въ церквяхъ, и мнѣ кажется, что церковь Греческая превосходитъ внутренностію церковь Греко-россійскую. Дома читалъ Газеты. Былъ въ театрѣ и, по приглашенію, въ ложѣ Графини Ланжеронъ; играли Итальянцы: Счастливый случай, *Lingano felice*, музыка Россини; давнымъ давно не чувствовалъ столько удовольствія; музыка прелестъ!

Примадона, дѣвица Арриги, превосходно пѣла, къ тому же 22-хъ лѣтъ, хороша собою и, какъ увѣрили меня, строгой добродѣтели. Актеры одѣты были прекрасно; декорации хороши; но театръ худо освѣщенъ, оркестръ не отвѣчаетъ превосходному пѣнію Арриги. Ужиналъ у Графа Ланжерона, въ 11 часовъ былъ дома, до двухъ часовъ писалъ и дума о Петербургѣ извлекла слезы. Молился, послѣ сего крѣпко заснулъ. Сего же дня послалъ за поршнымъ, Французомъ, кошорый пріѣхалъ въ каретѣ; я ему заказалъ пару плащевъ, ибо очень располсѣлъ, хотя и на чужбинѣ; кажешься, ѣзда мнѣ полезна, но увидимъ въ послѣдствіи, что со мною будешь.

6-е Октября. *Одесса*. Вчера восхищался красотою и кропкою любезностію Гр. Ольги Сп. Пошюцкой; съ 8 часовъ утра до 12 писалъ письма къ особамъ, кои въ путешествіи обворожили меня своимъ вниманіемъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, говорятъ: бѣднѣе не часто встрѣчаютъ патріархальное гостепріимство, а я поспорю; ибо по опыту испыталъ совершенно прошивное. Въ первомъ часу по полудни, вмѣстѣ съ товарищемъ ѣздили къ Князю Волконскому, кошорый представилъ насъ Графинѣ Калиновской, урожденной Графинѣ Прошо-

пошюцкой. Я нашель въ сей молодой особѣ просвѣщеніе, умъ, любезность и что-то привлекающее сердце; у нее видѣлъ двухъ дѣвицъ, обратившихъ на себя мое вниманіе. Въ три часа, званые, обѣдали у Графа С. При; все было хорошо, въ изобиліи и со вкусомъ. Былъ послѣ обѣда у здравомыслящаго спарика Деспунисъ; былъ у Князя Каншакузина, коему далъ маршрутъ до Кавказскихъ водъ и рекомендабельное письмо для офицеровъ его полка. Заѣзжалъ къ Гр. Ланжерону, гдѣ нашель много гостей, но меня занимала одна Графиня Ольга Сп. Пошюцкая. Довольный пришелъ домой; но едва предался думѣ, грусть и тоска посѣтили меня. Зависимость не по службѣ шягостна.

7-е Октября. *Одесса*. Городъ прескучной, и даже для меня пренесносный; шущъ все не просто, что слово — то барыши, что разговоръ — то деньги, и кажешься живущъ большая часть на оборотахъ, или кто кого обманешь, или переплутуешь (*).

(*) *Прилижаніе*. Нынѣ, какъ меня многія, вѣры достойныя особы увѣряють, Одесса по вѣмъ частямъ въ лучшемъ положеніи, нежели когда я былъ въ оной 1820 года, и утверждають также, что со вступленія Графа Михаила Семеновича Воронцова Начальникомъ сего края, лихоимство гораздо уменьшилось, судопроизводство справедливѣе и посѣш-

Сего утра товарищ мой получил роковое для меня письмо, что он может въехать въ Тропау, на что и прислано ему много денег; следовательно намъ должно разлучиться. Эта новость меня сильно огорчила; но переменить было нѣтъ, и я спарался быть веселымъ. По приглашенію обѣдали у Графини Калиновской, которая угостила и прекраснымъ столомъ и умнымъ разговоромъ и искусною игрою на фортепьяно; подле меня, во время обѣда, сидѣли Изабелла Валеско, двоюродная сестра Графини Калиновской, и Онорія родственница ея; обѣ прекрасны, и своимъ крошкимъ, благо-разумнымъ разговоромъ, доказали свое хорошее воспитаніе, и я увѣренъ, что обѣ содѣлають счастливыми тѣхъ, кои будутъ мужьями ихъ; у первой въ глазахъ видна ангельская душа, у второй веселость съ меланхоліею. Мнѣ грустному,

не производится; промышленность въ цѣвущемъ видѣ; пронырства, обманы, спекуляціи разнородныхъ жишелей, нѣсколько поубавились; нѣкоторыя вещи дешевле прошлаго. Великолѣпныя страсніа воздвигнушы, шонъ общества обогатился и многіе богатые люди завелись домами и живутъ открыто; улицы освѣщены и вымощены, следовательно грязнѣе прежняго. Театръ прекрасный, но климатъ шонъ же.

весело было бесѣдовать съ невинностію. Не-хотѣя былъ въ театръ, — бенефисъ актрисы Пешровской: играли Трагедію: Графъ Бенъевскій, сочиненія Коцебу, запрещенную въ столицахъ; но здѣсь *porto франко*. Правду сказать, что пѣса была играна дурно, обставлена дурно, декораціи дурны, костюмы и дурны и уродливы — сочиненіе самое несбыточное, и дурно сплешено. Въ театръ болѣе всего занимали меня вышепоименованныя двѣицы. Ужиналъ у Графа Ланжерона; пошомъ съ шоскою, по-молясь, заснулъ. Графъ Ланжеронъ по моимъ доказательствамъ запретилъ впредь играть Бенъевскаго.

8-е Октябрія. Одесса. Погода хорошая, лѣшняя до пяти часовъ по полудни. Съ благодарностію поѣхалъ Графиню Калиновскую. Обѣдалъ у Деспунишъ; весьма доволенъ; угощали съ радушіемъ все Греческими яствами. Старожилы Одесскіе, съ 1796 года поселившіеся, большею частію честные люди, шаконъ Деспунишъ дядя. Былъ въ театръ, Италіянцы давали Оперу *Аделина*, а Русскіе *Выдуманный кладъ*; оба представленія даны хорошо. Вечеръ у Гр. Ланжеронъ. Тушъ молодая вдова Солодовникова нѣсколько разсѣяла мою грусть пріятнымъ разговоромъ и прелестнымъ

пѣніемъ. Наменя сердилась одна красавица за то, что я предпочитаю умъ, крошесъ, добродѣшель, образование, блестящей красотѣ.

9-е Октябрия. *Одесса*. Погода прекраснѣйшая, даже жарко. Сидя на балконѣ въ домѣ Графа М. С. Воронцова, испинно восхищался, созерцая Черное море и множество кораблей разныхъ странъ. Видъ красивый, можно сказать очаровательный; однако я Одессы не люблю. Ыздилъ прощахъ къ Графинѣ Ольгѣ Ст. Пошюккой, Каншакузину, Десшунисъ, плакали всѣ, а дочери болѣе; Графиню Калиновскую не засталъ. Въ лавкахъ видѣлъ всѣхъ Одесскихъ дамъ, гдѣ дѣвица Валеско своимъ милымъ разговоромъ и скромнымъ взглядомъ оставила впечатлѣніе въ душѣ моей. Званые, поварищъ мой и я обѣдали у Князя Волконскаго; столъ роскошный. Тутъ обѣдали высокопарные безъ логики, молодые люди, прѣхавшіе изъ столицы; кажется, съ наукою, но счастливѣе были бы безъ оной. Тутъ былъ Адьюпантъ Графа Ланжерона, Мейеръ, воспитанный и скромный молодой Гусарскій офицеръ; мнѣ онъ очень понравился. Вечеръ прелестный, луна крошко и свѣило показывала себя на небѣ. Черное море было тихо, а душа

моя въ волненіи, что долженъ одинъ проѣхашъ болѣе 2000 верстъ. По приглашенію пилъ чай у Гр. Калиновской, кошорая прислала мнѣ письмо, чтобъ остановишь въ Кіевѣ въ ея домѣ. Здѣсь у Графини при прощаніи слезы навернулись на глазахъ моихъ. Прощальный ужинъ былъ у Гр. Ланжерона. Нѣтъ словъ возблагодарить Графа за его всегдашнюю благородную учтивость и гостепріимство, и Графиня была въ сей день чрезвычайно ласкова и жалѣла, что оставляемъ Одессу такъ скоро.

10-е Октябрия. *Одесса и дорога*. Ушромъ рано уложился къ отъѣзду и разсмапривалъ колясочку, въ кошорой долженъ буду ѣхашъ. Она конечно когда-то была Ынская, кузовъ изъ бѣлаго желѣза и безъ дверей, тѣсна, мала, но другой не достали за пять сотъ рублей. Насъ посѣтили Гр. Ланжеронъ, Гр. С. При, Жиле и другіе. Распросхъ со всѣми, пошли обѣдахъ въ Французскій пракширь; съ насъ взяли очень дорого и худо накормили. Въ первомъ часу выѣхали изъ грязной и для меня прескучной Одессы; шущъ, кажется, одинъ другому не довѣряешъ, одинъ другаго боишъ, одинъ другаго остерегаешъ, и всѣ съ лицомъ пріятнымъ и заманчивымъ. Держись и держи ухо востро, а то будешъ

обмануть; иначе мудрено и быть, ибо здѣсь, какъ я уже сказалъ, спѣченіе всѣхъ націй и людей, съ тонкостію и проникаемостью. Нельзя сказать, на какомъ нарѣчьи говорятъ въ Одессѣ: на улицѣ, слышишь Русскій языкъ, Греческій, Испанскій, Французскій, Еврейскій, Нѣмецкій, а въ домахъ, гдѣ я былъ, большею частію говорятъ по-Французски и по-Гречески. Лицей Одесскій въ упадкѣ, Греческое училище цвѣшетъ, и болѣе 250 мальчиковъ обучаются даромъ. Греки домъ купили и 30000 рублей дають въ годъ на содержаніе. Карантинъ хорошъ. *Застава знаетъ свое дѣло.*

11-е Октября. *Дорога.* Мѣста изрядныя, но все пустыня, вѣтряно и холодно, дорога не дурна, мосты порядочны. *Тирасполь, Дубосары* и самая *Балта* хуже многихъ Россійскихъ деревень; здѣсь въ Балтѣ оканчивается Херсонская губернія и начинается Подольская. Селенія богатыя, дорога хоша и гориста, но хороша. Балта наполнена Жидами, и мы должны были остановиться въ Жидовскомъ домѣ, гдѣ нашель необыкновенную чистоту; чепыре Жидовки, одна другой лучше, послушались меня, сняли одѣяніе Жидовское, и всѣ надѣли капошы; я уприсиль Жидовъ

не быть въ комнашахъ, ибо всѣ неопрятны. Поваръ нашъ, или лучше сказать, богатаго моего шоварища, приготовилъ славный обѣдъ, послѣ котораго мы поѣхали; ночью было весьма холодно.

12-е Октября. *Тульчинъ.* Проѣхавъ Ольгополь упромъ, въ 6 часовъ вѣхали въ Тульчинъ и прямо къ Павлу Димитріевичу Киселеву, который радушно принялъ насъ. Тульчинъ, изрядный городъ, принадлежитъ Графу Мечиславу Потоцкому; Жидовъ болѣе 4000. Тутъ Штабъ-квартира 2 Арміи, подъ начальствомъ Графа Витгенштейна. Начальникъ Штаба Генераль-Маіоръ Киселевъ; болѣе 250 Штабъ и Оберъ-офицеровъ живутъ въ Тульчинѣ. Киселева уважають подчиненные; Адьютанты его, сколько я могъ замѣшшь, отличные молодые Офицеры, Абрамовъ, Бурцовъ, Князь Трубецкой и другіе, и всѣ въ трудахъ полезныхъ для службы у для нихъ самихъ. Въ одиннадцать часовъ ухра, товарищъ мой отправился изъ Тульчина въ Тропау; прощаніе наше было слезное. Я, съ горя, на дрожкахъ госпепріимнаго Киселева поѣхалъ осмотрѣть мѣстечко Тульчинъ, заѣзжалъ къ Левенштерну, Генераль-Лейшенанту Артиллеріи и командующему всею артиллеріею 2-й Арміи; добрый и отличный по

своему мѣсту Начальникъ. Обѣдъ у Киселева былъ хорошъ, молодые офицеры чинно сидѣли и дѣльно говорили, что болѣе доказываешь ихъ хорошее образованіе; къ пяти часамъ пріѣхалъ вѣжливый и учтивый Генераль-Маіоръ Баронъ Розень. Разговоръ послѣ чаю былъ пріятенъ для меня. Въ 10 часовъ разошлись, и я пришелъ въ приготовленную мнѣ комнашу, чистую и уютную; при всемъ моемъ здоровьи, я чувствовалъ скорбь въ душѣ, думая о товарищѣ и о себѣ, что долженъ буду въ дорогѣ самъ хлопотать и ѣсть, что случится, ибо повара поварищъ мой увезъ съ собою. При мнѣ остался передовой и опшпавной унтеръ-офицеръ изъ Нѣмцевъ съ Георгіевскимъ крестомъ, взятый мною въ Симферополѣ; въ два часа ночи со многими вздохами сомкнулъ глаза.

13-е Октябрия. *Тульгинъ*. Хотѣлъ ѣхать по просьбѣ Киселева остаться еще на сушки. Гостепріимный хозяинъ возилъ меня по окрестностямъ Тульчина, кошорыя весьма изрядны. Молодые офицеры у него въ комнашахъ всегда въ дѣлѣ, и обѣдаютъ всѣ у него; имъ нѣкогда *праздности* учить-ся; самъ онъ по десяти часамъ сидитъ за работою. Честно ему и за то, что онъ мнѣ говорилъ: предшественникъ его Руд-

зевичъ первой привелъ въ хорошую *организацию* письменныя дѣла и завелъ строгую дисциплину: обоимъ честъ. Послѣ обѣда были у Генераль-Интенданта, человека опшпчнаго просвѣщенія, любезности и честности. Радуетъ меня то, когда *лакомья* мѣста занимають безкорыстные люди. Меня водили въ лазаретъ на спо человека, гдѣ нашелъ я опшпчную чистоту. Въ канцеляріяхъ опрятность и порядокъ. Все вмѣстѣ заславляетъ почищать Киселева. Осташокъ дня провелъ тихо и пріятно.

14-е Октябрия. *Тульгинъ и дорога*. Въ семь часовъ утра, уложась въ маленькую коляску и кибитку, принесъ мою благодарность Павлу Дмитриевичу Киселеву за его дружеское и любезное вниманіе ко мнѣ, пустился въ путь. Хозяинъ мой жалѣлъ, что скоро опгѣзжаю; и мнѣ бы хотѣлось остаться, но и къ должности поропился и сильное желаніе увидѣть мать, родныхъ, друзей и пріятелей С. Петербургскихъ меня къ тому побуждали. День и ночь въ ѣздѣ. Дорога гориста, но не дурна. На 13-й верстѣ отъ Тульчина, начинается Кіевская губернія — дорога становится лучше; однако въ Подольской естъ версты, а здѣсь нѣтъ еще, спранно. Въ

шессть часовъ по полудни въ мѣстечкѣ *Зазоръ*, Плахона Машвѣвича Козловскаго; спросилъ: дома ли онъ? — на охотѣ; а пошому оспановился въ Жидовской корчмѣ, гдѣ за двѣ яичницы принужденъ былъ заплащивъ двѣ полшины серебромъ; ужасно дорого, по-Жидовски — взяли съ поклонами. Луна тихо, печально плавала на небесахъ и освѣщала меня не веселаго; грусь въкрасилась въ сердце, ибо не съ кѣмъ слова сказашъ. Ночь холодная.

15-е Октябрия. *Дорога и Кіевъ*. Проѣхавъ Бѣлую церковь, помѣстивъ богашой Графини Браницкой, гдѣ красиво и величаво выказываея церковь, достигъ до послѣдней станціи къ Кіеву, откуда пустился въ шестомъ часу по полудни. Крайне недоволенъ былъ, что спанціонный писарь изъ Поляковъ, взялъ болѣе денегъ, нежели сколько было должно, что шуманъ былъ ужасно непріятный: ни мѣсяца, ни звѣздъ не было видно; ямщики сбились съ дороги, везли меня черезъ шессть топкихъ плотинъ; наконецъ доплатился до Кіева въ полночь и съ шрудомъ опыскалъ домъ Злошницкаго, который занимаетъ Графиня Эмилиа Яковлевна Калиновская. Тупъ ея управитель, шляхтичъ Осовскій, старикъ больной, но добрый, по проченіи письма

отъ своей барыни, все, что могъ, по сдѣлалъ, и я, поѣвши, заснулъ крѣпко, возблагодаря Бога за благополучное прибытіе.

16-е Октябрия. *Кіевъ*. Рано проснулся, и ходя по комнатамъ, думалъ о древностяхъ Кіева, о разныхъ былахъ и небылицахъ, писанныхъ разными Историками. Нанялъ парныя дрожки, поѣхалъ къ Н. Н. Раевскому, но онъ былъ въ деревнѣ; ѣздилъ къ знакомому по столицѣ Гражданскому Губернатору Ив. Як. Бухарину; онъ находился въ присутствіи; однако по особенной ко мнѣ благосклонности, прислалъ Полицмейстера Дурова поздравивъ съ пріѣздомъ и просивъ обѣдать, чего я не могъ сдѣлать, давъ слово Роммистру Жуковскому, учтивому и доброму. До обѣда былъ въ Софійскомъ Соборѣ, въ другихъ церквахъ, и въ Соборѣ Андрея Первозваннаго, построенномъ Императрицею Елисаветой Петровной; съ высоты сего Собора видъ на весь Кіевъ прелестный, живописный, величественный, необыкновенный; еще былъ въ нѣсколькихъ церквахъ. Обѣдъ у Жуковского былъ хорошъ, послѣ котораго я былъ въ концертѣ. Оркестръ очень дурень; Италіанская пѣвица, хотя и старая, но пѣла хорошо; общество не многочисленное, но знакомыхъ нашель, особенно

обрадовался, увидѣвъ ангела крошески, Софью Θεодоровну Др., урожденную Шаць; она сама была весьма довольна, вспрѣлпивъ меня, спсараго друга дома ихъ. Погода сырая, солнца мало было видно, однако довольно тепло, но грязно и мостовая досчапая. Ёздя по Кіевскимъ улицамъ, замѣтилъ, что большею частію, проспныя Кіевлянки собою хороши и масперски повязывающъ на головѣ плашки. Продащицы образовъ, яблоковъ и другихъ фрукшовъ и цвѣшовъ, очень красивы, ловки и въ разговорахъ милы. Въ 10 часовъ былъ дома, гдѣ ожидалъ меня не великолѣпный ужинъ а просшо Спаршанскій. Писалъ, молился и спалъ хорошо.

17-е Оксября. Кіевъ. Воскресенье. Въ 10 часу поѣхалъ къ Г. Бухарину, оплично честному, шрудолубивому и правдивому чловѣку; принялъ былъ, разумѣенся, прекрасно, но онъ грустенъ, что супруга его послѣ родовъ очень нездорова; а пошому я никакъ не согласился обѣдать у него, чтобъ не ошвлекалъ его отъ больн. су-
пруги своей. Слушалъ Литургію въ дѣвн-
чьемъ монашырѣ, гдѣ все чинно и хорошо. Приглашенный обѣдалъ у Прокурора Аст-
ромова, что женашъ на Юліи Осиповнѣ бывшей Лахманъ. Въ немъ нашель пріят-

наго и просвѣщеннаго чловѣка, супруга его всегда умна и любезна, шесшери дѣшей, одно другаго красивѣе и здоровѣе. Обѣдъ Аѣинскій; общество занимательное. Тутъ познакомился со многими. До театра былъ у Могилянскихъ, коихъ семейство любезное. Былъ у Губернскаго Стряпчаго Водынскаго, о кошоромъ всѣ хорошо ошносился; молодая жена его очень любезная и падчерица ея крошкая. Театръ дурень, и вездѣ дуешъ; оркестръ дурень, освѣщенъ дурно и салными свѣчами. Иг-
рали на Польскомъ языкѣ комедію Коцебу: *Нынѣшніе братья*, вообще хорошо. Балешъ *Сльдствіе маскараду*, ни шолку, ни складу, хоть не гляди.

Пріѣхавъ домой, вспомнилъ разговоры нѣкошорыхъ Одесскихъ жишелей. Здѣсь же въ Кіевѣ услышалъ ихъ опашъ, а пошому опишу: »Если желаешь безъ достоинствъ возвыситься, то спрайся являшся предъ своими Начальниками съ поддѣльнымъ лицемъ, походкою боязливою, говори дрожащимъ голосомъ; смѣйся, когда они смѣются, хощя совсѣмъ не смѣшно; пришворяйся печальнымъ, когда они печальны; спрайся познакомиться съ ихъ камердинерами, дари ихъ, пожимай подлыя ихъ руки; за обѣдомъ у Начальниковъ не пей ниче-

«го, кромѣ воды, ѣшь мало. Къ женамъ и любовницамъ Начальниковъ имѣй великое уваженіе, и если ты богашъ, дари ихъ, или торгуй для нихъ желаемыя ими вещи и плащи половину самъ. Такими средствами, повѣрь, достигнешь до чиновъ и мѣстъ выгодныхъ; къ тому же, если въ состояніи, давай обѣды, и подчивай янтарною ухвою и шруфелями.» Эти разсужденія слыхивалъ я и въ столицѣ, и не вѣрилъ. Почтенный чинашель! скажи, ужели честному человѣку можно поступать такъ низко, гнусно?

18-е Октября. *Кіевъ*. Туманъ цѣлыя сушки, изморозь, грязно, и ошъ сего грустно. Былъ у живущей здѣсь умной и просвѣщенной Елисаветы Михайловны Кологривовой; бесѣда съ нею пріятна; много говорено о столицѣ, и веселый ея характеръ и живой разговоръ разсѣялъ нѣсколько тоску мою. Хотя и званъ былъ къ Губернатору, но извинясь предъ нимъ, обѣдалъ у Прокурора. Былъ въ шештрѣ; Комедія и Балетъ не заслуживаютъ вниманія зриателей. «Здѣсь въ Кіевѣ, подобно какъ и въ С. Петербургѣ, ешъ дамы, кои позволяютъ себѣ разсуждать обо всемъ, не будучи ни образованы, ни воспитаны.» Это меня сердитъ, шѣмъ болѣе, что муж-

чины малознающіе, пошакая имъ, оставляютъ бѣдненькихъ въ заблужденіи; ты же, говоря истину и обнаруживая невѣжество, бываешь непріятенъ, и потому лучше убѣгаешь подобныхъ обществъ.

19-е Октября. *Кіевъ*. Погода прекрасная, какъ въ Іюль мѣсяцъ; солнце не шокмо было ярко, но и горячо. Бывъ въ Соборѣ Св. Андрея Первозваннаго, выходя изъ онаго, вспомнилъ нѣкоторыхъ С. Петербургскихъ особъ любящихъ меня, и коихъ не могу поздравить съ Ангеломъ. Былъ въ Государевомъ саду, откуда видъ прелестный; Подоль Кіевскій плѣняешь. Оскольдова могила заставила вспомнить девашное шольше по Р. Х. и ушвердился еще болѣе, что никогда не существовалъ Диръ. *Крещатикъ* заставляешь остановиться, благоговѣйно созерцать и погружаться въ глубокую думу. Гробница Варвары Великомученицы великолѣпна, и приводитъ добродѣтельнаго Христіанина въ умиленіе. Обѣдалъ у просвѣщеннаго и благоразумнаго Губернатора; бесѣда его доказываетъ въ немъ человѣка, швердо рѣшившагося по возможности искоренить злоупотребленія, и шѣмъ заслуживъ по званіе, въ которое одлекъ его Императоръ. Дай Богъ ему успѣховъ. Если бы употребилъ нѣсколько

милліоновъ рублей, шо Кіевъ обрапиль
бы на себя вниманіе всей Европы, ибо
мѣстопоположеніе гогово. Послѣ обѣда оп-
дыхаль душою, слушая старшую дочь Мо-
гилянскаго съ чувствомъ нѣжной души
разыгрывающую многотрудные сонашы.
Вечеръ провелъ у себя, писалъ письма, и
послѣ Спаршанскаго ужина съ молишвою
заснулъ. Пусть, что хотяшь, шо и гово-
ряшь, но я лучше предпочитаю морозы С.
Петербургскіе, нежели Кіевскій климатъ:
въ 24 часа, бывають шущъ пашъ, шесць
перемѣнь — шо жарко, шо холодно, а сы-
ро и грязно въ семь мѣсяцѣ всегда.

20-е Октября. Кіевъ. Сегодня упромъ
отправиль маленькій обозъ съ вещами
товарища моего, и эшо сполно денегъ, и
не *маленькихъ*; ибо отправиль по почтѣ,
съ надежнымъ, но мало мнѣ знакомымъ
человѣкомъ. Вчера много говорено о боль-
шомъ свѣшѣ, или модномъ обществѣ, и
меня упросили написашъ ошвѣтъ, на во-
просъ: что естъ большой свѣшъ? Вотъ
что накінулъ я на бумагу.

О свѣшъ большой! коварствъ сцѣпленье!

Тамъ наглосъ вѣчно верхъ беретъ,

Тамъ гордыхъ душъ ожесточенье

Почтенну честность лишь гнетешъ.

*

Тамъ презирають добродѣтель,
Краса, богатство, гдѣ въ чести;
Тамъ адскихъ замысловъ содѣтель
Счастливу можешъ жизнь вести.

*

Въ несчастьи тамъ любовь спенаешъ,
Тамъ истина бѣжитъ отъ всѣхъ;
Тамъ злосъ награды ожидаешъ,
И тамъ заслугамъ нѣтъ утѣхъ;

*

Невинности тамъ спавяшъ съти,
Раздоръ тамъ вводяшъ межъ друзей;
Надъ старцами тамъ шушащъ дѣти,
Льстецовъ тамъ спавяшъ за людей.

*

Въ большомъ лишь свѣшѣ потъ блискаешъ,
Кшо съ правдой разлученъ на вѣкъ;
Кшо умъ и бѣдность попираешъ.
Тотъ мыслишь — я лишь человѣкъ.

Былъ въ Ближнихъ Пещерахъ, по ко-
имъ водиль меня монахъ малограмотный;
показавъ Преподобнаго Нестора, заспа-
вилъ вспомнишь юность мою, когда я по-
чти наизустъ зналъ Лѣтописъ сего Свя-
тишеля; смолчалъ, молча, держа двѣ свѣчи
горящія, на прочихъ Свяшыхъ, здѣсь по-
коящихся; мысль за мыслію раждалась въ
головѣ моей; мы миновали всѣ ходы и пе-
реходы и при прекрасныхъ придѣла, возоб-
новленные Императоромъ. Пещера, гдѣ
спасался Антоній и всѣ покоящіеся Свя-
тые, родила во мнѣ новое, неизъяснимое

чувство; набожность ли? страх ли? но я чувствовалъ, что блѣдность спелется по лицу моему, и холодный потъ разливается по тѣлу. Когда монахъ показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ покойся Илья Муромецъ, тогда вспомнилъ и времена его житія и Соловья-разбойника. Вся сѣдая древность въ быляхъ и небылицахъ предстала мнѣ. Днѣпръ здѣсь не шумитъ. Возблагодаря монаха деньгами, вышелъ изъ Пещеръ, довольный видѣннымъ. Послѣ сего обѣдалъ у дѣятельнаго Губернатора. Ходилъ по лавкамъ и накупилъ разныхъ кипарисныхъ образовъ. Вечеръ провелъ у Аспромовыхъ. За полночь, а я сижу въ глубокой думѣ — у себя. Грустно.

21-е Октября. *Кіевъ*. Небо было пасмурно и въ воздухѣ сырость. До полудня писалъ къ роднымъ и пріятелямъ. Посѣтилъ Митрополита Серапіона; почтенный 80 лѣтній старецъ, меня обласкавъ, посадилъ подлѣ себя, и началась бесѣда о Россійской Исторіи; почтенный Священитель хвалилъ меня, что я любилъ и люблю заниматься Русскою древностію, просилъ почаще навѣщать его и подарилъ книгу о Лаврѣ. Приглашенный, обѣдалъ славно у гостепріимныхъ Аспромовыхъ.

Въ театрѣ играли *Краковяки*, вздоръ, играно не дурно. Пора домой.

22-е Октября. *Кіевъ*. Сидя дома, вспомнилъ дѣламинувшихъ лѣтъ, вспомнилъ, что прошло 209 лѣтъ съ тѣхъ временъ, какъ Князь Пожарскій и Гражданинъ Мининъ спасли отечество отъ лютыхъ враговъ. Вспомнилъ, что сегодня рожденіе Маріи Яковлевны Нарышкиной, не женщины, а ангела по качествамъ душевнымъ и необыкновеннымъ достоинствамъ. Присылала просить къ себѣ опличная дѣвица Ел. М. Кол. Бесѣда съ просвѣщенною и умною была для меня пріятна; я уговаривалъ ее возвратиться въ столицу, ибо изъ словъ ея заключилъ, что ей грустно, давно не видавъ любящихъ ее братьевъ. Былъ у пріѣзжей Софьи Алексѣевны Раевской, пріемомъ которой не могу нахвалиться. Погода ясная, жарко, а вечеромъ холодно и вѣтряно, и темноша ужасная. Меня посѣтили многіе, и я не могу надивиться ихъ учтивостямъ къ столь малозначущему челоѣку. Развѣ одна душевная доброша ихъ плѣняетъ — благодарень имъ отъ сердца. Обѣдалъ у Губернатора: чѣмъ болѣе вижу его, тѣмъ болѣе утверждаюсь въ его опличныхъ способностяхъ. Былъ въ театрѣ въ ложѣ

Аспромовой; играли Донъ-Жуанъ — точно играли, а не представляли, и припомню еще на Польскомъ языкѣ — не гармоническомъ; но я былъ доволенъ бесѣдою Екаш. Маш. Могилянскій, хозяйки ложи, вечеръ провелъ у Раевской, бывъ доволенъ и ею и dospoйнными ея дочерьми.

23-е Октябръ. *Kievъ*. Погода холодная, небо обшлануто снѣжными шучами, вѣтеръ свисшишь, однако не смотря на непріятную погоду, я поѣхалъ съ Надворнымъ Совѣтникомъ Вріони къ Дальнимъ Пещерамъ. Въ семь мѣсѣ вѣтеръ усилился и стало чувствительно холодно. Архимандритъ надъ сими Пещерами описовывалъ входилъ въ оныя въ такое ненастье; а потому я опять осмолръ Оскольдову могилу, надъ когоруо воздвигнуша церковь Св. Николая щедрошами Воронежскаго купца Самуила Никишьевица Мещерякова. Не могу сказать, чшобъ Монахи были съ просвѣщеніемъ. О чемъ хочешь спроси, ошвѣтъ одинаковъ: не скажу — то есть, не знаю. Обѣдалъ приглашенный у Спашскаго Совѣтника Могилянскаго; все прекрасно, но лучше всего его благоразумная супруга и образованныя дочери. Вечеръ провелъ среди семейства Раевской; дочери ея, любезностію, умомъ и просвѣ-

щеніемъ, обращаютъ на себя вниманіе. Темноша въ Кіевѣ, кажешся, темнѣе С. Петербургской; радъ былъ, когда доѣхалъ до жилища своего, почти ошущую. Жаль, чшо мало фонарей.

24-е Октябръ. *Kievъ*. Обѣдно слушалъ въ женскомъ Флоровскомъ монастырѣ. Все нашель прекрасно, чинно, хорошо. Тутъ увидѣлъ монахиню Шипову, о которой много похвальнаго мнѣ говорили; въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, при необыкновенной красотѣ, богатствѣ, познаніяхъ, кротости и всѣхъ добродѣтеляхъ, несчастія кровныхъ родили въ ней желаніе посвятивъ жизнь свою Богу. Все сіе, слышанное мною, принудило меня взглянуть на нее; но когда я вперѣшилъ ангельскій ея взоръ, краска разлилась по щекамъ моимъ, и мнѣ казалось, что я совершилъ преступленіе, созерцая невинную прекрасную ошцельницу. Господи! прости мнѣ! Голубые большіе глаза ея со скромностію величавы, прелещныя чершты лица ея говорятъ, чшо она сама собою довольна, слѣдственно счастлива. Придожась къ образу, гдѣ сполна монахиня Шипова, поѣхалъ домой, весьма довольный. Въ при часа по полудни, обѣдалъ у ошличнаго Губернатора; званный, съ локъ мѣ. За обѣдомъ было шашъ, очень доволенъ имъ.

шесть человекъ; одинъ мнѣ надоть, углубляясь въ Историческіе предметы, и криво и косо шолкуя объ оныхъ: я былъ принужденъ сказать, что прежде, нежели кто хочешь говорить объ истинахъ историческихъ, долженъ много читать, и ссылки дѣлать на Историковъ, а иначе — лучше слушать другихъ. Впрочемъ, на все мода: помню не токмо я, но и многіе, что молодые люди лишь до тридцати, болѣе слушали стариковъ, а нынѣ, у кого рошъ только есть, каждый хочеть говорить, судить и произносить свой приговоръ; даже къ горю моему и нѣжный полъ вступаетъ въ политическіе разговоры — больно. После обѣда, по желанію супруги Губернатора Елисаветы Θεодоровны, урожденной Полторацкой, пошелъ къ ней, и нашелъ молодую, особу просвѣщенную, съ умомъ, съ черными много-значущими глазами; въ это время пріѣхала Елисавета Михайловна Кологривова и бесѣда наша оживилась; мнѣ весело было. Въ одномъ домѣ встрѣшилъ пожилую вдову, по послѣдней модѣ одѣшую, которая оуждала всѣхъ вдовъ, выходящихъ замужъ; я ее оспаривалъ, и увѣрилъ опчаси, что и она по нарядамъ своимъ кажется гошова вступитъ во второй бракъ, только бы нашелъ

ся достойный ея женихъ; она сердилась, улыбаясь, и довольна по видимому, не смотря, что ей за 60 лѣтъ. Какъ не смѣяться! Въ Кіевѣ замѣнилъ, что одинъ о другомъ говоряшь много не хорошаго, а когда вмѣстѣ, по всякой подумаешь, что они друзья. Горестное расположеніе сердца и души! Утомленный опъ многоразличныхъ разговоровъ въ цѣлыя сущки, помясь, предавъ себя сладкому сну.

25-е. Октябръ. Кіевъ. Въ одиннадцать часовъ утра благосклонная Раевская возила меня на Подоль Кіева, (при разѣ поромозили экипажъ), и познакомила съ Игуменьей Смарагдой Евгеніевной Норовой: умная особа; но я болѣе бесѣдовалъ съ Казначеею, Смарагдою Андреевной Набоковой; просвѣщенная, умная, любезная и крошкая монахиня и наружность опвѣщаетъ чистотѣ души ея. Жаль, что сполько соединенныхъ достоинствъ погребены въ чешырехъ спѣнахъ. Съ часъ сидѣлъ у почтеннаго старца Митрополита Серапіона. Люблю слушать на опытѣ основанныя разсужденія. Обѣдъ у Раевскихъ и разговоръ книжной; шущъ былъ Докторъ Орлай, знающій. Были у меня упромъ нѣкоторые разбогатѣвшіе шляпные знакомые, и къ удивленію моему, приглашали къ

себѣ обѣдать; я прежде извинялся, но наконецъ рѣшительно сказала, что не люблю *скоробогатыхъ*. Вечеръ провелъ у добрыхъ людей Водынскихъ и у Губернатора; ужиналъ по-Аѳински, у Могилянскихъ.

26-е Октября. *Кіевъ*. Морозикъ, въ девятишомъ часу ушра, былъ уже я въ дѣвичьемъ Флоровскомъ монастырѣ; часы и обѣдно слушала съ благоговѣніемъ. Послѣ чего, Игуменья сама показывала внушенность церкви. Все прекрасно. Попомъ при монахини водили меня по придѣламъ, показывали ризницы, даръ монахини Набоковой, такъ какъ и одинъ придѣлъ, сооруженный иждивеніемъ сей же благочестивой опшельницы, а другой щедрошами Ангела, монахини Шиповой; вездѣ порядокъ, чинность, опкровенность, свялость. Игуменья пригласила къ себѣ; оплично умная, привѣтливая и просвѣщенная со скромностию особа. Тупъ замѣшилъ монахиню изъ дворянокъ, кошорой наружность представляешь опличительное, невинное существо, не земное, а небесное. Въ Флоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ 72 монахини, много бѣлицъ; всего же женскаго пола, по словамъ Игуменьи, болѣе 300. Дай Богъ имъ счастья! Въ женскихъ монастыряхъ находимъ смиреніе, благочиніе, должно

просвѣщеніе, крошость, шруды и красоту. Сегодня ошерь слезы одной женщины, ходатайствомъ за нее у Губернатора прошивъ богача несправедливаго. Пріятно для человѣка, облегчать по возможности участь ближняго; жаль, что не всѣ моего мнѣнія. Имъ же хуже. Обѣдалъ у Ивана Яковлевича Бухарина; радуюсь, что онъ стараешься искоренить злоупотребленія. Изъ театра уѣхалъ опъ нескладной пѣсы и болѣзненнаго холоду. Кажется, Крымская лихорадка выказывается во мнѣ — я весь не свой; шо ознобъ, шо жаръ; боюсь захворать: бѣдному человѣку должно бытъ всегда здоровымъ.

27-е Октября. *Кіевъ*. Не могу опкровенно сказать, кшо подаль мнѣ причину, но все равно, а мнѣ хочется предсавить воспитаніе нынѣшнихъ дѣвицъ. Всѣ почти опцы и мащери шолько и думаютъ, чтошъ дочери ихъ знали не менѣе чешырехъ языковъ, были бы большими музыканщиками, а о хозяйствѣ никшо и не мыслишь. Опъ сего происходитъ слѣдующее: на иносшранныхъ языкахъ чицають Романы, или педантически говорятъ обо всемъ; музыкою же занимаются шогда шолько, когда окружены вздыхашеями, стариками и модами, хоща и невѣжами; чтожъ пользы

въ такомъ воспитаніи! Погода несносная; по снѣгъ, по дождь, сыро и грязно; до полудня занимался дома чтеніемъ и писалъ письма; присылали изъ прехъ домовъ звать обѣдать; но я предпочелъ Юлію Осиповну Аспромову: она своею любезностію разгоняешь мою тоску. Былъ у меня Докторъ, и прописалъ лекарство. Часа три послѣ полудня восхищался музыкою у Могилянскихъ; старшая дочь великая мастерица играть на фортепіано; акомпанировала ей на флейтѣ Французъ — *Бригдъ-Бербидье*; игралъ чудесно хорошо. Онъ опредѣленъ капельмейстеромъ въ какую-то дивизію нашей арміи. Ужиналъ званый у Водынскихъ; препорядочное семейство; Г-жа Водынская подарила мнѣ прелестный снурокъ своей работы. Передъ сномъ, помолясь, принялъ лекарство, и чувствую, что не скоро буду здоровъ.

28-е Октября. *Кіевъ*. Дождь, и не хопя долженъ сидѣть дома; писалъ много писемъ; было у меня нѣсколько просителей, узнавъ, что я служу за Оберъ-Прокурорскимъ споломъ въ 3-мъ Департаментѣ Сената. Жалкіе люди! просятъ невозможнаго, и воображаютъ, что каждый, пріѣхавшій изъ столицы, могучій человекъ; видно, что многіе забѣжіе кидали

имъ пыль въ глаза. Въ одиннадцатъ часовъ утра былъ у Раевскихъ; всѣ любезны. Обѣдалъ у Губернатора. Его супругъ было гораздо лучше. Въспѣлъ съ Иваномъ Яковлевымъ былъ въ концертѣ у Могилянскихъ, коихъ старшая дочь восхищала своимъ талантомъ на фортепіано; двѣ скрипки опличныя, віолончели искусное, съ превосходною флейтою Бербидье, и лучшихъ знамоковъ привели бы въ восторгъ. Пѣвица Анжели, своимъ голосомъ, пріобрѣла рукоплесканія. Мнѣ весело было, хопя я не здоровъ. Дома въ полночь, и шущъ воспоминанія о Ан. Вл. и Ан. Вас. извели вздохи и даже слезы. Однако долженъ признасться, что въ каждой губерніи я находилъ достойныхъ дѣвицъ, кои бы уследили жизнь мою.

29-е Октября. *Кіевъ*. Сыро и дождь и несносность климата; по ли дѣло морозы? Утромъ пролилъ нѣсколько слезъ, вспомя, что сегодня ангелъ любезной сестры моей Анастасіи Васильевны Деспунисъ, копорой нѣсколько лѣтъ не видѣлъ и когда-то увижу! Когда-то оставилъ она чумную Смирну и невѣжественныхъ Турокъ, угнетающихъ злодѣйски несчастныхъ Грековъ! Да будетъ воля Божія и Правительсва. При такомъ непріятномъ расположеніи духа, надѣли мнѣ просители — Поляки

съ недѣльными и неудобоисполнительными просьбами. Въ сіе время прїѣхалъ ко мнѣ Главный Смотришель больницъ и подобныхъ заведеній; кажешься, порядочный человѣкъ, и шѣмъ болѣе, что самъ о себѣ говоришь съ похвалою. Былъ въ больницахъ, и нашель чистоту, опрятность и родъ довольства; хлѣбъ хорошъ и кушанье изрядно; если всегда шакъ, шо Смотришель, хваля себя, говорилъ правду. Обѣдалъ приглашенный у Н. Н. Раевского, и весьма доволенъ, шѣмъ болѣе, что онъ сильно говорилъ о злоупотребленіи, бывшемъ въ Кіевѣ на счетъ взяточниковъ и скоробогатыхъ, и въ заключеніи сказалъ: »мудрено доискаться, ошъ чего шакон-шо и шакон-шо разбогатѣли, но зная чиновниковъ, немѣвшихъ прежде ни родоваго имѣнія, ни получившихъ ничего и за женами своими, а нынѣ въ холѣ живущихъ, онъ желалъ, чшобъ имъ (скоробогатымъ) приказано было съ женами и дѣшми носить всегда *пестрое платье*; можешь быть сіе малое наказаніе удержало бы, въ послѣдствіи, плушоващъ закоснѣлыхъ во взяткахъ, и на начинающихъ подѣйшвовалъ бы стыдъ. Я былъ согласенъ съ нимъ; но помолчавъ, оба вдругъ молвили: горбатого исправитъ могила — жаль. Сегодня были у меня пріятныя дамы съ

благодарностію, что просьбы ихъ, справедливыя, ходатайствомъ моимъ получили должное направленіе. Душа моя ликуешь, особенно пошому, что бывъ малозначущимъ человѣкомъ, но только честнымъ, успѣвалъ и успѣваю по возможности дѣлать добро угнетеннымъ. Какъ стыдно и грѣшно людямъ сильнымъ, богатымъ, только для самихъ себя живущимъ! Вопль горестныхъ не достигаетъ ихъ; а мнѣ кажется, что и въ богатствѣ, если не дѣлаешься онымъ съ ближнимъ нуждающимся? Вечеръ просидѣлъ у честнаго Губернскаго Стряпчаго Водынскаго, гдѣ познакомился съ женою Совѣтника Александровича, умною, милою и черноокою. Нездоровье зашавило меня ранѣе бышь дома, и я съ молитвою заснулъ.

30-е Октябрю. *Кіевъ*. Ошъ неспособной погоды нездоровье мое умножается, и въ надеждѣ на прежнее здоровье, не принимаю лекарства; дурно дѣлаю, но на чужбинѣ лечишься трудно. Въ полдень пошель ходишь по грязному Кіеву, и удивлялся, что онъ отсталъ по чистотѣ ошъ Ярославля и другихъ городовъ. Посидѣлъ у любезныхъ Аспромовыхъ, игралъ съ прелестными ихъ дѣшми. Обѣдалъ у Губернатора, гдѣ нашель гостей; поношенный

и поблеклый мой каршузъ не обратилъ ихъ вниманія, а они въ башмакахъ и одинъ въ звѣздѣ, но когда увидѣли, что Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ посадилъ меня за обѣденный столъ на первое мѣсто, и пошли учтивости на Французскомъ и Русскомъ языкахъ; я не упустилъ случая наговорить имъ много истинъ; они краснѣли, но не смѣли прошиворѣчить. Ахъ, люди! люди! Часа три провелъ въ пріятныхъ разговорахъ съ умными, Губернаторшей и Елисаветой Михайловной Кологривовой; сія послѣдняя, когда я уходилъ, сказавъ мнѣ о кончинѣ честнаго челоѣка Павла Михайловича Арсеньева, заставила плакать; дома слезы умножились, при размышленіи, что найду ли въ живыхъ почтенную мамушку свою и другихъ друзей и пріятелей. Сего же дня смѣялся много, слушая диссертацію танцмейстера о его искусствѣ; онъ увѣрялъ, что кто худо танцуетъ, тотъ будто бы ни къ чему способностей имѣть не можеть; видно, что онъ не читалъ древней Исторіи Грековъ и Римлянъ: тамъ увидѣлъ бы что благородные и мыслящіе не танцовали, а только рабамъ предоставлено было сіе искусство.

31-е Октябрю. *Кіевъ*. Выпалъ снѣгъ на четверть аршина, а къ вечеру морозикъ,

слава Богу. Нѣсколько дней сряду пріѣзжалъ ко мнѣ богатый Польскій помѣщикъ Мамвѣй Тимофеевичъ Меленевскій и просилъ неоспешно къ себѣ обѣдать; я все отпекывался, тѣмъ болѣе, что онъ вдовъ, и что принужденъ буду обѣдать съ мужчинами; онъ далъ слово пригласить дамъ, тогда я согласился; къ тому же узналъ, что Меленевскій ни въ комъ не ищетъ, и честный челоѣкъ. За обѣдомъ почто былъ одинъ гость съ премилою женою своею и нѣсколько мужчинъ; мнѣ было весело, отъ того, что меня полюбили въ *Кіевѣ* по наслышкѣ; яства Польскія, сладостей много и вина превосходныя; возблагодаря хозяйина, поѣхалъ часа на два къ Раевскимъ, гдѣ прочиталъ крипику на Поэму Пушкина Людмила и Русланъ. Ужиналъ у Аспромовыхъ, цѣлыми сушками доволенъ, хотя все не здоровится. Сегодня Елисавета Михайловна говорила мнѣ, что Игуменья Норова и Казначей Набокова полюбили меня: эти слова утѣшили поскующую мою душу.

1-е Ноябрю. *Кіевъ*. Пять и шесть градусовъ морозу. Ходилъ пѣшкомъ и ѣздилъ по городу. Былъ у Могилянскихъ; они любезны. Купилъ Швейцарскаго полотна за 160 рублей, за такой кусокъ въ С. Петер-

бургъ должно заплачивать 300 рублей. Былъ у Меленевского, который былъ уже у меня упрямъ съ благодарностію за посѣщеніе, а я у него за угощеніе. Былъ у Водынскихъ, которые привѣпливы; обѣдалъ у Губернатора, часа два посидѣлъ у любезной, умной Елисаветы Ѳеодоровны; она здраво судитъ и хорошо говоритъ; девятилѣтняя ее дочь премиленькій ребенокъ, судитъ какъ иная въ двадцать лѣтъ. Пилъ чай у радушныхъ Аспромовыхъ, слушалъ концерты у Могилянскихъ, гдѣ по-Аѳински ужиналъ; лишь приду домой, грусть и явился. Чужбина все чужбина.

2-е Ноября. *Кіевъ*. Шестъ градусовъ морозу, снѣгу мало, больно ходитъ очень дурно ѣздитъ; однако я былъ на Подольво-Флоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ у Игуменьи Смарагды Евгеньевны, которая приняла еще лучше перваго раза и между прочимъ рассказала исторію голубоокой, привлекательной монахини Шиповой, которая въ короткое время лишилась отца, матери, брата и сестры; отъ сихъ ужасныхъ причинъ она посвятила себя Богу — миръ душъ ея! Крайне довольный, опкланялся Начальницѣ монастыря, жалѣя однако, что не бесѣдовалъ съ Шиповой. Забѣжалъ къ одной горестной дамѣ, успѣшилъ, убѣдивъ

ее, чтобъ надѣялась на правосудіе Государя Императора (*). Готовясь скоро оснать Кіевъ, былъ на госпитальномъ дворѣ, запасся теплымъ, для себя и для моего гусара. Передоваго оппировалъ прежде въ столицу. Обѣдалъ славно у Могилянскихъ; нѣжный полъ всегда обходился оппично со мною; хозяйинъ, по способностямъ своимъ и тонкости ума, можетъ вездѣ служить съ пользою; теперъ въ оппавкѣ. Пилъ чай у Раевскихъ; опецъ ихъ на-чипанный человекъ; Софья Алексѣевна чрезвычайно ласкова ко мнѣ, недаромъ внучка великаго Ломоносова; чепыре дочери съ просвѣщеніемъ и доброшою. По нездоровью безъ ужина, съ крайкою молишвою, предался сну. Великое счастье, когда человекъ можетъ спать, имѣя въ душѣ грусть, и на сердцѣ *то-то!* Это *то-то* необъяснимо.

3-е Ноября. *Кіевъ*. Опять снѣгъ выпалъ, но морозу чушь, чушь, а потомъ дождь, грязь ужасная; хоть бѣжать, такъ сыро и нездорово въ воздухѣ, не смотря на то, что Н. Н. Раевскій и его семейство, всякій день приглашаютъ меня, успѣшаютъ, и не смотря на то, что Губернаторъ

(*) Она выиграла свой процессъ, и я доволенъ, что предсказалъ.

три дня сряду былъ у меня, что честные любящъ меня, что криводушники бо-
яшся меня, что милой женскій полъ жа-
луеши меня — я бы полещѣлъ въ столицу.
Не здоровишься, и очень; но хочу ѣхать; Док-
торъ говоритъ подождать. Рѣшился два
дня оспашься, а то я умру съ шоски,
пѣмъ болѣе, что меня измучили просьбами,
хотя я всѣмъ говорю, что я ничего не
значу, и это правда. Обѣдалъ у Губерна-
тора, гдѣ госпями былъ не доволенъ, осо-
бливо однимъ прїѣзжимъ изъ Парижа; ка-
жешься, въ немъ поселилось *нигтожество*.
Въ другомъ домѣ встрѣтился съ двумя мо-
лодыми; ну ужъ фигуры! что зарѣчи, что
за движенія — пропадутъ несчастные, и
никто не пожалѣетъ! Въ третьемъ домѣ
какіе-то молодчики — хорошо, что не Рус-
скіе, надобно мнѣ своимъ *стояніемъ*, сво-
имъ *кривляніемъ*, своимъ *самодовольствомъ*;
ну ужъ заморское воспитаніе! Сегодня
однако я имѣлъ ту прїятность, что жен-
щина спѣсивая, говорила мнѣ въ глаза,
что любишь меня за правоту души, и что
она не слыхала, чтобы я кому нибудь по-
такалъ. Послѣ обѣда у Губернатора, раз-
сматривая разные рисунки у супруги его,
любовался домикомъ Вас. Вас. Капниста, а

болѣе стихами, на оный написанными имъ
самимъ. Вошь они:

Пріятный домъ мой подъ боломой,
По мнѣ, ни низокъ, ни высокъ,
Для дружбы есть въ немъ уголокъ,
А къ двери нищему знакомой,
Забыла лѣнь прибить замокъ.

Ночь провелъ очень дурно, боюсь болѣзни.
Богъ да помилуетъ меня.

4-е Ноября. *Кіевъ*. Сего числа вошелъ
ко мнѣ одинъ богачъ, и увидя, что я сажу
предъ дорожнымъ малѣйшимъ зеркальцемъ,
хотѣлъ прислать поболѣе; я благодаря ош-
казался; но черезъ часъ приносящъ ко мнѣ
несесерь шуалешный рублей въ 500, если
не болѣе, ошъ того же богача; я разсер-
дился и отослалъ назадъ. Спранные люди!
Сего же дня другой богачъ, не служа,
завидуешь всѣмъ, коихъ за службу награж-
даютъ. Я ему въ примѣръ назвалъ нашего
Петербургскаго богача, подобнаго ему за-
висшію; онъ, выслушавъ, далъ слово впредь
быть благоразумиѣ, или всупиши въ
службу. Правда хотя и колетъ глаза, но
иногда исправляетъ. Узнавъ, что я скоро
оставлю *Кіевъ*, посѣщеніямъ не было кон-
ца. Благодарности Богу за столь лесную
для меня любовь особъ, коихъ въ корот-
кое время, своею только прямою сердца

обратили вниманіе. Обѣдалъ у любезныхъ Аспромовыхъ, а прочее время провелъ дома съ нездоровьемъ своимъ.

5-е Ноября. *Кіевъ*. Цѣлыя сушки небо чисто и солнце свѣсило ярко; а я долженъ былъ осматриваться дома по приказанію Доктора, который упросилъ принять лекарство. Многіе сидѣли у меня, нѣжный полъ присылалъ навѣдаться о моемъ здоровьи; а Юлія Осиповна Аспромова и Викторія Осиповна Водынская приготовили для меня легкіе обѣды. Какъ не чувствовать милости Божіей и не благодарить прекрасныхъ.

6-е Ноября. *Кіевъ*. Морозикъ; немного мнѣ лучше. Со мною много спранныхъ случаевъ въ дорогѣ и городахъ; но нельзя всего пересказать. Здѣсь въ Кіевѣ меня такъ полюбили честныя и умныя обою пола особы, что даже сватали достойныхъ дѣвицъ; я *терялся* въ благодарности, но не могъ рѣшиться на подвигъ, который содѣлаетъ всю жизнь или блаженною, или удручитъ оную горестію; къ тому же сердце мое еще занято непреклонными дѣвицами; да и смѣшно броситься на богатство безъ любви, или жениться на красавицѣ безъ состоянія, особенно, когда я самъ не имѣю ничего. Обѣдалъ у Губер-

напора, ужиналъ и слушалъ концерты у Могилянскихъ; очень доволенъ симъ семействомъ. Послѣ молитвы спалъ хорошо; во снѣ видѣлъ Петербургъ.

7-е Ноября. *Кіевъ и дорога*. Упрямъ уложился, лошади готовы. Поѣхалъ прощаться. Губернаторъ и супруга его сожалѣли объ отъѣздѣ моемъ; благодарилъ ихъ отъ души; Софья Алексѣевна Раевская плакала; она и дочери упрашивали меня осматриваться; отирая слезы, благодарилъ сердечно. Могилянская, мать, и дочери плакали, и я тоже; признаюсь, мнѣ больно было разставаться съ симъ хорошимъ семействомъ. Аспромовы крайне сожалѣли, а Юлія Осиповна, съ соболѣзнованіемъ провожала, прося не забыть ихъ; я въ полночь сердца чувствую благодарности. Былъ и у другихъ, всѣ какъ съ роднымъ прощались, и благословенія лились отъ всѣхъ на меня. У Водынского, честнаго Губернскаго Спрячаго, обѣдалъ. Въ три часа пустился въ дорогу. Провожали меня до Днѣпра — Водынской съ милою своею супругою Викторією Осиповною, Крушевская съ сыномъ, Меленевскій, богатый дворянинъ, и Жуковскій. Тамъ пили Шампанское, всѣ плакали; никогда не забуду сихъ проводовъ. Сильно чувствую любовь ихъ.

На дорогу Губернапоръ прислалъ большой круглый пирогъ, Водынскіе пирожки, Жуковский мадеры, а Меленевскій Венгерскаго.

Спранно, но я, начиная опъ Кіева, бралъ шесць лошадей, хопя при могли бы везти мою маленькую коляску, меня и молодого гусара; но мнѣ казалось, что чѣмъ больше людей, тѣмъ менѣе опасности въ дорогѣ. Надо мною смѣялись даже ямщики, но я, плаща за шесць лошадей, былъ покойнѣе. Смѣялась же позволяю каждому надъ моею *трусостию*, а я называю *благоразуміемъ* и *осторожностію*.

8-е Ноября. *Дорога и Нѣжинъ*. Двадцать два часа въ ѣздѣ, по ужасно дурной дорогѣ. Великій Поэтъ Данте, описывая дорогу въ адъ, не зналъ эшой. Тамъ съ одной стороны палишь огненная пучина, а съ другой льдистыя горы мучашъ холодомъ своимъ; а здѣсь, по въ грязи, по по окаменѣлой неровной землѣ, какъ мученикъ спирадаешь. Нѣжинъ прегрязной городъ, хопя и имѣеть 2000 домовъ. Я ничего не видѣлъ, не хопѣлъ видѣть, такъ упоминся опъ дурнѣйшей дороги. Приспалъ у какой-то Нехаевской, которая не постыдилась за двѣ шарелки борщу пребывать десяти рублей, заплашилъ ей, и сожалѣлъ,

что подарилъ ей же круглый пирогъ. Въ 9 часу по полудни, проѣхавъ Башуринъ, былъ уже я въ прескверномъ городишкѣ Борзнѣ, и принужденъ былъ ночевашъ у Жида. Терпѣніе.

9-е Ноября. *Борзна и Алтыновка*. Нестерпимо дурная погода причиною, что я забылъ остановишься въ Нѣжинѣ у брата зяня моего Карлова, и что не осмотрѣлъ Училища Графа Безбородко. Въ девятномъ часу по полудни остановился въ Борзнѣ, въ Жидовскомъ, крайне нечисломъ иракширѣ, прошивъ котораго стоялъ унтеръ-офицерскій караулъ, подѣ присмотрѣ коего пославилъ свою коляску, не довѣряя Жидамъ. Въ бильярдной комнатѣ расположилъ ночевашъ, велѣлъ запоишь печь, послалъ себѣ сѣна на бильярдѣ; чище мѣста не нашель. Когда я со своимъ гусаромъ, споя ужинали, человекъ десять Жидовъ въ другомъ покоѣ играли замаранными руками въ засаленныя каршпы, на грязныя гроши. Что за воздухъ! хорошо, что со мною были порошки, и я испрашилъ оныхъ много, чтобъ очистишь хотя не много ядовитую атмосферу, опъ Жидовъ происходящую. Усталость заславила крѣпко заснушь. Нездоровье умножаешь. Бѣда да и только! Съ разсвѣтомъ проснулся, мой

гусаръ Мишель сварилъ мнѣ кофе, а дѣвушка Русская, босоногая, гдѣ-то доспала сли-
вокъ; я удивился, чію Хрисііанка слу-
житъ у Жидовъ; она мнѣ сказала, чію по
сиротству своему, должна за 17 рублей
въ годъ наниматься у Іудовъ; давъ не-
счастливой пять рублей, и сколько же за
дурнѣйшій ночлегъ и шаковую же сумму за
охраненіе коляски, замѣнилъ Жидамъ, чію
они не смѣютъ имѣть въ услугахъ своихъ
Хрисііанку; они со страхомъ и прене-
шемъ обѣщались опустить и даже на-
граждать ее за усердную службу. Недоволь-
ный духомъ своимъ, нездоровьемъ и доро-
гами, былъ сердитъ, къ іому же ѣхалъ въ
темношѣ лѣса; иногда только мѣсяцъ вы-
казывалъ свои красоны, но меня сердит-
паго не пѣнялъ; въ такое мгновеніе вы-
ѣзжаетъ какой-то брадастый всадникъ и
прямо къ коляскѣ, крича ямщику: чію ты
ѣдешь, по клюкву? — Мой ямщикъ уда-
рилъ по лошадямъ, и они понеслись во всю
конскую прысь. Это меня изумило. Гу-
саръ мой спитъ на козлахъ, а я кричу ям-
щику: тише, тише, и обнажаю шупую
саблю, выставляю дуломъ и ружье; ям-
щикъ не слушается. Тогда я, показавъ
саблю, при свѣтѣ луны, сказалъ на двое
изрублю. Ямщикъ перепугался, и поѣхалъ

рысю; лѣсовикъ брадашой опять быспро
выѣхалъ изъ дремучаго лѣсу, и крича ям-
щику: *скорѣе!* подѣжалъ къ коляскѣ.
Въ это время, я собравшись съ духомъ,
приложился ружьемъ *незаряженнымъ*, гром-
ко кричалъ: *проспѣлю бездѣльника!* Испу-
гавшись моего голоса и ружья, всадникъ
скрылся въ лѣсу, и мнѣ спало легче.

До самой *Алтыновки* я былъ самъ не
свой, хотя и увѣренъ, чію чинашели смѣ-
ются надъ моею *осторожностію*. Въ во-
семь часовъ вечера, въ глубокой темношѣ
выѣхалъ въ *Алтыновку*, пребѣднѣйшее мѣ-
сто, и не выходя изъ коляски, приказалъ
закладывать лошадей; въ это время одинъ
ямщикъ, всунувъ голову свою въ коляску,
сказалъ мнѣ тихо: «не ѣзди, баринъ, темно,
темно, дорога не хороша, лѣсисто и опа-
сно.» *Сего довольно было*, чіобъ рѣшишь-
ся ночевать. Меня повезли къ одной прид-
цашилѣшней дѣвицѣ дворянкѣ; шупъ за-
спалъ чепырехъ Малороссіянковъ, въ длин-
ныхъ шубахъ, въ плапочкахъ на головѣ,
и не много въ куражѣ. Много шруда спо-
ило уговорить ихъ, выйти и оставить
меня одного; согласились, когда я поподчи-
валъ ихъ по рюмкѣ рому; выпили, какъ муж-
чины, и вышли чрезъ сѣни въ другой покой
и всю ночь пѣли; однако это не мѣшало

поужинашь, напишашь свой журналъ, и уснушь сладко.

10-е Ноября. *Алтыновка*, городъ Кролевецъ, Глуховъ, Ясмань. Въ пять часовъ упря выѣхалъ изъ *Алтыновки*, довольный чистымъ ночлегомъ и гостепріимною хозяйкою, выпивъ своего кофе съ густыми сливками. По усиленной просьбѣ моей, хозяйка приняладесять рублей; рѣдкоси въ дорогѣ. Точно дорога дурна; въ девятомъ часу остановился въ *Кролевцѣ*; рессора лопнула; *хороша коляска*, спасибо. Пока рессору поправляли, шо ешь поненькими веревочками искусно завязывали, я спросилъ у смогришеля почты, нѣтъ ли чего поѣсть? Больной, подагрою одержимый смогришель отвѣчалъ: »воишь, судырь, напрошивъ черезъ улицу, ешь гостиница,« и я обрадовался; и въ самомъ дѣлѣ, вошедъ въ чистенькій по наружности домикъ, нашелъ удивительную опрятность во всемъ, и хозяйки, двѣ дѣвушки, собою недурненькія, Маша Малороссіянка, Арина Русская, пречисто одѣтыя. Я заказалъ обѣдъ, ходилъ самъ въ кухню, гдѣ все прекрасно, и Малороссіянка готовила кушанье своими премиленькими ручками, съ ловкостію и искусствомъ. Часа черезъ полшора накрыли мнѣ столъ, чистѣйшими салфетками. За вкусный супъ

съ курицею, за соусъ, изготовленный со вкусомъ, двухъ большихъ жареныхъ цыплятъ и за хорошій кофе просили полшину серебромъ; эшо меня удивило, и когда я имъ далъ пять рублей, онѣ обѣ бросились цѣловать мои руки. Признаюсь мнѣ весело было въ сей гостиницѣ, по чистотѣ и опрятности, и я бы желалъ, чшобы и вездѣ по дорогамъ были такія гостиницы, — и дешево и мило. Въ одиннадцатъ часовъ до полудня, поблагодаря дѣвушекъ — хозяекъ, особенно Малороссіянку, пустился въ дорогу, и проѣхавъ Глуховъ, остановился въ семь часовъ вечера въ *Ясманѣ*, на почтовомъ дворѣ, гдѣ смогришель Лысенко, очень мнѣ понравился, хопя и не такъ-то чисто живешь; шрое малолѣтнихъ дѣтей и жена высокая, спашная Малороссіянка, которую просилъ подмести комнату, вымышь лавки и столъ; потомъ накуривъ порошками, надѣлъ Персидскій халашъ, засвѣпилъ двѣ свѣчи восковыхъ (*) и сѣлъ бришья. Въ сіе время слышу, шинь, шинь, колокольчикъ и входящъ въ волчьихъ шубахъ, въ огромныхъ шапкахъ, два Француза съ ихъ обыкновенною дерзосію, нахальствомъ и хвасовствомъ; слуга ихъ, какъ казалось

(*) Чшо вездѣ дѣлалъ, гдѣ ночевалъ.

некриспъ, Жиденокъ, кричишь, повелѣваешь. Я хладнокровно приказалъ ему говоришь попише; повиновался; а Французы, принявъ меня за смопришеля, удивлялись восковымъ свѣчамъ въ чистыхъ подсвѣчникахъ и что накурено, потомъ сѣли на столъ; тогда я имъ сказалъ по-Французски, что у насъ въ Россіи, на столъ садиться грѣшно; они изумились, услыша свое нарѣчіе, и довольно учтиво спросили, кто я? Ошвѣтъ: Прокуроръ Сенаша (*). Господи! что съ ними сдѣлалось! Соскочили со стола, и тысячами выраженій наперерывъ одинъ передъ другимъ извинялись въ своей дерзости. Я, улыбаясь, сказалъ: въ дорогѣ мало ли что случается? Кончивши свой шуалешъ, я предложилъ имъ по рюмкѣ хорошаго рому, жареную индѣйку, сыру и бупылку мадеры. Мои Французы признавались, что пять дней почти не ѣли, и принялись за индѣйку, превознося меня, и на здоровье, почти всю ее съѣли, и полбупылки мадеры, при просьбахъ моихъ, выпили; между тѣмъ говорили о себѣ, что они негоціанты и ѣдутъ въ Одессу; я

(*) Ибо никакъ не могъ выразить на Французскомъ языкѣ, что я за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ.

показалъ видъ, что вѣрю имъ, а когда они уѣхали, то изъявляя свою благодарность, забыли визитные печатные билеты свои, на коихъ написано было, что они прикащики и не болѣе, (комп.). Послѣ ошвѣзда Французовъ попросилъ хозяйку пригото-вить мнѣ спускую яичницу, которая меня съ гусаромъ насыпила. И здѣсь похвалю хозяйку. За большую жареную индѣйку, за яичницу огромную, только просила три рубля — я далъ пять — и доволенъ. Спать бы хорошо, но дѣши за пергородкой плакали и кричали. Кажется, здоровью моему немного лучше, что приписываю довольно изрядному морозу.

11-е Ноября. Ясманъ, Усожа. Выпивъ хорошаго кофе своего, выѣхалъ въ семь часовъ, а въ девять уже былъ въ Толшпудовѣ, помѣстѣ опсшавнаго Полковника. Пока закладывали, я стоялъ на улицѣ, и видя болѣе пятидесяти бабъ и дѣвушекъ, изъ коихъ каждая держала на рукахъ по гусю, по индѣйку, по пѣшуха, по курицу, по барашка, въ невинности души своей спросилъ ихъ, что бы это значило? Барину несемъ: такое приказаніе бываетъ два раза въ годъ, и ежедневно на барщину; правду ли сказали, или нѣтъ, не знаю; но если правда, то не могу похвалить такого

обычая! Уже снѣгу довольно. Проѣзжая *Сѣвскъ*, нашелъ городъ изрядный, остано-
вился, чтобы увидѣться съ кварширую-
щимъ здѣсь Полковникомъ Мих. Ник. Авду-
линымъ; мнѣ указали его домъ, я было по-
шелъ, уже вспрѣшили хозяйки дома, спо-
явшія у ворошъ; между шѣмъ подѣхаль
ко мнѣ въ саночкахъ Авд. — и просилъ въ
другой домъ; шущъ только я оспавался
пока лошадей перемѣнили; выпивъ шам-
панскаго, пустился въ пущъ. Здѣсь въ
Сѣвскѣ хваляшъ городничаго Лук. за то,
что купцы дѣлають, что хопяшъ; онъ же
живетъ хорошо и слыветъ добрымъ чело-
вѣкомъ. Въ *Усожѣ* ночеваль, въ *Орловской*
губерніи — увы! Боже сохрани всякаго
опъ подобнаго! что сказать, и какъ на-
чашъ? — замарано, грязно, черно, душно,
холодно, жарко, вѣшеръ свиспишъ въ щелья,
и очень зловонно! Предспавыше небольшую
комнашу съ Русскою печкою и перегород-
кою въ головѣ, гдѣ я на сѣно легъ, ушом-
ленный опъ дороги и нездоровья, окно
дурно бумагою обклеено безъ спекла, съ
права конюшня, съ лѣва полдюжины спя-
щихъ ямщиковъ съ прошивными харями, въ
ногахъ пьяный сморшришель. Мой гусаръ,
сколько ни курилъ порошками, не могъ
выкурить зловонія. Другаго нѣчего было

дѣлать, какъ только ждашъ разсвѣта; но
слава Богу, что и сей ночлегъ нашелъ, ибо
ѣхашъ никакъ нельзя: во первыхъ, ямщики
хмѣльные, во вторыхъ, дорога адская, въ
шрешьихъ рекрушскій наборъ и бѣглыхъ
много; да и что за охота ѣздишъ въ тем-
ношъ по дурнѣйшимъ дорогамъ, безъ при-
нужденія?

12-е Ноября. *Усожа, Дмитровскъ, Кро-*
мы. 12 градусовъ морозу; на улицѣ, пилъ
кофе, свареный моимъ гусаромъ; сливокъ
нѣшъ, а пошому пилъ съ ромомъ, и запла-
тивъ за сѣно, солому и ночлегъ семь ру-
блей, выѣхаль въ пять часовъ ушра изъ
дурнѣйшей *Усожи*, и по хорошей почши до-
рогъ ѣхаль; въ *Дмитровскѣ* въ замараной
харчевнѣ поѣлъ селянки, заплативъ при
рубля; въ *Кромахъ* оспановился въ чешыре
часа по полудни у купца *Ушакова*; очень
черно живетъ, но лучшаго дому для про-
ѣзжихъ нѣшъ; впрочемъ, онъ показался мнѣ
хорошимъ челоувѣкомъ. Ему, женѣ его и
шремъ дочерямъ далъ порядочной урокъ,
чтобъ чище жили, умывались и опряниѣе
одѣвались; общались. Опъ хозяина моего
узналъ, что въ *Кромахъ* жшелей 1200 обо-
его пола, 8 церквей, и много шаровѣровъ;
жалъ. Здѣсь по возможности кончилъ свой
пуалешъ и слышаль разговоръ мащери съ

дочерьми: удивлялись опрятности моей въ дорогѣ, удивлялись и своей лѣнності и нечистотѣ. Я имъ приказалъ спрогнать голосомъ, чѣмъ къ утру явились ко мнѣ умытые и опрятно одѣтые; дали слово. Безъ ужина крѣпко заснулъ, принесся благодарностъ Богу.

13-е Ноября. *Кромы и Орелъ*. Морозу 10 градусовъ; въ шесть часовъ проснулся и послѣ кофе, свареннаго моимъ гусаромъ, послалъ въ 8 часовъ за лошадьми. Экспедиторъ спалъ, а дѣвка потребовала подорожную; но гусаръ, съ Георгіевскимъ крестомъ, разбудилъ Экспедитора, прислалъ его, заставилъ одѣться и пошчасъ далъ лошадей. Вездѣ люди ничтожные умничаютъ, пока громомъ не грянешь. Здѣсь въ Кромахъ есть по улицамъ фонари, но зажигаютъ ихъ, когда Губернаторъ проезжаетъ, а берутъ съ обывателей деньги за весь годъ. Во второмъ часу по полудни въѣхалъ въ Орелъ; городъ порядочный, но мало, или вовсе нѣтъ древностей. Я остановился подъ горою, не далеко отъ мостика черезъ рѣчку Орликъ. Переодѣвшись не много, поѣхалъ къ старому корошечному знакомому Генераль-Лейтенанцу Николаю Васильевичу Крешову: онъ и у него бывшій Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ,

ради были, увидѣвъ меня, и приняли какъ роднаго. Былъ у Генераль-Майора Феодора Семеновича Уварова, гдѣ заспалъ пріѣхавшую къ нему мать его Дарью Ивановну; не могу нахвалиться ихъ пріемомъ. Приглашенный, обѣдалъ со всѣми ими у Корпуснаго Командира Генераль-Адъютанта Корфа; очень доволенъ всѣми и молодыми Адъютантами, бывшими за столомъ. Тушъ познакомился съ Докторомъ Маршини и сказалъ ему о здоровой моей болѣзни; онъ написалъ рецептъ, самъ ѣздилъ въ аптеку; въ десять часовъ принявъ лѣкарство, заснулъ, возблагодаря Творца за милости Его ко мнѣ. Ибо неоспоримо, что любовь честныхъ людей есть милость Божія.

14-е Ноября. *Орелъ*. Воскресенье. Утро писалъ, былъ у меня Докторъ Маршини; препорядочной человѣкъ. Въ полдень заѣзжалъ къ Крешову; всегда одинаковъ, всегда привѣтливъ. Тушъ встрѣтился съ Д. С. С. Барковымъ, который удивился, увидѣвъ меня въ Орлѣ. Былъ у Дарьи Ивановны Уваровой; видимо рада была моему посѣщенію; много говорили о знакомыхъ С. Петербургскихъ жищеляхъ, много хвалили, а инымъ доспалось, да и не даромъ; болѣе же охуждали ихъ дамъ и мужчинъ, кои, пріѣхавши изъ чужихъ краевъ, мечпа-

юшъ что они-то и люди, забывъ, что и сундуки бываюшъ за морями, а все таки возвращающся сундуками. По совѣту Крешова былъ у Графа Каменскаго, обѣдалъ, и долженъ былъ карандашемъ на бумагѣ написатъ имя, отчество, фамилію и чинъ; былъ у Гражданскаго Губернатора Саковнина, который принялъ учтивѣйшимъ образомъ; поговорили о бывшихъ Губернаторахъ, и раскланялись. Съ удовольствіемъ обѣдалъ у Федора Семеновича Уварова, прекраснаго душою и умомъ. Былъ въ театрѣ, — билетъ прислалъ Уваровъ; давали Комедію въ стихахъ, Грибоѣдова: *Притворная невинность*. Изрядно играно, но любовники и любовницы, примѣшно, что холопы. За Комедіею слѣдовала большая Опера: *Похищеніе изъ Сераля*. Музыка Моцарта очень хорошо разыграна, и пѣли весьма порядочно, особенно Г-жа Лебедева, не крѣпостная. Борденевъ прекрасно игралъ спарика и всѣ изрядно пѣли и играли; оркестръ хотъ бы въ Петербургѣ. Мое самодушіе пресыщено было: всѣ Генералы, имѣли ко мнѣ вниманіе; зрителей довольно и нѣжнаго пола хорошаго. Во время антракта, обернувшись къ зрителямъ, увидѣлъ позади себя сидящую молодую, миловидную даму и, казалось, мнѣ знакомую; я скромно

вглядывался, она вставши сказала: не вы ли Гаврило Васильевичъ Гераковъ? — и я узналъ въ ней Анастасію Ивановну, урожденную Маршосъ, дочь нашего славнаго Скульптора. Мнѣ очень пріятно было съ нею бесѣдовать; звала къ себѣ, общалъ; уже она мать прехъ дѣтей; мужъ ее Лузановъ полюбился мнѣ. При выходѣ изъ театра много знакомыхъ нашелъ, и пошъ цѣлуешь и пошъ жмешь руку, и всѣ зовушъ къ себѣ; но изъ театра, по нездоровью моему, поѣхалъ домой, чисталъ, принялъ лѣкарство и заснулъ довольный. Театръ конспрукціи хорошей, освѣщенъ восковыми свѣчами, но жаль, что нѣтъ люстры. Графъ Каменскій въ убытокъ себѣ дѣлаетъ великое удовольствіе городу Орлу. Благодарность ему. — Когда онъ, сидя въ своей ложѣ, при разѣ ударитъ въ ладоши, оркестръ заиграетъ, при разѣ еще, занавѣсъ поднимется.

15-е Ноября. Орелъ. Утромъ чисталъ Газеты и писалъ. Былъ у меня Докторъ, который не совѣтуетъ ѣхать; должно повиноваться, а очень хочется въ С. Петербургъ. Въ полдень заѣзжалъ къ Лузановой; премилая, молодая женщина, до слезъ рада была, увидя меня у себя; признаюсь, и мнѣ весело было: съ дѣтства ее

знаю. Нашъ разговоръ склонился на покойную ея сеспру Александру, ангела, а не дѣвицу, кончившую дни свои 17-ми лѣтъ. Утираю слезы. Не всѣмъ все рассказывашъ. Она нынѣ ликуешъ на небесахъ. Въ прешпемъ часу прїѣзжалъ за мною Текушъевъ, давнишній знакомый, и мы поѣхали на званный обѣдъ, къ Абазѣ-Токареву и къ дядѣ Абазы; нѣжнаго полу не было, за то и разговоры не по душѣ моей. Въ пять часовъ дома; съ шестипи до восьми у Дарьи Ивановны Уваровой и любезнаго ея сына. Тутъ боспонъ, виспъ и все военные хорошіе люди; шупъ увидѣлъ барышню Шеншину, кошорая мнѣ очень понравилась. Дарья Ивановна весела и любезна. Съ 9-пи часовъ до 12-пи у себя, въ чшеніи Газешъ и размышленіи. Я замѣшилъ, чшо начинаю съ Одессы, молодые люди большею частію нелѣпо говорящъ и не логически разсуждающъ, и все на языкѣ у нихъ Волперъ, Руссо и имъ подобные бездѣльники, а между тѣмъ живушъ не по одежкѣ; спроси, попробуй, шакъ и гошовъ наказаніе, да чшо и говоришъ! Здѣсь въ Орлѣ хваляшъ Тульского Губернатора, Графа Васильева, и эшо душѣ моей прїятно.

16-е Ноября. Орелъ. До часу писалъ письма къ любящимъ меня, машущкѣ, се-

спрѣ, Графу Васильеву, К. А. Нарышкину и другимъ. Довольно холодно. Въ два часа прїѣхалъ къ Дарѣ Ивановѣ, кошорая какъ сына принимаетъ. За обѣдомъ познакомилъ съ Норовымъ, Адьюшанпомъ Г. Ад. Корфа; съ мыслями говоришъ, весьма порядочень. Послѣ обѣда хозяйка показывала мнѣ портретъ одной крестьянки Агаѣи, жившей въ Шкловѣ, кошорая 33 года лежала на кирпичахъ; тѣло парализировано, но лице свѣжее; умъ здравый и свѣдѣнія глубокия; она, не выдавая себя свяшою, или пророчицею, исцѣляла многихъ опѣ разныхъ болѣзней, скончалась 1811 года, къ сожалѣнію страждущихъ недугами. Все сказанное мною — слова Дарьи Ивановны. По портрету же можно видѣшъ доброшу сердца и чистопшу души. Часа два сидѣлъ у любезной, умной и милой Анастасіи Ивановны Лузановой, кошорая мнѣ какъ брашу рада; жаль было уѣхать; но я даль слово вечеръ провести у Уваровыхъ, гдѣ заспалъ прїѣзжую Княгиню Напалью Ивановну Куракину. Будучи предсшавленъ сеспрою ея Дарьею Ивановной, благосклонно былъ привѣшшвованъ, и вскорѣ Княгиня, подошедъ ко мнѣ, просила ѣхать съ нею; я очень благодарилъ, но не могъ выполнишъ ея желанія, ибо хотѣлось бышъ въ Тулѣ,

увидѣться съ Графомъ и Графинею Васильевыми. Въ девятомъ часу дома. Грустно; чѣмъ ближе къ С. Петербургу, тѣмъ болѣе препяшствій. Терпѣніе.

17-е Ноября. *Орелъ*. 12 градусовъ морозу. Утро писалъ, думалъ о многихъ Петербургскихъ и новыхъ пріятеляхъ въ губерніяхъ. Званный Корпуснымъ Командиромъ Корфомъ на завтракъ, поѣхалъ въ первомъ часу; шутъ уже были Дарья Ивановна съ молодцемъ сыномъ своимъ, сестрица ее Кн. Куракина съ интересною дѣвицею. Генералы, Штабъ и Оберъ-Офицеры — и одинъ я Спашскій. Военные никакъ не хотѣли знаваться съ подъячими, видно имѣютъ резонъ, и правду сказать, гражданскіе чиновники, большая часть, ходящъ по улицамъ, носъ повѣся. Болѣе придцаши особъ, сидѣли у гостепріимнаго Корфа за завтракомъ, лучше сказать за славнымъ обѣдомъ; я мало ѣлъ, во-первыхъ пошому, что нездоровъ, во-вторыхъ — что далъ слово обѣдаться у Лузановой. Упросили, и заѣлъ Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ, очень мило, пошомъ я малоискусный, въ заключеніе пѣла прекрасно Княгиня Куракина, и всѣ были довольны. Княгиня опять упрасивала меня ѣхать вмѣстѣ до С. Петербурга; я опять благодарилъ, она настаивала; но

когда я прибавилъ, что меня надобно во всю дорогу, делѣящъ, ходящъ, беречь какъ дѣвицу, что я люблю, ночевать всякой день, не люблю въ тиши ѣздить, по принуждена была ѣхать съ своею свитою. За обѣдомъ у Лузановой, только она одна меня занимала, а пять, шесть гостей, служащихъ въ присутствіяхъ, не обращали моего вниманія. Вечеръ у Уваровыхъ, предовольный въ 9 часовъ былъ уже дома. Здѣсь въ Орлѣ поставилъ свою коляску на сани, и съ меня взяли девятисто рублей — ужасъ, какъ дорого!

18-е Ноября. *Орелъ*. Четвершокъ; я веселъ, что укладываюсь. Былъ у всѣхъ Генераловъ съ благодарностію и у Лузановой; званный обѣдалъ у любящихъ меня Уваровыхъ, хотя и приглашалъ Генераль-Адъютантъ Корфъ. Въ седьмомъ часу съ признашельностію благодарилъ Федора Семеновича Уварова и мать его, за патриархальное обращеніе съ бѣднякомъ. На дороу Уваровъ приказалъ пригосовить для меня двѣ дюжины пирожковъ, и самъ увершывалъ каждый въ бумагу, какъ не бытъ чувствительнымъ! Это дѣлается только съ родными братьями. Пилъ чай у Анастасіи Ивановны Лузановой; шутъ были двѣ дамы очень милыя, а мужчины не по моему вку-

су. Прощаніе было слезное. Дома въ девять часовъ молился усердно, что завтра выѣду изъ несноснаго Орла, исключая военныхъ, Дарьи Ивановны Уваровой и Лузановой. Безъ нихъ я умеръ бы съ шоски.

19-е Ноября. *Орелъ и Большое Скуратово.* Будучи весель, вспомнилъ, что сего дня рожденіе Графа Мусина-Пушкина-Брюса, умственно поздравилъ честнѣйшаго и много любимаго человѣка. Наконецъ съ Божіею милостію, въ восемь часовъ упря выѣхалъ, не выдавши почти ничего. Жаль мнѣ только, что не посѣпилъ и не познакомился со Священникомъ Іоанномъ 80-лѣтнимъ, который, ходя изъ дома въ домъ, собираетъ милостыню, и оною содержишь болѣе 200 преслѣблыхъ и немощныхъ. Съ великою похвалою рассказывали мнѣ объ немъ Генераль Корфъ, Креповъ, Уваровъ и Давыдовъ и всѣ военные, какъ имъ не вѣришь? Дорога отъ Орла изрядная, погода болѣе дурна, морозъ и мяшель; проѣхавъ 81 версшу, остановился въ деревнѣ Большое Скуратово у крестьянина Королева. Мнѣ на лавку положили сѣна, я легъ; гусарь на лавкѣ по же на сѣнѣ, прошивъ меня; Королевъ на печи, а жена его за перегородкой и все со мною разговаривала, хотя мужъ и запрещалъ, но я его унялъ; вдругъ

двѣ молодыя бабы закопченныя, вошли съ горящими лучинами, и просили позволенія растворишь квашню — и позволилъ съ уговоромъ, чтобъ онѣ умылись, наѣли на себя чистые нарукавники; поклонясь, вышли, и явились чистыми; я далъ имъ цѣлую свѣчу восковую, онѣ никакъ не хотѣли засвѣпить — «мы къ образу пославимъ;» тогда я далъ имъ огарки. Кончивъ свое дѣло, и пожелавъ мнѣ пріятнаго сна, пошли спать. Помолясь, я заснулъ. Радъ, что скоро буду въ Тулѣ.

20-е Ноября. *Большое Скуратово и Тула.* Въ пять часовъ упря просилъ сливокъ, — нѣтъ. Чтобъ были! громко сказалъ я хозяйкѣ — и она побѣжала; гусарь кофе сварилъ, принесли сливокъ жидкихъ; мнѣ, признаюсь, очень досадно было. Какъ! въ деревнѣ не найши того, что бы каждый мужикъ имѣть долженъ! Въ 6 часовъ выѣхалъ. Дорога Тульская, начиная съ 12-й версшы отъ Мценска, примѣшно лучше Орловской и обсажена деревьями хорошо, и почти каждое дерево въ корзинѣ безъ дна: работа большая. Дай Богъ когда нибудь воспользоваться тѣною отъ подобной посадки по всѣмъ губерніямъ. Морозъ довольно рѣзкой и мяшель; мосшны всѣ новые и окрашены, почшковые дома чисты и

уюнные, версты окрашены и цыфры видны. Все хорошее приписываютъ новому Губернатору Графу Васильеву. Въ одиннадцатъ часовъ до полудня въ Сергіевскѣ у Смопришеля почты; человекъ порядочный; шутъ только поѣлъ яичницы. Деревня, очень хорошая, принадлежишь Князю Сергѣю Сергѣвичу Гагарину; избы прекрасныя, церкви какъ должны быть, въ хорошемъ видѣ; нельзя не ощасть справедливости помѣщику. Проѣхавъ 91 версту, рѣшился было ночевать на станціи *Поляны*, единственно потому, что впереди есть горки, и чепыре версты надобно ѣхать лѣсомъ, сверхъ того мнѣ насаказали много непріятнаго; однако, по увѣренію ямщиковъ, что нѣтъ никакой опасности, перекрестясь, поѣхалъ; уже темно было; признаюсь, въ темныя ночи опасно; я бы приказалъ рубить лѣсъ, а что въ ономъ могутъ скрываться злонамѣренные люди; однако я безъ всякихъ приключеній въ семь часовъ по полудни въѣхалъ въ Тулу и прямо къ просвѣщенному и любезному другу Графу Васильеву. Нѣтъ словъ и выражений, какъ принять; вѣрно роднаго рѣдко такъ встрѣчаютъ. Начиная съ Графа, Графини, милыхъ дѣшей ихъ, даже всѣ люди съ живымъ чувствомъ привѣщивали ме

ня. Графъ только досадовалъ, что я предупредилъ его встрѣчу: онъ послалъ нарочнаго офицера сопровождать меня, и съ письмомъ ко мнѣ, которое вскорѣ взяло офицера и вручено мнѣ; въ письмѣ между прочимъ написано: »Предмѣспики мои высылали провожающихъ съ поздравленіемъ на встрѣчу вельможамъ, знавшимъ особамъ. Васильевъ, свойствами своими отличный отъ прочихъ, всегда слѣдуя однимъ влеченіямъ сердца своего, посылаетъ нарочнаго навстрѣчу Геракову — да успиляетъ онъ всюду по Губерніи Тульской, гладкой, безпретяпшвенный и пріятный шутъ прямой честности и истинной добротѣ душевной! Мы ждемъ васъ съ неперпѣніемъ, ждемъ какъ друга и роднаго — пріѣзжайте, возможная хлѣбъ-соль и давно знакомыя вамъ сердца наши — все гошово!« Какъ не лишь слезъ благодарности и не благодарить Бога за столь лестное для меня письмо; хотя я и безъ онаго увѣренъ былъ въ дружбѣ Графа Васильева и Графини его. Въѣхавъ въ Тулу, говорю ямщику: поѣзжай къ Губернаторскому дому, и остановись не дождая, что и выполнено было; между тѣмъ, я, сидя въ коляскѣ, невольнымъ образомъ, лилъ слезы, что увижу людей, прямо лю-

блящихъ меня; а послѣ всѣхъ вышесказанныхъ изъявленій дружбы, что я долженъ былъ дѣлать снова, какъ не проливать слезъ и возноситься съ благодарностію къ Создателю всяческихъ. Его святой воля угодно, чтобы и въ сей юдоли подлунной, насладились мы прелестями временной жизни. Богачи! знашныя! вы, большею частію, далеко отстали отъ бѣднаго, но добраго Геракова. Вы рѣдко ощущаете роскошь душевную, вы чужды нѣжныхъ чувствъ, вы въ живѣ оземлѣли къ ближнему. Больно для чувствившелянаго сердца, для человѣчества, что большая часть вельможъ не умѣютъ цѣнить своего сана, не умѣютъ, или не хотятъ поставивъ себя на ту стезю, которая прямо ведетъ въ храмъ безсмертія. Ксатши вспомнилъ Державина; вотъ что онъ написалъ:

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщено;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ оружье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій,
Вся мысль его, слова, дѣяній
Должны быть польза, слава, честь.

И такъ я въ Тулѣ; съ 7-ми часовъ до 11-ти, въ бесѣдѣ съ Графиною и Графомъ, дѣшми ихъ и сироты Мисъ Мери; любез-

ность общая облегчила шоску мою по Петербургѣ. Графъ въ 9-ть часовъ проспился. Вотъ истинный человекъ, все почти самъ спрудился, съ пяти часовъ ушра. За то вездѣ объ немъ говорить похвальное. Пришедъ послѣ ужина въ комнапу, мы назначенную, молился Богу за милость Его ко мы. Долго не могъ заснуть отъ разныхъ чувствъ.

21-е Ноября. Тула. Воскресенье. Введеніе во храмъ Божіей Матери. Въ восемь часовъ ушра, вошелъ ко мы Графъ Васильевъ и пригласилъ ѣхать, сморѣвъ заведенія. Я хотя и нездоровъ и худо спалъ, одѣлся — поѣхали, прежде всего къ Генералъ-Адъютанпу Мавѣю Евграфовичу Храповицкому, коего пріемомъ былъ очень доволенъ; шуть познакомился съ Генералъ-Маіоромъ Евгеніемъ Александровичемъ Голвинымъ и съ Подполковникомъ коммуникацій Аверкіемъ Ивановичемъ Гурландѣ, который ни слова по-Французски не знаетъ, а родомъ Французъ, что мы было по душѣ. Въспѣ всѣ поѣхали въ больницу; отлично содержишя — честь новому Губернатору. Присутшвенныя мѣспа отмынно хороши, шѣмъ болѣе, что всѣ спошы, скамы не двигающяся, слѣдственно шуму не можешъ бытъ отъ передвиганія; со

время Графа Васильева, дѣла имѣюшъ быстрое направленіе. Тюрьма хороша, преступники раздѣлены по родамъ преступленій, всѣ имѣюшъ гдѣ приклонить голову и ѣдая два блюда чистыхъ и здоровыхъ, хлѣбъ дай Богъ всякому. Графъ Васильевъ всѣ подаванія употребляетъ совокупно въ пользу всѣхъ; душа опдыхаетъ, видя челоѡколюбіе и къ преступнику, который можешь еще попасть на ссезію правды; еси и церковь; но что превосходно и не можешь бытъ улучшено, это воспитательный домъ; лишь войдешь, читаешь надпись: *»Отецъ мой и мать остависта мя, Господъ же воспріятъ мя;«* тушь же хорошо писанный Моисей—какъ найденъ, богатыи образъ Спасителя, благословляющій дѣшей. — Кормилицы, сверхъ чистаго одѣянія, здоровьемъ дышатъ, дѣти шже, и все гошово отъ рожденія до смерти. Всѣ воспитательные дома, начиная съ Санктпешербурга и лучшаго Ярославскаго, должны уступитъ Тульскому въ семь случаевъ; хвалятъ мудрено, а только и можно лишь слезы умиленія. Въ 11-ть часовъ, зашпракалъ у Графа Васильева, была тушь одна дама, сверхъ Графини и домашнихъ, Соловьева, которая зашпавила меня пріятно покраснѣвъ, что знаешь

меня по моимъ полезнымъ сочиненіямъ; умна и мила. Послѣ хорошаго обѣда въ разговорахъ. Въ 6 часовъ пріѣхали Ф. И. Арсеньева съ прекрасною дочерью Марьею Михайловною; вмѣстѣ съ Графинею поѣхали въ концертъ. Какой-то Нѣмецъ Керцели и мадамъ Франкъ, онъ на скрипкѣ, и все наизусть, что доказываетъ глупость; она изрядно пѣла; оркестръ не провиненъ. Въ концертѣ были: Софья Алексѣевна Храповицкая, всегда любезная, Елисавета Павловна Головина, урожденная фонъ-Визинъ, съ побѣдительными черными глазами; тушь съ черными же глазами и пріятною красошою Валуева, жена Полицмейстера, хорошаго челоѡка; здѣсь же въ концертѣ, не знаю какъ, познакомился съ миленькою дѣвицею съ интересными голубыми очами, Любовью Михайловной Гамалей; видимо умна, и ощушительно воспитана. Жаль, что концертъ кончился: бесѣда съ невинностію пріятна. Много видѣлъ знакомыхъ по Пешербургу. Вмѣстѣ съ ангельскою душею, Графинею Васильевую, пріѣхалъ домой. Ужинъ пріятнѣйшій. Въ 11-ть часовъ, просиялъ съ лучшею особю, Графинею, пошелъ къ себѣ, молился, что Богу благоугодно, чтобы люди честные меня любили. Заснулъ поздно; мысль

за мыслию переходя въ головѣ, мѣшали сну и покою.

22-е Ноября. Пріятная Тула. Хозяевами, дѣшми ихъ и всѣми крайне доволенъ. Рано, въ препокройной кибишкѣ поѣхалъ въ баню, въ больницу, къ Доктору Василю Ивановичу Садовскому; хорошій человекъ; а жена его, Александра Ивановна, съ значительными черными глазами, мила, и кажется полюбила меня; банею и гостеприимствомъ Доктора и супруги его весьма доволенъ. Званный обѣдалъ у Храповицкихъ, — любезны оба; шутъ познакомился съ Начальникомъ Тульского оружейнаго завода, Генераль-Маіоромъ Артиллеріи Асшафьевъ Асшафьевичемъ Шпаденемъ и славнымъ машинистомъ Захавою. До обѣда пріѣзжала съ визитомъ къ Графинѣ Васильевой Ел. Павл. Головина, съ которою я познакомился; отличная особа, по всѣмъ отношеніямъ и по красотѣ. Пріѣзжала также одна пожилая дама, можетъ быть и хорошая, добрая, но одѣта была не по лѣшамъ своимъ и безъ вкусу, чего я не люблю. Вечеръ провелъ въ пріятныхъ разговорахъ съ ангельскою душою Графинею Васильевой, и Валуевой. Не здоровился и лѣвый бокъ очень болилъ. Не выѣду, пока не

оправлюсь, да и не пускаю, если бы и хощѣлъ.

23 Ноября. Пріятная Тула. Холодно. Послѣ свиданія съ истинными друзьями, Графомъ и Графинею Васильевыми, въ 11 часовъ утра пріѣхалъ за мною Попечитель, или Директоръ просвѣщенія по Тульской губерніи, Кол. Ассес. Степанъ Дмитриевичъ Нечаевъ. Съ перваго раза полюбилъ меня, и я его; мнѣ не шрудно было, ибо онъ соединяетъ въ себѣ познанія, всѣми любимъ и хвалимъ, и наружность его крошечная. И такъ, Нечаевъ повезъ меня въ Ланкастерскую школу, которая бышіемъ своимъ обязана Графу Васильеву; признаюсь, что по всѣмъ губерніямъ видѣлъ и лучшія, но все военныя, а здѣсь разночинцевъ спо, и малъ-мала меньше; не знаю, къ чему приписать, но я до слезъ былъ пронутъ, даже не любя сихъ заведеній. Душевно благодарилъ Нечаева, который повезъ меня въ Пансіонъ мужской; содержатель онаго фонъ-Бехагель; хотя наружность его и мало общается, но я нашелъ устройство, и дѣши видимо успѣваюшъ; числомъ и порядкомъ по всѣмъ часямъ. Съ сердечнымъ удовольствіемъ опять благодарилъ любезнаго Нечаева. Былъ я въ Пансіонахъ нѣжнаго пола: въ первомъ содержательница

Г-жа Шрейеръ, съ перваго взгляда внушаель къ себѣ довѣренность; по ея старанію дѣши въ короткое время пріобрѣтають свѣдѣнія; во второмъ Пансіонѣ содержательница Марія дю Граво, Француженка пожилыхъ лѣтъ, не изъ просвѣщенныхъ, но доброта сердца выказываея, за по сестра ея тоже выказываетъ заботливость; шутъ и взрослые дѣвицы, и не дурны собою, отвѣчали на разные вопросы Грамматики Россійской хорошо, и по всѣмъ часямъ прилѣжны; руководя ихъ прекрасны, рисуютъ изрядно. Весьма и весьма довольный, опять чувствителью благодарилъ Нечаева. Гимназіи не видалъ единственно пошому, что не переведена въ новый домъ. Увѣренъ, что при стараніи благомыслящаго Нечаева и попеченій друга человѣчества Графа Васильева, успѣхи быстрые будутъ. Приглашенный обѣдалъ у Нечаева; очень доволенъ его любезностію, умомъ и просвѣщеніемъ безъ педантизма. Здѣсь познакомился съ хорошимъ Писателемъ Броневскимъ, и Бабаевымъ, Почтмейстеромъ. — Тутъ были два мальчика и одинъ сѣдовласый, которые мѣшали пріятно бесѣдовать. Дома провелъ весь вечеръ въ душевныхъ разговорахъ съ Графиней Васильевою, и рѣзвился съ прелею малень-

кими дочерьми ея. Старшая Софья, умная и добрая; вторая Анна крошечка, пишина и миловидность; претія Елизавета быстра, но умна. Съ часъ времени былъ у Гурланде, очень порядочный человекъ. Съ Графомъ только за обѣдомъ видѣлся: онъ ежеминутно въ занятіяхъ для пользы Губерніи. Въ 11-ть часовъ, помолясь, заснулъ.

24-е Ноября. Пріятная Тула. Св. Велікомученицы Екаперины. Если бы въ С. Петербургъ былъ, сколько именинницъ — сколько бы кренделей послалъ, у многихъ бы былъ; но здѣсь ни одной не знаю, а пошому, и по нездоровью своему, цѣлая сушка дома, съ дочерьми хозяина; Графиня обѣдала у Полонскихъ и меня приглашали, но я не могъ быть. Графомъ чрезвычайно доволенъ. Писалъ письма къ брату, къ К. А. Нарышкину, къ Супоневой, почтеннѣйшей Марѣ Петровнѣ. Посидѣлъ у меня Генераль-Адъютантъ Храповицкій — и сушки миновали.

25-е Ноября. Пріятная Тула. Читай, писалъ, видѣлся съ гостепріимными хозяевами — друзьями. Въ два часа по полудни поѣхалъ на званый обѣдъ къ Владимиру Богдановичу Броневскому, и очень доволенъ, доволенъ и шѣмъ, что познакомился

съ его премилою и любезною супругою Авд. Павловною. Послѣ обѣда Броневскій, яко Директоръ Александровскаго Военнаго Тульскаго Училища, повезъ меня въ оное; я нашель по всѣмъ опношеніямъ все прекрасно, и никакъ не хуже, если не лучше первыхъ въ сполциѣ Корпусовъ; у дѣшей лица прездоровыя, видимо, что хорошо содержашся. Въ классахъ, когда Г. Броневскій спросилъ большихъ учениковъ, какіе Писатели съ пользою сочиняли, назвавъ Ломоносова и другихъ, наименовали и меня; я изъявилъ свою благодарность за учтивость — ученику, и за все видѣнное мною Г. Директору. Часъ времени былъ дома; въ 7 часовъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ, поѣхалъ званный къ Г. М. Шпадену, супруга коего, достойная всѣхъ похвалъ, очень учтиво приняла и мнѣ весело было; я всѣмъ доволенъ; шущъ дочери Екашерины Ив. Шпаденъ, миленькія, шущъ Надежда Николаевна Горскина умная, и дѣвица Янышева прекрасная. Тущъ два бывшіе мои кадепа: Подполковникъ Эме и Капитанъ Аршиллеріи Тагайчиновъ, шакъ и ухаживали за мною — чувствительнѣе для моего добраго сердца. Хошя и нездоровъ, но танцоваль. Ужинъ именинный, хозяева душевно занимались гостями. Въ часъ былъ дома.

26-е Ноября. Пріятная Тула. Утро. Казалось проснулся здоровымъ; но къ часу голова разболѣлась и сильный ознобъ обнялъ меня. Былъ у меня Г. Броневскій, крошкѣй и пріятный человекъ, и много хорошаго, мнѣ неизвѣстнаго, узналъ о Вице-Адмиралѣ Сенявинѣ. До обѣда Графъ Васильевъ замѣшилъ перемѣну въ лицѣ моемъ. Въ 3 часа уже я былъ въ ужасномъ жару. Счастливая природа моя уменьшила и жаръ и головную боль; Докторъ Садовскій не хотѣлъ ничего прописатьъ, а велѣлъ пить уксусъ, вино и воду, вмѣстѣ; прошивно, однако я пилъ и лежалъ. Къ 7 часамъ немного лучше, и я, по желанію гостыи, дѣвицы истинно прелюбезной, Марьи Михайловны Арсеневой, одѣлся, и едва могъ посидѣть полчаса. Анна Михайловна Валуева, прекрасная, упросила иппи лечъ. Я повиновался; при прощаніи дѣвица Арсенева подарила мнѣ Спасителя, прекраснаго ея вышиванья; поцѣловавъ ея руку, благодарилъ премилую за лестный для меня подарокъ. Въ 10 часовъ пилъ малину, и въ сильномъ жару заснулъ.

27-е Ноября. Пріятная Тула. Цѣлую ночь въ испаринѣ, и вошъ что меня спасло опъ смерти. Слабый проснулся и всю ночь видѣлъ во снѣ человека, кошпорый

причиною моей болѣзни; хорошо, что я попался на руки любящихъ меня особъ, Графа и Графини Васильевыхъ, а то что бы спалось со мною, если бы на станціи заболѣлъ; кончилъ бы дни свои ни за что, погребли бы чужіе, и поминай какъ звали. Благодаренъ Богу, что Его милосердію угодно было привесити меня къ нѣжнымъ и попечительнымъ сердцамъ. Часу въ 11-мъ посѣтилъ меня Подполковникъ Эме, Директоръ Оружейнаго завода по искусственной части, и просилъ къ себѣ обѣдать; благодаря, извинялся болѣзнію. Мнѣ лучше, а все попеченіями хозяевъ. Въ 10-ть часовъ вечера я уже спалъ.

28-е Ноября. Пріятная Тула. Послѣ морозовъ сегодня опшпелъ, дождь. Малина опять добро мнѣ сдѣлала; въ 6 часовъ утра всталъ, одѣлся и написалъ немного жесткое, но справедливое письмо шоварищу моему въ путешесствіи, и мнѣ спало какъ будто легче; но спражду торломъ. Графиней, Графомъ и дѣшми ихъ очень доволенъ. Ввечеру была дѣвица Панцырева, пріятная и опмѣнно со вкусомъ одѣшая, и Нечаевъ Степанъ Дмитріевичъ, пріятнѣйшій молодой человѣкъ, съ опкрытымъ сердцемъ и какою-то привлекапельною кротоспнію. Всѣ его любяпъ, и многія ма-

пушки желали бы выдапъ за него своихъ дочерей.

29-е Ноября. Пріятная Тула. Морозикъ. Осыпала лихорадка, не шокмо уста, даже языкъ, и сильно болипъ горло. Докпоръ позволилъ проѣхатъ. Нечаевъ, посѣпившій меня упремъ, съ удовольспвіемъ прислалъ мнѣ медвѣжью шубу, карешу свою и визипные билеты съ именемъ моимъ; какъ не чувспвоватъ дружбы его! И шакъ я закушавшисъ въ шубу, въ колпакъ и каршущъ, пуспился дѣлатъ визипы каршочками, не выходя изъ карешы, однако, чшобъ всѣ знали, что я, хошя и боленъ, но за любезностъ и благосклонностъ всѣхъ, лично развожу билеты. Былъ у Шшадена, у Храповицкихъ, Головиныхъ, Гурландѣе, Валуевыхъ, Броневскихъ и у Арсеньевыхъ. Возвращилсѣ домой изнеможенный, едва могъ что нибудъ проглошптъ; цѣлыя супки спрадалъ, и за меня спрадала Ангелъ Графиня. Ввечеру пріѣзжала Храповицкая. Много говорено о шѣхъ, кои любяпъ ѣздипъ и жишъ въ чужихъ краяхъ, безъ пользы опечеспву и ихъ самихъ, а шолько, чшобъ проживапъ Русскія деньги, и наживапъ нездоровье. Также говорили о дворянахъ, кои проживаюпсѣ опъ спраспи имѣпъ въ деревнѣ шеатрѣ, на коемъ сами играюпъ, и большею часпнію

холопы аплодируютъ, хопъ хорошо, или худо играешь господинъ. Смѣшно и грѣшно. Всѣ сии разговоры были при гостѣ Воейковѣ и двухъ его дочеряхъ. Простясь съ Графиною и дѣшми ея, въ 11 часовъ былъ уже во власпи Морфея.

30-е Ноября. Пріятная Тула. Дождь. Цѣлая супки спрадалъ, и горломъ болѣе; мало ѣлъ; попеченіямъ Графини обо мнѣ нѣшъ предѣловъ, и старшая дочь даже плачетъ, что я нездоровъ; вторая ласкается, а шрепья рѣзвшись, всѣ еще дѣши; и Мисъ Мери Англичанка, хлопочетъ обо мнѣ. Только и была гостья Марья Ивановна Соловьева, пріятная дама. Графъ чиналъ мнѣ Марпоса письмо о монументѣ Донскому. Говорили о разныхъ предметахъ, клонившихся для пользы губерніи; благоразумно судить и исполняешь съ рвеніемъ. Между прочимъ рассказывалъ, что одинъ Вице-Губернашоръ представилъ на бумагѣ Губернашору проэкшъ, чтообъ болѣе вина было въ продажѣ; мысль его: *богатая и благородная* — шолько позводишь ему въ кабакахъ сдѣлать съ зади двери, ибо де шпашскіе мѣлкіе чиновники, офиціаншы и ливрейные лакеи спыдятся съ улицы входить въ кабакъ, а съ зади всѣ бы пошли, — какая прибыль казнѣ! И еще написалъ, что

онъ бы завелъ канареекъ для большей приманки. Губернашоръ, оспавивъ у себя проэкшъ, онказалъ. Тула вообще чистый городъ, съ шѣхъ поръ, какъ Графъ Васильевъ править губернію; имъ сдѣланы кирпичные шрошуары, поставлены фонари на улицахъ, заведена пожарная команда съ шрубами, ничѣмъ не хуже С. Пешербургской, и разведенъ садъ для города. Уже ночь на дворъ, пріятный сонъ ожидаешь меня, по крайней мѣрѣ я надѣюсь.

1-е Декабря. Пріятная Тула. Ошпель, однако мнѣ спановится лучше; ушро чиналъ и немного писалъ; у Графини были новыя для меня лица, Графиня Горчакова и Г-жа Полонская, и разговоръ не пущой. Здѣсь, какъ я замѣшилъ, шолько и проводяшь время въ пущыхъ визитахъ, и наблюдаюшь какой-то спрогій эшпикетъ, чтообы бышь какъ можно со всѣми одинаково знакомымъ. Я на спрогой дѣшѣ. Однако, не взирая на слабость мою, послѣ обѣда, Графиня, Храповицкая, дочь Графини Софья, Англичаночка Мери, и я, поѣхали въ концершъ; былъ бы изрядный, если бы въ лучшей залѣ, а то въ театрѣ Св; ничего замараніе и дуріе не видывалъ, и жарко и несносно. Я крайне доволенъ былъ шѣмъ шолько, что сидѣлъ позади пре-

лестной и умной М. М. Арс.; чѣмъ болѣе вижу ее, тѣмъ болѣе нахожу красоту душевныхъ и для глазъ пріятныхъ — Глаза ея, кажется, насквозь видящъ. Тупъ въ концерпѣ, какая-то полстая дама, съ бородавкой на носу, не будучи со мною знакома, сказала мнѣ: «вамъ, спаричкамъ, шолько и оспалось въ жизни говоришь пріятности красавицамъ»; — я, взглянувъ на нее, молвилъ: ужели молодымъ позволено говоришь грубости? Дѣвицы разсмѣялись, полстая дама покраснѣла; послѣ узнавъ, что она добрая женщина и даже малорѣчива. Дѣвица Жураковская съ Гордличкой разыграли Дюсека дуэшь довольно хорошо. Довольный собою и другими возвратился домой. Сидѣлъ за ужиномъ, но не ѣлъ. До ужина дѣши Графа и Графини прибѣжали ко мнѣ и просили посмотришь карла маленькаго, подобнаго двухъ-лѣтнему дитяти; я пошелъ посмотришь, отворю дверь въ споловую и съ неудовольствіемъ оспановился, увидѣвъ, вмѣсто, карла, приспавшаго къ спѣнѣ великана въ при аршина и шесть вершковъ, тучнаго, бѣлаго, съ дѣшскимъ голоскомъ; какое-то непріятное чувство родилось во мнѣ. Онъ 18-ти лѣтъ женился, и былъ двухъ аршинъ и семи вершковъ, а черезъ 8 лѣтъ содѣлался чудови-

щемъ. Скупъ, и шолько ночью ходишь, чтобы даромъ себя не показываешь. При-знаюсь, увидѣвъ сего великана нечаянно, можно испугаться.

2-е Декабря. Пріятная Тула. Гораздо лучше мнѣ, дай Богъ выздоровѣшь, и 7 числа пустишься чрезъ Москву въ С. Петербургъ. Въ каретѣ С. Д. Нечаева ѣздили къ Директору завода Эммѣ, и на заводъ, но осмотришь оный до Субботы опложено. Посидѣлъ у Нечаева, гдѣ разговорами его былъ очень доволенъ; право мало я видѣлъ молодыхъ людей съ такою любезностію, при настоящемъ просвѣщеніи. У себя въ комнатѣ чиналъ и писалъ. Вечеръ провелъ среди домашнихъ, то естъ Графини и дѣшей ея. Пріѣхали Арсеньевы; мать хорошая женщина, дочери: Марья Михайловна характера привлекательнаго, видомъ величественна, Анна Михайловна хороша; вальсироваль съ обѣими и съ дѣшми; мнѣ спало гораздо лучше. Былъ также бывший Губернаторъ Ивановъ и племянница его, умная Панцырева; былъ у меня Бабаевъ; любезенъ; день прошелъ въ наслажденіяхъ душевныхъ, въ 11 часовъ разошлись. На дворѣ сыро.

3-е Декабря. Пріятная Тула. Мнѣ пріятно лучше; два градуса морозу, къ вече-

ру болѣе; предовольный своими хозяевами, пошелъ пѣшкомъ къ Арсеньевымъ, и понесъ прекрасной Марѣ Михайловнѣ свои пѣсенки; одѣтая въ синее платье съ короршками рукавами была обворожительно, при любезности своей и пріятномъ образованіи; часа два проехали счастливо. Послѣ хорошаго обѣда у Графа, занимался чтеніемъ. Ввечеру былъ Генераль Исленевъ, съ 1-ю спешенію Св. Владимира, умный и любезный 70 лѣтній спарикъ; много говорено съ нимъ о Екатеринѣ Великой. Тутъ же былъ Хрулевъ, Предсѣдатель Уголовной Палаты, всѣми уважаемый; съ нимъ я немного поспорилъ о мѣстѣ храма Ифигеніи и Тмушаракани. Въ 11-ть часовъ читалъ Броневскаго Путешествіе. Въ 12-ть часовъ былъ въ объѣздахъ Кикиморы.

4-е Декабря. Пріятная Тула. Морозу 16 градусовъ, къ вечеру 20. Графъ рано заходилъ ко мнѣ, и прочитавъ нѣкоторыя бумаги, поѣхалъ по уѣздамъ. Въ 9-ть часовъ пріѣхалъ за мною Подполковникъ Эмме, и повезъ на оружейный заводъ, который я осматривалъ болѣе 4 часовъ во всей подробности. Павелъ Дмипріевичъ Захава или Захау съ большими дарованіями Механикъ и чрезвычайно скромный. Честъ дѣлаетъ Шпадену, что далъ волю сему по-

чтенному Россіянину образовавъ вновь и улучшивъ заводъ; всѣ машины изобрѣшенія Захавы, по видимому, кажутся, проспы, но много имѣющъ механизму, и гдѣ употреблялось 300 человекъ, тамъ нынѣ 24, и гдѣ 50, тамъ 4. Начало и опдѣлка ружья — прекрасны; старыя машины кажутся, при новоизобрѣшенныхъ; и глупы и тяжелы. Очень озябъ. Обѣдалъ у Эмме; онъ и жена его чѣмъ могли, тамъ и угостили; между тамъ скажу, что первый разъ былъ я уху молочную и комплеши изъ рыбы съ кислую капустою. Послѣ обѣда, часа два провелъ въ пріятныхъ разговорахъ съ добрейшею Графинею. Въ 6-ть часовъ, Нечаевъ повезъ меня къ Г. Гамалею. Спарикъ радъ былъ мнѣ, и привѣтствовалъ, какъ умный человекъ; я жалѣлъ, что домашнихъ его не было дома. Вечеромъ была Валуева и кое-кто; Графиня предложила босшонъ, и я неучъ, сълъ; мы играли до ужина; гости разъѣхались, и мы распрощались; читалъ долго Броневскаго Путешествіе — хорошо написано и занимательно.

5-е Декабря. Пріятная Тула. Воскресенье. Графиня Васильева повезла меня къ обѣднѣ въ церковь Пешра и Павла; церковь бѣдна и темна, жалъ; народу много и чинность замѣтна. До обѣда, пріѣзжали

много дамъ къ Графинѣ съ визитами, а я ѣздилъ къ Храповицкой и къ Арсеньевымъ; чинилъ Броневского, который предпринялъ въ подробности описать машины Тульского оружейнаго завода; не здоровишся, однако, если удастся, по 7 числа выѣду изъ незабвенной для меня Тулы.

6-е Декабря. Пріятная Тула. День ото дня на опытъ дознаю, что Графъ Васильевъ все то дѣлаешь для губерніи Тульской, что честный, благомыслящій и просвѣщенный человекъ можетъ и долженъ дѣлать; даже и криводушники мало по малу опущаются отъ своего закоснѣлаго, такъ сказать непряמודушія; о добрыхъ людяхъ нѣчего и говорить. Всѣ превозносятъ его. 23-хъ-лѣтнее мое знакомство, обратившееся въ пріязнь и дружбу, болѣе и болѣе возрастаетъ. Графиня точно обвораживаетъ, всегда одинакова, всегда умна, крошка и любезна, слѣдственно добродѣтельна; своимъ непринужденнымъ благороднымъ обращеніемъ ежедневно приобретаешь новыя права на любовь всѣхъ и cadaго. Дѣши любяшь меня, и сія любовь невинныхъ заславляетъ утвердительно сказать, что я, ежели не имѣю блестящихъ достоинствъ, по крайней мѣрѣ владѣю добрымъ сердцемъ, которое рано, или поздно

содѣлаетъ и меня счастливымъ, хотя никто еще не опредѣлилъ, въ чемъ это состоитъ; въ моихъ понятіяхъ, счастье не въ другомъ иномъ состоитъ, какъ только въ спокойствіи душевномъ; но если я буду жена на особѣ доброй, крошкой, благовоспитанной, подобной А. В. К. С. или А. В. П., то это послужитъ доказательствомъ, что Богъ захотѣлъ награждать меня.

Морозу 18 градусовъ. Писалъ къ Оберъ-Прокурору Н. А. Челищеву, что я одержимъ болѣзнію. Обѣдалъ, званый, у Подлицейстера Ник. Ив. Валueva, и крайне доволенъ имъ, супругою его и всѣми. Здѣсь смотрѣлъ фейерверкъ, сожженный въ пользу бѣдныхъ. Могу сказать, что мнѣ весело. М. М. А. хотѣю кого можешь свести съ ума своимъ обращеніемъ и красотою; бѣда бѣдному моему сердцу, скорѣе ѣхашъ! Вечеру, вмѣстѣ съ Валуевой, пріѣхалъ къ Графинѣ Васильевой, или завезла меня прекрасная домой. Тутъ были дѣвица Агрипина Ив. Сильвестрова; она своимъ разговоромъ показала, что хорошо воспитана и имѣетъ добрую душу; и наружность прелестьна. Здѣсь въ Тулѣ столько прелестныхъ особъ, что мало шаковыхъ встрѣчаешь въ С. Петербургѣ; онѣ пріятномъ съ должнымъ воспитаніемъ. Не знаю,

какъ, но я прогнѣвиль Мар. Мих. 17-пи-
лѣшнюю дѣвицу, за то худо спалъ и не
могъ чашать; удивляюсь шѣмъ людямъ,
кои на развалинахъ ближняго основываютъ
свое счастіе, какъ могутъ они покойно
спать? Да! я и забылъ что у сихъ несчаст-
ныхъ совѣсть спитъ!!!

7-е Декабря. Пріятная Тула. Морозу
20 градусовъ; чашалъ, былъ у Соловье-
выхъ, умны и гостепріимны. Плакалъ ошъ
нѣжныхъ чувствъ, видя необыкновенное
вниманіе Графини и Графа Васильевыхъ.
Для здоровья, ходилъ, и посидѣлъ у любез-
наго Нечаева. Сердце спѣсняется; тоска,
грусть, а все о С. Пешербургѣ.

8-е Декабря. Пріятная Тула. 18 граду-
совъ морозу. 5 мѣсяцевъ нѣшь вѣсши
ошъ родныхъ и друзей, какъ не плакать?
Плакалъ. До обѣда были: Графиня Хруле-
ва, высока, спашна, молода, очень скром-
на, по разговорамъ, видна доброта сердца, и
хороша, — Балуета, по обыкновенію пріят-
на и сеспра ея Марья Мих. безъ кокет-
ства, ошпанавливаетъ и обращаетъ на
себя вниманіе мыслящихъ. Званный обѣдалъ
у Соловьевыхъ; крайне доволенъ, не шокмо
ими, но и гостями, что рѣдко со мною
случается. Бываютъ люди, кои присуш-
ствіемъ своимъ ошнимающъ даже аппе-

шитъ и наводящъ хандру. Вечеръ съ Гра-
финею въ театръ; играли какую-то Опе-
ру, переводъ Плещева и музыка его же;
весьма не поиравилась Опера; много я на-
шелъ вольностей; а какъ вышли Цыганки
и Цыганы на сцену — всѣ дамы вдругъ
вспали и уѣхали, спасибо имъ; Цыганки
хотя и недурны собою, но своими вакхан-
скими плясками, проливны во всемъ смы-
слѣ слова. Кончикъ вечера пріятно прове-
денъ съ Графинею и дѣшми ея.

9-е Декабря. Пріятная Тула. Морозъ
22 градуса. Утвердительно можно ска-
зашъ, что Графъ Васильевъ заслужилъ об-
щую признательность; дай Богъ, чтобы
здоровье его не разстроились; онъ съ 5-пи
часовъ упра и дѣля почши сушки даетъ
расправу, и всѣ имѣющъ къ нему доступъ,
не смотря ни на лице, ни на званіе. Даже
получающіе ошказъ въ своихъ припязані-
яхъ или желаніяхъ не могутъ нахваливаться
имъ. Что до меня касается, онъ всегда
одинаковъ, добръ безъ нѣжности, благодѣ-
тель безъ хвастовства; на него можно
смѣло положиться: не измѣнишь слову.
Эшо великія добродѣтели, особенно въ ны-
нѣшнее время, когда большая часть, изъ
видовъ добры и благодѣшелны, и угожда-
ющъ только богатымъ и знатымъ. Миръ

заклучень съ милѣйшею дѣвицею. Званный обѣдалъ у именинницы Анны Михайловны Валуевой съ ея роднею и многими чужими; мнѣ было очень весело, меня точно лелѣли, и кто жъ? красавицы, а вы знаете, что я это весьма люблю. Вечеръ проведенъ дома весело; читалъ Путешествіе Б., и нашель, что люди и просвѣщенные, дѣлають ошибки, ибо какъ не знашь, что Цицерономъ пожертвовалъ Августъ, а не Юлій Кесарь.

10-е Декабря. Пріятная Тула. Очень морозно. Весель проснулся, и спало легко на сердцѣ: видѣлъ во снѣ, что всѣ мои кровные здоровы. До обѣда у Графини были: Фаина Ив. Арсеньева, съ невѣсткою своею Ек. Сем. Игнасьевой, о кошорой можно сказать: умна, любезна и хороша. Княгиня Юсупова, урожденная Арсеньева, сестра честнаго человѣка Павла Михайловича (пріобрѣтшаго 11 Октябрю вѣчный покой), съ кошорою много говорено о ея сестрахъ Алекс. М. Михайловой, и Авд. Мих., съ коими я былъ въ дружбѣ (они нынѣ покоятся на лонѣ Всемогущаго.) Княгиня пришла по душѣ мнѣ, и кажется полюбила меня, и это веселишь. Прокурорша Ташаринова хорошая женщина, и мужа ея хваляшь за честность. Ввечеру,

по предложенію С. Д. Нечаева хотѣлъ ѣхать къ Г. Гамалею, но пріѣхавъ за мною и увидя М. М., сестру ея, и спаршую Авд. Мих. Каризну, пріятную даму, уговорилъ меня остаться. Мы пѣли, я вальсировалъ, и время быспро протчалося. Протшедшіе дни, видя многихъ прелестныхъ особъ, замѣнилъ, что онѣ болѣе читають Романы, нежели нравоучительныя книги; жалко, ибо готовятъ себѣ дурную спарощь. Романы только пустошу оставляютъ въ головѣ, а иногда дѣлають ихъ чрезмѣрно чувствительными, и онѣ сидя предъ каминомъ, или близъ ручейка — вздыхють! вздыхають! а шамъ и прощай! Толи дѣло историческія книги, кои, возвышаютъ душу, и содѣлываютъ человѣка при несчастіи пвердымъ въ добродѣтели и непоколебимымъ въ испинѣ.

11-е Декабря. Пріятная Тула. Морозу 22 градуса. Утро въ чшеніи и въ изливаниі благодарныхъ чувствъ предъ хозяйкою Графинею. Былъ у здравомыслящей Соловьевой. По приглашенію поѣхалъ на экзамень къ Мд. Дюграво. Довольно было посѣщителей; дѣвцы отвѣчали изрядно, какъ вообще въ публичныхъ экзаменахъ, но надобно опданы справедливостъ Нечаеву за его стараніе, сколько возможно улуч-

шипъ пенсіоны, Чшо сказашъ о танцахъ? дѣвицы попарно входили, держа розовыя гирлянды и дѣлая оными движенія, шо на право, шо на лѣво, по музыкѣ и по спугу изъ другой комнапы; на ноги хощь не гляди; эшо меня удивило. Дѣвицы невиновны, и на вопросъ мой: кшо танцмейстеръ? меня повели въ другую комнапу, и кого жъ я увидѣлъ? Рожера несгараемаго, кошорый у насъ въ С. Петербургѣ, подѣ качелями, фигляриль на Свяшой. Вошъ каковы Французы, на все горазды! Нечаевъ хощѣль на другой же день его опсшавишь, и вѣрно уволить. Довольный возврапился, хощя и было между мною и Нечаевымъ маленькое недоумѣнье; объясненіе сблизило насъ, и изъ пріязни родилась дружба и опшкровенность. За ужиномъ у Графини, съ дѣшми ея, всегда весело, и сердце опшдыхаетъ.

12-е Декабря. Пріятная Тула. Рожденіе Государя Императора. Морозу 23 градуса. Боясь болѣе занемочь, не былъ у обѣдни. Чины военные и гражданскіе и Архіерей послѣ обѣдни завшпракали у Губернашора Графа Васильева, и пили Шампанское за здравіе Его Императорскаго Величества. Послѣ обѣда были въ театръ Свѣчина, на кошоромъ играли благородные

въ пользу инвалидовъ. Супруга Доктора Геля, двѣ дѣвицы Шулепниковы, играли хорошо, и Свѣчинъ чрезвычайно хорошо; но меньшая Шулепникова лучше всѣхъ, и собою очень не дурна. Піеса, не помню, какая, извлекла слезы у зришелей. Въ 10 часовъ поѣхали на балъ въ Дворянское Собраніе. Надобно опшдашь чесшъ нѣжному полу: прелесшно, со вкусомъ, по послѣдней модѣ одѣшы, и большею частію собою прекрасны; рѣдко можно видѣшь и въ столицѣ столь много вдругъ привлекашельныхъ лицъ; за шо мужчины далеко опшшали и почпи всѣ въ сапогахъ; я хощя былъ и въ башмакахъ, но не рѣшился танцовашъ. Въ первомъ часу былъ уже дома и благодариль Графиню за ея любезность, что возила, какъ своего сына. На балъ спросиль объ одномъ мужчинѣ, кошорый былъ и блѣденъ и худъ, и желшъ и не хорошъ. — Мнѣ опшвѣчали: »Объ немъ можно сказашъ, какъ о нѣкошорыхъ сочиненіяхъ: *«Если то ради лучшаго тего, такъ только и всего, то больше нигего.»* Сегодня ангелъ зяшя моего Спиридона Юр. Деспуни, Генеральнаго Консула въ Смирнѣ. Вспомня объ немъ, о сестрѣ и дѣшяхъ ихъ, нельзя было не пролишь нѣсколько слезъ, воображая, какъ имъ должно бышь несносно въ землѣ варвар-

ской! — чпо дѣлать? — служишь, такъ не шужишь!

13-е Декабря. Пріятная Тула. Морозу 12 градусовъ. Утро писалъ къ машушкѣ и ко всѣмъ роднымъ. Плакалъ, и меня пришли ушѣшать Графиня съ дѣтьми и Мисъ Мери. Ушерли слезы. Въ полдень повезла меня Графиня къ Броневакой; не заспали, а пошому сидѣли часа два у Арсеньевыхъ. Поздо обѣдали, отъ того, чпо былъ пожаръ; но полиція не допустила распротраниться огню, шолько и сгорѣлъ одинъ сарай съ товаромъ. Съ 6 часовъ до 8-ми былъ у Головиныхъ; имъ и ея очень доволенъ. Просвѣщенные оба. Тушъ сидѣли двѣ особы нѣжнаго пола, робошали и очень разумно глядѣли, и иногда значительная улыбка пробѣгала по ушамъ ихъ. Вечеръ дома, читалъ Газетш.

14-е Декабря. Пріятная Тула. Морозу 19 градусовъ. Утро читалъ. Въ полдень пріѣзжалъ Бабаевъ, съ сестрою своею Хошяицовой, любезною и благоразумною; съ часъ времени сидѣлъ я у милой А. М. В.; въ 6-шъ часовъ, по приглашенію Нечаева, поѣхали въ пансіонъ на экзаменъ къ Г-жѣ Фрейеръ — Графиня съ дѣтьми, Ан. Мих. и я. Здѣсь гораздо проще и лучше ошвѣчали дѣвицы, нежели ошвѣчали въ пансіонѣ дю Граво,

по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Попечитель Нечаевъ, не смотря на то, чпо тушъ было много посѣтителей и чиновиѣ и просвѣщеніе меня, но онъ упротсилъ меня сѣсть у стола, на которомъ положены были книги, рисунки и ноты; краснѣя сѣлъ, и дѣвицы одна послѣ другой подходили ко мнѣ, а я вручалъ имъ назначенные подарки; каждая, по полученіи, присѣдала мнѣ, а я краснѣлъ. Прежде сего мнѣ предосставлено было сдѣлать нѣсколько вопросовъ, на которые ошвѣчали дѣвицы и дѣльно и скромно. Вы можете вообразить, какъ былъ я доволенъ, и сколько чувствовалъ благодарности къ Нечаеву — кошорый узналъ меня, по недоумѣнію, бывшему дня при шому назадъ между нами,

Что меня бездѣлица разспротшъ,

Потомъ ничшо не успокоишъ;

Я плакашъ и гошовъ и радъ.

За ужиномъ у Графини, говорили до 11-ти часовъ объ экзаменѣ, и чпо Нечаеву много собственныхъ денегъ споятъ всѣ заведенія по ученой часпи. Конечно, онъ богатъ, скажущъ; но сколько мы видимъ богатыхъ, кои скорѣе купятъ чешверку лошадей, или на вздоръ испрашатъ, а на добро копѣйки не дадутъ; не такъ ли? Всѣ ошвѣчаютъ, и старый и малый, и ра-

зумный и простой человекъ: шакъ, шакъ — неоспоримая истина!

15-е Декабря. Не шокмо пріятная Тула, но даже любезная. Очень холодно. Немного лучше мнѣ, но лѣвый бокъ сильно болящъ. Чашалъ. Ходилъ къ Нечаеву съ благодарностію; онъ краснѣлъ, что могъ самолюбію моему дать пищу, и что предпочтеніемъ на экзаменъ, далъ урокъ нѣкопорымъ, кои павлинящія въ губерніяхъ, а въ сподлицахъ только по переднимъ паскаются. Былъ у Фаины Ив. Арсеньевой, бесѣда любезная: мать добрая, Авд. Мих. Каризни умна. Дома обѣдалъ, потомъ ѣздилъ къ спарику Генералу Исленеву, современнику Пошемкина-Таврическаго; много говорено о разныхъ особахъ, бывшихъ при Екатеринѣ Великой. Бесѣда съ спарикомъ поучительна. Онъ, бѣдный, лежашъ въ постель, и нѣкому присмотрѣшъ; Графиня Васильева всего ему присылаетъ, и зачавъсы у кровати сѣлала; спарикъ плакалъ изъ благодарности, и самъ рассказывалъ мнѣ, что много денегъ испрашилъ въ молодости, за то шеперь нуждается. Госшей наѣхало довольно къ Графинѣ, а я съ Нечаевымъ ѣздилъ къ Гамадею, и могу похвалиться пріятнымъ пріемомъ всѣхъ; и мать и дочь и госши Хишрово, и Агрипина Петр. Ар-

сеньева, Щепотьева, любезны; отецъ, сынъ и другіе то же; только мнѣ не понравилось, что какой-то гусарикъ, расправляя усики и расхаживая при всѣхъ, припѣвалъ и присвистывалъ; впрочемъ, какъ мнѣ сказали, *что это въ тонъ*, то я и замолчалъ.

16-е Декабря. Пріятная Тула. 17 градусъ морозу. Сегодня рожденіе благодѣтельной Княг. Кн. Ил. Лобановой-Роспловской, урожденной Графини Безбородко; я помолился за нее; она много пріятностей мнѣ сѣлала, да и кому она не дѣлаетъ? Госпожа послѣднимъ подѣлилась съ бѣднымъ; отличная душа, и сердцемъ прекрасна. Рано ушромъ былъ у меня Докторъ Гель съ приглашеніемъ въ Англійскій клубъ на балъ; я очень благодарилъ, но отказался бышъ, по нездоровью. Ушромъ же рѣшился по искреннимъ просьбамъ Графа и Графини, ошашъся въ Тулу до Р. Х., въ надеждѣ, что мое здоровье поправится; съ Графинею и дѣшми ея ѣздилъ въ Ланкастерскую школу. Обѣдалъ дома. Вечеру были: Предсѣдатель Хрулевъ, Нечаевъ и Протопопъ; разговоръ умный, и Графъ Васильевъ, прошивъ своего обыкновенія, ошавался съ нами, и своимъ пріятнымъ разговоромъ угостилъ госшей. Еще присылали изъ клуба просить на балъ, и нѣкошорыя

дамы непременно хотѣли, чтобы я былъ; однако мнѣ невозможно было исполнить желанія ни шѣхъ, ни другихъ. Помолясь, въ 11-мъ часу заснулъ.

17-е Декабря. Пріятная Тула. Хоша 12 градусовъ морозу, но съ вѣтромъ; упрое въ размышленіяхъ о судьбѣ человѣческой и о будущности моей. Спранно въ свѣтѣ, что большая часть людей, даже въ дружбѣ, замѣчаютъ только одинъ у другаго недостатокъ. А мнѣ кажется, надобно любить друзей своихъ точно такъ, какъ знайоки любятъ каршины: они, замѣшивъ въ оныхъ лучшее мѣсто вперяютъ на оное зрѣніе свое, не замѣчая другихъ, и если бы всѣ такъ поступали, гораздо бы счастливѣе были. Сегодня удостовѣрился, бывъ со многими дѣвицами, что только и читаютъ Мадамъ Жанлисъ, а что въ ней? — вездѣ ложь, и любовь невозможно-исполнительная; жалко. Правду сказать, молодые люди и сего не читаютъ, а только воображаютъ, что все знаютъ, и расшутъ бѣдные ни къ чему — полезными людьми. Со своими обѣдалъ. Въ 6 часовъ въ шеапрѣ благородномъ; давали Корсиканцевъ. Графиня Васильева сокрушалась, что я далеко отъ нее сидѣлъ; я благодарилъ, и сказала довольно громко, что мнѣ очень весело и

сердцу пріятно, сосѣдки ошасливили меня своимъ вниманіемъ — Агр. Пешр. Арс. и Хипрово. Дѣвицы Шулепниковы увѣрили меня, что онѣ приходящія мнѣ съ родни; я, благодаря, вѣрилъ имъ, но не знаю, по какой линіи. Довольный всѣми, а болѣе домашними, предался сшасливому сну.

18-е Декабря. Пріятная Тула. При вѣтрѣ 24 градуса морозу; по данному слову, пріѣхалъ за мною Подполковникъ Гурланде и повезъ меня въ Успенскій Соборъ; конечно хорошъ и въ древнемъ вкусѣ, довольно богатъ, но далеко отсшаль отъ Ярославскихъ храмовъ. Экзерцицъ-гаузъ, прекрасное строеніе; планъ Гурланде, а строеніе производилось подъ надзоромъ Ген. Ад. Храповицкаго, Графа Васильева и Генераль-Маіора Головина. Арсеналь — заглядѣнье, не вышелъ бы, но холодъ пригнулъ вхашъ ошогрѣшься къ Гурланде, у коего хотѣлось мнѣ бытъ и безъ того. Онъ мнѣ по сердцу пришелъ, дѣши его милы. Не помню, чтобы я когда нибудь такъ озябъ. Обѣдъ дома. Часа два посидѣлъ у больной, старшей дочери Арсенъевой, которой лучше. Были вечеромъ у Графини, Горскины, коихъ мать шѣмъ болѣе нравилась мнѣ, что сама воспитываетъ дочерей своихъ, отъ того Надежда Николаевна къ наруж-

ности своей привлекаешь чувствительных сердца, а къ благому воспитанію, благо-разумныхъ и просвѣщенныхъ; Янышева, заслуживаешь вниманіе; Нечаевъ и Бабаевъ умны и любезны — слѣдственно; вечеръ проведенъ, какъ нельзя лучше. Сегодня я прибавилъ нездоровья себѣ тѣмъ, что, не смотря на холодъ, былъ въ банѣ; однако спать хорошо.

19-е Декабря. Пріятная Тула. Воскресенье. Съ Графинею слушалъ обѣдню у Спаса; хорошо служили. Вмѣстѣ съ Графомъ былъ при открытіи Гимназіи. Степанъ Дмиріевичъ Нечаевъ все по сдѣлалъ, что человекъ съ правилами можешь сдѣлать, сверхъ того, девять тысячъ рублей пожертвовалъ и на строеніе. Всѣ Генералы, въ Тулѣ находящіеся, были при открытіи; рѣчь говорилъ 12-ти-лѣтній Нечаевъ, хорошо, и заспавилъ прослезиться честныхъ и добрыхъ; другое дитя произнесло стихи; все относилось къ Графу Васильеву. Прекрасный завтракъ у Нечаева. Погода стала тише и теплѣе. Посѣтилъ больную, гдѣ встрѣтился съ умною Щепотьевой. Дома пресчастливъ съ домашними. Но до 5-ти часовъ утра разные мысли не допустили сомкнуть глазъ.

20-е Декабря. Пріятная Тула. Морозу 19 градусовъ; занимался цѣлое утро; не здоровился; ходилъ по городу, не взирая на холодъ; послѣ обѣда часа три въ удовольствіи проведенъ у Доктора Егора Ив. Геля; супруга его умная, сестра ея прекрасная, старшая Шулепникова начитанная, разумная, меньшая хороша. Сегодня располковали мнѣ, что сіи послѣднія дѣвицы дальнія родственницы мнѣ, ибо сестра ихъ замужемъ за меньшимъ братомъ зятемъ моего Карлова. Въ Крыму нашелъ милыхъ дамъ со мною въ родствѣ, здѣсь же; я радъ симъ родственницамъ. Вечеръ дома, и познакомился съ хорошею дамою Баронессою Дельвигъ; были шуты при пожилыхъ дѣвицахъ, можешь быть и добрыя, но одѣты не по лѣтамъ своимъ: мнѣ досадно. До часу за полночь чиналъ, сонъ бѣжитъ глазъ моихъ.

21-е Декабря. Пріятная Тула. Не здоровился, и шелъ на дворъ; съ Графинею ѣздилъ въ общественный магазинъ; малъ, ходъ очень черенъ и нехорошъ, все дорого и дурно. Госпитальный дворъ порядоченъ, но долженъ уступить многимъ; обѣдъ дома; былъ съ Графинею у Храповицкой, у Арсеньевыхъ; вечеръ провелъ у Шпадена, супруга, коего съ 9-ю дѣтьми, опличная дама;

желаю имъ опъ души и здоровья и всякаго блага.

22-е Декабря. Пріятная Тула. Морозу 10 градусовъ; ревматизмы не оставляють меня, больно и досадно. Получилъ письмо изъ Москвы: мнѣ жаль, что почтенная и благоразумная особа, пропивъ своего ангельскаго сердца, опивчала на мое крошечное письмо; все къ лучшему. Впередъ наука, на людей мало должно надѣяться; я расстроился на цѣлый день, тѣмъ болѣе, что почтенная Графиня Васильева нездорова. Былъ у мащери покойнаго П. М. Арсеньева; не могла принять: завтра пріобщается Святыхъ Таинъ. Посидѣлъ у Ташаринова Прокурора, гдѣ заспалъ Предсѣдателя Хрулева; говорили о дѣлахъ, о ябедѣ, о людяхъ, спрашно любящихъ процессы, о взяточникахъ — и какимъ образомъ прекратишь, чтобы люди менѣ дѣлали зла одинъ другому. Къ вечеру Графинѣ лучше, и я душевно радъ. Худо спалъ.

23-е Декабря. Пріятная Тула. 9 градусовъ морозу; но очень вѣтряно. Весь боленъ, сильно проспуженъ и, кажется, желчь разлилась; ничему другому не приписываю, какъ непредвидѣнной разлукѣ съ любезнымъ товарищемъ и холоднымъ ночлегамъ по дорогамъ. Чувствительность

бѣда для нѣжнаго сердца; на себѣ самомъ я испыталъ. Здѣсь въ Тулѣ, хотя всѣ спораются о улучшеніи моего здоровья, особенно Графиня и Графъ, но мнѣ кажется, на долго буду чувствовашъ болѣзнь. Время, совершенное спокойствіе, могушь возвратить мнѣ пошерянное здоровье. Когда я пріѣхалъ въ Одессу, то принужденъ былъ сшить новое плащье; ибо ничего прежняго не могъ нашануть на себя, такъ подородничалъ, а теперь все стало широко. Здѣсь замѣшилъ спрасъ благородныхъ играшъ на театръ; сего я никогда не любилъ и не люблю; правду сказать, можешъ ли мащ семейства заняшь дѣломъ, когда ей надобно учить роль и ѣздить на репетиціи; дѣвицы шеряють, спараясь нрависься зрительямъ, мало по малу скромность, стыдъ исчезаешь, а въ нѣжномъ полѣ что лучше скромности и даже застѣнчивости. Я бы своей женѣ, дочери и сеспрамъ, никогда не позволилъ играшъ на такъ называемомъ благородномъ театръ. Что смѣшнѣе и достойнѣе сожалѣнія, какъ видѣшь мужей и опцовъ, кои въ восхищеніи опъ игры своихъ, бьютъ въ ладоши до уснали; посмотришь, что они будущъ говоришь послѣ!! — Ко всѣмъ симъ неприличіямъ и

расходъ увеличивается; полно о семь. Ночь провелъ нехорошо, всё составы какъ бы не мои. Пора въ С. Пешербургъ; дай Богъ живому доѣхать?

24-е Декабря. Пріятная Тула. Много читалъ. Для здоровья вышелъ ходишь и зашелъ къ Арсеньевымъ, чѣмъ проспишься съ Ек. С. Ив., опличной особой, завидная участь мужа ея: все въ ней превосходно. Былъ у обѣдни. Обѣдъ, какъ должно быть, посипный. Въ губерніяхъ болѣе сохраняющъ посипы, нежели въ столицахъ, и шѣмъ исполняющъ долгъ свой. Заѣзжалъ къ Доктору Садовскому и, къ сожалѣнію моему, не засталъ. Мнѣ было очень грустно, что ни въ спочки опъ своихъ и ни опъ кого изъ любезнаго С. Пешербурга; хошя здѣсь мнѣ очень хорошо.

25-е Декабря. Пріятная Тула. Рождество Христово. Не могъ быть у обѣдни опъ ужасной боли въ лѣвомъ боку. Графиня и Графъ принимающъ сильное участіе въ болѣзни моей, и я опъ души благодаренъ. Графъ, чѣмъ пошѣшилъ меня, прислалъ мнѣ подарки, разныя спальные вещи Тульской работы: прекрасны. Докторъ Садовскій прописалъ лекарство; домашнія, и пріѣзжія дѣвицы и замужнія, утирали у меня слезы; шоска овладѣла

мною. Послѣ обѣда, гостѣи умныя и милыя развлекли нѣсколько печаль мою; надобно опдашь справедливость, что всё Мясныя пріятнаго ума и просвѣщенія и привлекательной наружности. При такой бесѣдѣ наспигъ и часъ прощанія; помолясь, принялъ лекарство и вскорѣ успокоился.

26-е Декабря. Пріятная Тула. Былъ у обѣдни, и доволенъ. Къ Графинѣ пріѣзжало много гостѣй нѣжнаго пола, всё прекрасно одѣты, обращенія опличнаго, и большая часть собою хороши; я собрался было ѣхать, но Графъ и Графиня и нѣкоторыя красавицы и пожилыя дамы, видя мое нездоровье, уговорили оспашься до Нового года. Нѣчего было дѣлать, какъ повиновашься любезнымъ особамъ. Сегодня чувствую себя гораздо лучше прошедшихъ дней. Генераль-Адъютантъ Храповицкій заѣхалъ за мною, и мы поѣхали къ нему обѣдать: весьма доволенъ имъ и Софьею Алексѣевною. Вечеромъ въ башмакахъ вмѣстѣ съ Графинею поѣхалъ на балъ въ Дворянское Собраніе, и долгомъ поставляю себя сказать, что балъ былъ живой, и всё особы нѣжнаго пола одѣты прелестно, со вкусомъ и нѣкоторою роскошью, и большая часть наружностію одна другой лучше; за то мужчины почти всё въ сапогахъ,

красавца не видалъ. Тупъ сидя на балѣ, подлѣ Графини Васильевой и Храповицкой, любовался красошами, и никакъ не воображалъ панцовать; но я бы посмотрѣлъ на самого угрюмага философа, чѣмъ въ состояніи былъ устоять краснорѣчію умной, прекрасной и любезной Напальи Пешпронны Мясной: она, кажется, полумертваго заспавишь дѣлать, что ей заблагоразсудится; и такъ, забывъ свою болѣзнь и не молодая лѣта, въ кругу множества зрителей, покраснѣвъ, пустился вальсировать съ нею; первый шагъ сдѣланъ; вошъ подходитъ черноокая Янышева, какъ опказать? попомъ миловидная Огарева и другія, наконецъ дѣвица Воронова удостоила меня избрать своимъ кавалеромъ. Не знаю какъ случается, но признаюсь мнѣ весело было, и шоска моя удалась въ сіе время опъ меня. Во второмъ часу, гостепріимная, лучшая изъ Графинь, Марья Ивановна, повезла меня домой, и я не сожалѣлъ, что былъ на балѣ. Какъ слабъ человекъ!

27-е Декабря. Пріятная Тула. Писалъ письма къ брату, къ Элису, любезному Англичанину, давнишнему корошкному пріятелю; и я увѣренъ, что онъ, по полученіи моихъ спрокъ, выполнитъ мою просьбу, при содѣйствіи опличной супруги его

Ан. Ал., по качествамъ души и сердца. Посѣдиль до обѣда Арсеньевыхъ; прекрасная Марья Михайловна вчера не украсила собою бала, по нездоровью, и шѣмъ лишила общество пріятнѣйшаго предмета для глазъ. Сильно чувствуя благодарность и дружбу Графини и Графа Васильевыхъ, не нахожу словъ выразить — и для критиковъ скажу по-Французски, гдѣ — почитанное мною: la reconnaissance bien sentie n'a plus la ressource du langage. Читалъ долго, въ два часа погасилъ свѣчи, и съ молищевою предался сладкому, безмятежному сну. Былъ сегодня у Доктора Геля; шущъ новая родня показалась мнѣ романическою. Жаль.

28-е Декабря. Пріятная Тула. Опшпель; мнѣ кажется, что составы мои всѣ развинчены и лѣвый бокъ боливъ. Были у меня кое-кто и почтенный Прокуроръ Тамариновъ, такъ его называютъ. Приглашенный запискою, обѣдалъ у Предсѣдателя Уголовной Палаты Александра Афанасьевича Хрулева. Прекрасный обѣдъ, приправленный его любезностію, умомъ и просвѣщеніемъ, и супруга его крошкая и добрая; шущъ же обѣдали Трофимовъ, Соловьевъ и Мухинъ, коихъ называютъ хорошими людьми, чему я очень радъ. До обѣда

былъ у Арсеньевыхъ, и не знаю какъ заслужить ихъ вниманіе ко мнѣ; благодарилъ Янышеву за всегдашнюю любезность и благосклонность ко мнѣ. Вечеръ дома, гости у Графини, а Графъ дѣломъ занявъ, какъ и всегда. Много было споровъ. Въ 10 часовъ, былъ уже я въ своей комнаѣ и думалъ о женитьбѣ, да какъ можно безъ состоянія и мыслилъ о столь важномъ дѣлѣ. Предлагаю мнѣ вдовъ; рѣдко, мнѣ кажется, (можешь быть я и ошибаюсь) можно быть счастливымъ со вдовою. При малѣйшемъ несогласіи съ ея мнѣніемъ, или желаніемъ, она будетъ хвалишь перваго мужа, хотя бы онъ и не заслуживалъ вниманія и съ копорымъ жила, какъ кошка съ собакою. Равное состояніе мужа и жены составляешь благо; ибо шакъ называемая любовь скоро протухаетъ, и бѣда тому мужу, копорый женился на богашой. Бываютъ и исключенія.

29-е Декабря. Пріятная Тула. Дождь, сыро, скользко, и я опъ нездоровья спражду. Чипаль. Посѣтилъ Арсеньевыхъ: по какому-то влеченію, долженъ видѣть всякій день мать и дочерей, хотя изъ сего, кромѣ горя сердцу, другаго ничего не воспомлѣдуешь. Обѣдъ дома; съ Графомъ разговоръ

и просвѣщенный и назидательный для пользы Государства. Съ 6 часовъ до 9 у Головина: бесѣда съ просвѣщеннымъ и умнымъ Генераломъ была пріятна для меня. Дѣтскій маскарадъ у Графини; были Ташариновы, интересная Хопяинцова, умный Бабаевъ, Горскаина съ милою дочерью, умный Гурландъ, Валуева и другія дамы. Въ 11 часовъ всѣ разѣхались, послѣ ужина и мы разошлись.

30-е Декабря. Пріятная Тула. Что, ежели бы я пользовался здоровьемъ и спокойствіемъ душевнымъ! Всѣ пріятности жизни, кажешься, для меня въ Тулѣ. Залюбили меня, честныя, милыя и благоразумныя; душою благодаренъ; но нездоровье, но горестъ, но обстоятельство, невольнымъ образомъ заславляюшь лишь слезы, и ночи не имѣшь покою. Горе мнѣ! а сколько завидую мнѣ! Несчастные! Вы не можете понять чувствъ моихъ; при всѣхъ наслажденіяхъ житейскихъ я спражду. Человѣкъ, истинный человѣкъ, ищешь честно добра, желаетъ чего-то болѣе, нежели онъ естъ, не для себя, но для пользы общественной; а видя, что люди мощные не то творять, что должно, честный! честный льетъ слезы, и эши слезы, капая на чувствительное

сердце, сожигаютъ оное медленно. До двухъ часовъ по полудни со своими, то есть, съ Графомъ и Графинею Васильевыми. Обѣдалъ, приглашенный, у Мясныхъ: прекрасные люди, особенно Напалья Пепровна, урожденная Тимирязева; мужъ ея, сестры его и ея, съ начинанностию. Съ прїѣзжимъ Нечаевымъ упрямъ видѣлся, и душевно былъ радъ; онъ обѣзжалъ уѣздныя училища; прекрасный человекъ, и со рвеніемъ выполняетъ свою должность. Мать Мяснаго разумная и заслуживаетъ вниманія хорошихъ людей. Довольный всѣми поѣхалъ домой, увѣренъ будучи, что и мною были довольны. Въ 10 часу въ исходѣ, Графиня М. Ив., Мисъ Мери и я поѣхали на балъ въ Англійскій клубъ, гдѣ оставались до втораго часа; болѣе сша двадцати дамъ, прекрасно одѣтыхъ и большая часть изъ оныхъ прекрасны и собою; споль много лицъ привлекательныхъ не увидишь вдругъ въ столицѣ; это замѣчаніе не я одинъ сдѣлалъ. Но лучше всѣхъ во всемъ смыслѣ слова, была дочь одного Генераль-Маіора Аршиллеріи; я съ нею говорилъ, и она была очень мила и благосклонно отвѣчала; когда я опошелъ, она довольно громко, чтобъ я слышалъ, сказала другимъ дѣвицамъ: „Гераковъ конечно не молодъ, не кра-

сивъ собою, но въ немъ есть что-то любезное, милое и откровенное.“ Спасибо прекрасной; чинашели смѣются, мнѣ какая нужда; о зависть, зависть! Мнѣ весело было бесѣдовать съ Графинею, Храповицкой, Головиной, Щепощевой, Арсеньевой, Огаревой, молоденькой и умной, и съ другими: всѣ рассказали мнѣ много прїятностей. Нѣкоторые мужчины, по усамъ видно, что опсавные, съ негодованіемъ смотрѣли по на меня, по на окружающихъ меня дамъ. Казалось бы, прїехавъ домой, можно было спокойно предасться сну; но нѣтъ, дума за думою извели слезы. Богъ да поможетъ мнѣ, и надежда питаетъ меня, конечно, и я вспомнилъ пѣсню — вопъ она:

Надежда! Смертныхъ утѣшеніе,
Надежда! ты живишь нашъ духъ.
Надежда! въ бѣдствѣ подкрѣпленіе,
Надежда! всѣхъ несчастныхъ другъ.

*

Блаженство все мое въ Надеждѣ,
Отъ ней одной спокойства жду;
Но, кажется, умру я прежде,
Чѣмъ счастье мое найду.

*

Надежда! будь мнѣ утѣшеніемъ,
Доколь рокъ жизни не пресѣкъ;

А шамъ пусть скажутъ съ сожалѣнемъ:
„Погибъ любезный человѣкъ.“

31-е Декабря. Пріятная Тула. Кашель и лѣвой бокъ измучили меня. Нѣсколько градусовъ тепла, снѣгъ пошелъ и распалъ, воды много на улицахъ,—самая нездоровая погода, особенно послѣ жестокихъ морозовъ; мудро не быль больнымъ. До обѣда былъ у Арсеньевыхъ, всѣми доволенъ. Обѣдъ дома, съ любезнымъ Графомъ, Графиней и дѣтьми ихъ; посидѣлъ у почтенной Соловьевой. Вечеромъ были гости: всѣ Арсеньевы, прекрасная Игнатъева, Храповицкая, Нечаевъ и другіе. Грусть овладѣла мною, но любезностью хозяевъ и гостей былъ не много развлеченъ. За ужиномъ пили за здравіе Графа, Графини и дѣтей ихъ, и взаимно всѣхъ, послѣ чего разъѣхались, оставался только Нечаевъ, который также скоро уѣхалъ. И такъ, встрѣшилъ Новый годъ, хотя и не въ родномъ домѣ, но почти. Часто видимъ и знаемъ, что родные хуже чужихъ, а все причиною какое-то непонятное воспитаніе.

1-е Генваря 1821 года. Пріятная Тула. Съ Новымъ годомъ всякій человѣкъ, какого бы состоянія ни былъ, естли не говорить, то вѣрно думаешь, что онъ будетъ

счастливей въ своихъ предпріятіяхъ, что будетъ благоразумнѣе, здоровѣе, богаче и такъ далѣе, и я наравнѣ со всѣми такъ же думалъ; но исполнялся ли всѣ желанія и помысленія, того никто не можетъ предсказать. Богъ конечно поможетъ всякому честному человѣку, и пошому да будетъ воля Его! Нѣтъ молившъ благодарить Бога за милости Его ко мнѣ; нѣтъ словъ благодарить людей за благосклонность къ бѣднику, и нѣтъ выражений высказать все то, что чувствуетъ душа моя, душа, еще чувствующая благодарность и любовь къ ближнему. Единныя слезы да будутъ фиміамомъ къ Графу Владиміру Ѳеодоровичу Васильеву и его супругѣ Графинѣ Маріи Ивановнѣ и всѣмъ Тульскимъ особамъ обоого пола, кои на дѣлѣ показали свою любовь ко мнѣ. Сегодняшній день встрѣшилъ тихо и хорошо, дай Богъ во всю жизнь мою такъ встрѣчать сей день. Вотъ я и сказалъ все, — нѣтъ, при всѣхъ пріятностяхъ дружбы, благосклонности, снисходительности, смѣю сказать и любви, не вижу родившей меня, не знаю, жива ли она! За 80 лѣтъ не шѣ годы, кои жизнь даютъ! Конечно даютъ, самъ знаю, но жизнь вѣчную, безмятежную; кто истинно сынъ, шомъ да пойметъ меня, шомъ, кто воспитанъ не

фигурантами иностранными, кои во множествѣ у насъ образуютъ по своему юношество! Меня воспитывали Русскіе дворяне, опличные люди, Тимоѳеи Тимоѳеевичъ Захарьинъ, два брата Башурины и имъ подобные; сіи мужи во времена Сократа, Эпаминонда, были бы знамениты: они внушали бытъ шверду въ Вѣрѣ, любить отечество, любить Государя своего, любить родителей своихъ и не совращаться съ пупи истины. Нынѣ мы видимъ многихъ и многихъ, дѣлами коихъ лукавый движетъ. Несчастливые! горе имъ! Смыдно и грѣшно намъ, Христіанамъ, не думать о будущей жизни и безсмертіи, когда Сократъ, Платонъ, будучи идолопоклонниками, знали сіе и писали о томъ. На Французскомъ языкѣ много полезныхъ книгъ по всѣмъ частямъ наукъ, а посмотришь на библіотеки нынѣшняго образованія людей — тамъ Волтеръ, Ж. Ж. Руссо, Дидеротъ, д'Алабертъ, Голбахъ и имъ подобные противники Христіанства, занимаютъ первыя мѣста на полкахъ, въ шкафахъ, — чего же хорошаго ожидаешь отъ чтенія оныхъ книгъ!

Сегодня многіе звали обѣдать, но я остался дома; до обѣда обѣхалъ всѣхъ

любящихъ меня, и вездѣ душою принимали и сердцемъ добрымъ провожали.

2-е Генваря. Пріятная Тула. Воскресенье. Съ Графиною былъ у обѣдни у Спаса. Съ нею же посидѣлъ у любезныхъ Арсеньевыхъ, гдѣ болѣе другихъ занимались мною опличная Игнашьева и Каризна. Графиня уѣхала прежде, а меня привезли въ открытой коляскѣ. Любезный другъ Нечаевъ, узнавъ, что я намѣренъ купить шубу для дороги, упросилъ не покупать, и прислалъ богатую медвѣжьё, кошорую я отослалъ назадъ съ благодарностію; онъ прислалъ огромную волчью, чѣмъ по пріѣздѣ въ С. Петербургъ, отдалъ его родственнику; съ благодарностію принялъ, и чувствую его дружбу. Обѣдалъ у любящихъ меня Соловьевыхъ; прощальный обѣдъ былъ славный! Когда пили за здоровье мое, хозяйка Марья Ивановна плакала и онъ, натурально и я. Не знаю, чѣмъ могу заслужить общую ихъ любовь. Вечеръ у себя, гдѣ было много гостей, нѣжнаго пола, пѣли, танцовали и разъѣхались съ грустію, что бѣду послѣзавтра. Побрелъ и я въ свою комнату, съ тяжестію на сердцѣ, что долженъ оставить несравненную Тулу.

3-е Генваря. Незабвенная Тула. Съ упрямыхъ слезъ на глазахъ, и у всѣхъ своихъ; своими

называю я тѣхъ, кого люблю. Нельзя пересказать общаго обо мнѣ сокрушенія, что опѣвжаю; былъ у всѣхъ, и благословенія лились на меня. Симферополь и Тула никогда не выйдешь изъ памяти моей; въ этихъ городахъ я наслаждался жизнью, и почто нашелъ людей съ достоинствами, дарованіями, съ душами ангельскими и превосходными сердцами. Здѣсь въ Тулѣ, всѣ хотѣли снабдить и тѣмъ и другимъ, но я благодарилъ, ибо до Москвы близко, только и принялъ отъ Марьи Ивановны Соловьевой двѣ бушмаки хорошаго сукна, а Графиня снабдила пирогами и жаренымъ. До двухъ часовъ за полночь въ разговорахъ съ Графинею; двѣ старшія дочери никакъ не хотѣли лечь спать; не смотря на то, что дѣши, но Богъ имъ далъ чувствительныя, и они какъ бы желали наглядѣться до сыта на меня. Ночь худо спалъ, хотя и утомленъ былъ отъ избытка благодарныхъ чувствъ. Нечаевъ уѣхалъ въ Москву, и я съ нимъ не простился, — очень жаль.

4-е Генваря. Несравненная Тула; и дорога. Въ 7 часовъ утра былъ уже одѣтъ; Гр. Васильевъ вошелъ ко мнѣ съ душевнымъ соболѣзнованіемъ о разлукѣ, — нѣчего дѣлать; какъ онъ ни крѣпился, но слезы покапались у него изъ глазъ. Упросилъ послѣ

ранняго обѣда ѣхалъ; повиновался — сердце у меня сжалось. Уложивъ все въ коляску, одѣлся по дорожному. Графиня, дѣши ея, Миссъ Мери, и всѣ люди въ слезахъ; обо мнѣ не спрашивайте, зная мою чувствительность. Заходилъ къ Арсеньевымъ; прощался какъ съ родными: всѣ плакали, кромѣ М. М. Въ первый разъ видѣлъ мужа отличной Игнатъевы; онъ мнѣ понравился, умолю и тѣмъ, что умѣешь дѣлать свою дорогую супругу. Каризна, мать, Игнатъева пожелали мнѣ благополучнаго пути и просили не забывать ихъ. Во второмъ часу по полудни обѣдъ со слезами; пили за здоровье мое; въ началѣ прѣшняго часа выѣхалъ, сопровождаемый до улицы Графинею, дѣшми ея и всею дворнею; Графъ прежде простился. Слезы-то слезы! Съѣлъ, перекрестился, ямщикъ погналъ, и я, зажмурясь, проѣхалъ Тулу. Какъ больно было мнѣ выѣхалъ! Три станціи не могъ унять слезъ своихъ, и гусаръ мой, добрый Нѣмецъ, много плакалъ; и ему хорошее житье было у Графа Васильева. 58 верстъ дорога хороша, прекрасно обсажена, мосты всѣ новые, но ухабовъ много отъ оппепели, послѣ сильныхъ морозовъ. Остановился въ деревнѣ богатой, *Соломенный заводъ*, Оберъ-Егермейстера Д. А. Нарышкина. Здѣсь

оспался ночевать по желанію Губерна-
ра, который напередъ прислалъ, чтобъ
все было чисто; скажите, какъ мнѣ не
чувствоваться все благородство души его?
Написалъ письмо Графу, сѣлъ подъ Образа,
слезы капали на столъ, и одна мысль пе-
регоняла другую: жаль и Тулы и въ Пе-
тербургъ хочется, какъ сладись съ серд-
цемъ? въ Тулѣ дружба, а въ сподицѣ слу-
жба и мать. Упомянутый не ошъ дороги,
а ошъ чувствительности, поѣлъ насиль-
но кое-чего и легъ на спулья одѣтый.
Едва сомкнулъ глаза, какъ что-то прыгну-
ло. и не разъ, черезъ меня; проснулся, пере-
крестился, разглядываю, и вижу при свѣш-
ломъ мѣсяцѣ чепыре кошки; вспалъ, вы-
гналъ ихъ и ошъ заснулъ; но крикъ
прехъ дѣпей за перегородкой, мяуканье
кошекъ въ сѣняхъ, сырость ошъ половъ,
спѣнь и лавокъ, мышыхъ за часъ до прѣзда
моего, заспавили вспать въ чепыре часа,
выпишь кофе и пуспиться въ дорогу.

5-е Генваря. *Дорога и Москва.* Дума
по Тулѣ занимала меня, и я, сидя въ коля-
скѣ безъ выхода шеспнадцать часовъ,
въѣхалъ въ Москву въ 9 часовъ при лун-
номъ свѣтѣ; не могу сказать, чтобы что
нибудь потрясло мою душу; мнѣ кажется,
равнодушіе мое ни чему другому не дол-

жно приписатьъ, какъ нездоровью и глубо-
кой печали, что разспался съ истинными
друзьями и милыми сердцу людьми; шак-
же неизвѣстность о родившей меня, всѣхъ
родныхъ и друзейхъ Петрограда. Точно
эти причины были доспащочны къ моему
невосхищенію; при въѣздѣ въ мапушку Мо-
скву, мою родину, мнѣ казалось все уны-
ло, пошому, что душа моя и сердце были
разспроены. Обращаюсь къ дорогѣ: на Окѣ
ледь сѣлъ на дно, берега крушоваты, но
ямщикъ, молодець, и фореишоръ съ боро-
дою, еще молодцовашѣ, переѣхали славно,
и шакъ какъ моя шаромодная колясочка
безъ дверей, то ни капли воды не попало
въ оную — *нѣтъ худа безъ добра!* Еще
одну рѣку переѣхалъ благополучно. Въ
Серпуховѣ, не смотря на то, что со-
чельникъ, смотришель пьянь, ямщики хмѣль-
ны, а надобно ѣхашъ; впрягли шесперку,
но лишь проѣхалъ верспѣ пашъ, двѣ пе-
реднія спали; нѣчего было дѣлать, какъ
ошпречь и ворошишь назадъ, а денегъ за-
плаченныхъ не ворошишь. По въѣздѣ въ
Москву ямщикъ спросилъ, куда ему ѣхашъ?
— „Въ лучшую госпинуцу!“ — Онъ привезъ
меня къ Французу, Оберъ-Шалмѣ, который
явился, ввелъ меня въ комнапу еще недомы-
шую, зашопили при мнѣ печку. Ну ужъ

квартира! а по 5 рублей въ сутки плаши. Попросилъ супу и кошлемъ, подали, поѣлъ и заплашилъ чепыре рубли, за шо у Француза! Помолясь, опть усшалосши заснулъ.

6-е Генваря. Москва. Едва проснулся, первое лице, поѣшпившее меня, былъ любезный другъ Степанъ Дмипріевичъ Нечаевъ; одинъ другому ради были, какъ брашья золошпаго вѣка; вчера и я безпокоился объ немъ, писалъ записку, узнавъ опть содержашеля гостиницы, что онъ остановился у Конъ и Лейбы. Выпивъ съ нимъ кофе и поговоривъ о Тулѣ, поѣхалъ къ Николаю Ивановичу Баранову, бывшему Сенаштору, опщю моего любезнаго друга, Таврическаго Губернашора; принявъ какъ родной; опмѣнно доволенъ имъ и голубокою, предоспойною дочерью его Прасковѣй Николаевной. Тупъ встрѣнился съ Графинею Надеждою Ивановной Купайсовой, сестрою Графини Васильевой, а Софья Александровна Казадаева, премиленькая принадашилѣшняя дѣвица, обрадовалась мнѣ. Былъ у Графа и Графини Купайсовыхъ, кои чрезвычайно учтивы, и просили обѣдать, такъ какъ и Барановы; я благодарилъ и пошторопился къ почтенной Марѣ Петровнѣ Супоневой, чшобы видѣшь ее съ семействомъ и въ надеждѣ

получишь опть своихъ родныхъ письма, кошпорья почно нашель, и изъ нихъ увидѣль, что всѣ мои кровные здоровы. Слезы радосши лились изъ глазъ. Тупъ обрадовался, увидя почишаемую мною Екашерину Пешровну Голенищеву-Кушупову, съ ея милыми дочерьми и племянницей. Обѣдалъ съ ними у любезнаго и опмичнаго человека, Ген. М. Василья Никаноровича Шеншина, кошпорый душею радъ былъ мнѣ; что сказашъ о супругѣ его — ангелѣ Варварѣ Пешровнѣ! — молчалъ и *теряться въ благодарности* за ея ангельскій пріемъ. Много говорено о моемъ пушешествіи, сожалѣли сердцемъ, что я нездоровъ. Пилъ чай у Сенашора Посникова, коего супруга Марья Ивановна, урожденная Архарова, особа просвѣщенная, добрая, опть души приглашала переѣхашъ къ нимъ; я, благодаря, сказаль, что не могу сего сдѣлать, ибо уже опказаль шремъ домамъ: одному изъ учшивосши, а двумъ, что просили въ *полголоса*. Въ десяпомъ часу въ исходѣ, почтенный Барановъ прислаль билешъ для входа въ маскарадъ въ Дворянское Собрание. Одѣвши въ башмаки по-Пешербургски, поѣхалъ: могу сказашъ, что зала великолѣпная, собраніе многолюдное, леншъ и звѣздъ много, нѣжный полъ одѣшъ хорошо;

но спранны мнѣ показалось, что гораздо большая часть мужчинъ были въ сапогахъ. Не знаю отъ чего, но мнѣ довольно скучно было, хотя свидѣлся со многими знакомыми, и крайне доволенъ учтивостями благоразумныхъ людей, а на Индѣйскихъ пѣтуховъ, или Чуфаркиныхъ, я самъ не смѣлъ. Тутъ въ собраніи показывали мнѣ красавицъ, но мнѣ казалось, что Тульскія дѣвицы и замужнія, болѣе со вкусомъ одѣты и собою лучше; одна дѣвица Масалова остановила на себѣ мое вниманіе; точно прекрасна. Если бы здоровъ былъ и повеселѣе, то конечно увидѣлъ бы болѣе прелестныхъ; довольный учтивостію всѣхъ, пріѣхалъ домой въ первомъ часу, съ намѣреніемъ скорѣе выѣхать. Молился. Спалъ хорошо.

7-е Генваря. Москва. Другой на моемъ мѣстѣ, пріѣхавъ въ первый разъ въ нашу столицу, пустился бы писать объ Олгѣ, о Великомъ Князѣ Юріѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ, о Кучкѣ, о дочери его Улитѣ, о Великомъ Князѣ Іоаннѣ Даніиловичѣ Калитѣ, о прехъ Пустынникахъ, жившихъ здѣсь до временъ великаго Князя Долгорукаго, и о многихъ древностяхъ; но я увѣренъ, что всякой дворянинъ Русскій все это знаетъ наизусть, такъ заклю-

чаю пошому, что я о семъ много чипалъ и знаю — не такъ ли? Въ девятомъ часу утра посѣтилъ меня честный человекъ, Александръ Васильевичъ Крюковской, и убѣдительно просилъ переѣхать къ нему жить — я только тѣмъ могъ ошговориться, что намѣренъ на дняхъ выѣхать, давъ слово, если останусь долѣе, перебраться непременно къ нему. Пріѣзжалъ ко мнѣ Г. Созоновъ, находящійся за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ, и просилъ, съ Казариновымъ вмѣстѣ откушать у него. Я обѣщала, если возможность будетъ. Былъ у меня самый крошкій, честнѣйшій человекъ, Генераль-Лейтенантъ Николай Васильевичъ Неклюдовъ, и благодарилъ, будто посредствомъ моимъ онъ выигралъ свое справедливое дѣло. Были безъ меня многіе и оставили билеты — чувствительно благодаренъ. Въ полдень ѣздилъ къ почтенному Баранову, и познакомился съ его ошличною супругою, которая осыпала меня ласками, такъ, что заполонила сердце мое. О дочери нѣчего и говорить: всѣ достоинсва имѣешь, чтобъ приковать съ почтеніемъ къ себѣ. Можно утвердительно предвѣщать, что Фрейлина Прасковья Николаевна Баранова, безъ страху встрѣшишь старость, будучи снабжена, сверхъ познаній, разными талан-

шами: музыкантка и великій живописецъ. Она, вышедъ замужъ, будешь служишь примѣромъ другимъ. Послѣ всего сказаннаго мною, мудрено ли, что быль у Барановыхъ въ домѣ пріятно и весело. При семь случаѣ, какъ не скажешь дѣвицамъ: учишесь, учишесь! Въ одномъ ученіи, съ крошечною души, можно находить истинное счастье. Заѣзжалъ къ Генераль-Маіору Спруговщикову — спарикъ радъ былъ мнѣ; а дочь его Марія Александровна, еще болѣе; прекрасная дѣвица и просвѣщенная. Сестра ея: Деміанова, у которой обѣдалъ въ Коспоровѣ, и меньшая, очень мила и любезна, Приглашенный, обѣдалъ у Графа Купайсова: всѣми доволенъ, и съ дочерью заключенъ вѣчный миръ. Она показывала мнѣ свой кабинетъ, прекрасный, поддерживаемый восьмью колоннами; въ немъ много картинъ. Альбомъ ея наполненъ прелестными рисунками. Тутъ же была премиленькая, умненькая и привлекательная, веселая Казадаева; такое живое, свѣжее лицо рѣдко встрѣчалъ: черты нѣжныя, глаза выразительныя. Бѣда сердцамъ, когда мнѣ ей пятнадцать и болѣе лѣтъ! — теперь прелестное дитя. Степанъ Дмитриевичъ Нечаевъ чрезвычайно былъ любезенъ, съ застѣнчивостію, при благоразуміи все-

гдашнемъ; былъ упрямъ у него, но не заспалъ. Былъ у Супоневыхъ проспириться съ уважаемою мною Екашериною Петровною Голенищевую-Купузовою; — сказали у Шеншина, — поѣхалъ и я туда. Что за необыкновенная чета Шеншины! души ихъ открыты, какъ въ зеркалѣ, нѣтъ у обоихъ ничего скрытнаго — прямодушіе неразлучается съ ними. Съ 9 часовъ до полуночи, провелъ время пріятно у Графа Купайсова; здѣсь была дѣвица Баранова и братъ ея гусарь, что женатъ на прекрасной Языковой. Всѣми доволенъ, но не могу сказать, что въ сіе время былъ восхищенъ Москвою — говоря мнѣ, что до нашествія Бонапарте, несравненно во многомъ перемѣнилась. Съ молишвою заснулъ.

8-го Генваря. Москва. Грущу по Тулѣ и Петербургѣ. Въ одиннадцать часовъ утра, долгомъ и удовольствіемъ себя поставилъ быль у Князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго — почивалъ еще. Былъ у Анны Николаевны Неклюдовой — любезна, приняла хорошо, такъ какъ и дочь ея. Былъ у Майкова, жену его заспалъ. Былъ у Кологривовой Екашеринны Алексѣевны, — дома нѣтъ. Поѣхалъ смотрѣть монументъ, воздвигнутый спасителямъ Россіи: Князю Пожарскому и Гражданину Минину. Монументъ

ментъ очень хорошъ; но я бы желалъ, чѣмъ онъ споялъ выше. *Кремль осанное строеніе*, если можно такъ выразиться безъ многословія. *Красное крыльцо* значительное, и многое множество событий историческихъ приходящъ въ голову. Дождь пошелъ, и я домой. За меня сегодня сватали дѣвицу 35-лѣтнюю, богашую, романтическую, начипанную одними Романами, *точно по мнѣ*. Богъ съ нею! опѣвалъ я. Обѣдалъ званый у Барановыхъ: споль отличный, вины то же, а всего лучше: общее вниманіе къ бѣдняку — ко мнѣ. Тутъ обѣдалъ Князь Голицынъ, котораго сынъ женился на Графинѣ Спрогановой. Я его благодарилъ за билетъ для входу въ *Дворянское Собраніе*. Послѣ обѣда пріятными разговорами занимали меня дочь и невѣстка почтеннаго Баранова. Въ шесть часовъ поѣхалъ къ Шеншинымъ, считая необходимостью видѣть ежедневно лучшихъ людей. Въ семь часовъ былъ уже въ концертѣ въ домѣ Степана Степановича Апраксина; тѣсно, кенксшами или лампами освѣщено, опъ шого жарко, и только скрипки хороши, а Дюмушель съ сыномъ своимъ на арфахъ, надѣли. Радъ былъ, увидѣвъ знакомыхъ: Гр. Бобринскую, всегда привѣтливую, которая звала къ себѣ, Г-жу Крузъ, которая, пріятно

привѣтствовала меня, дѣвицъ Луниныхъ, преувѣчивыхъ со мною. Здѣсь познакомился съ супругою Дениса Васильевича Давыдова, Софьею Николаевною — любезно пригласила къ себѣ. Опять былъ у Шеншиныхъ, дома ужиналъ. Скорѣе, скорѣе въ Санктпетербургъ, а то бѣда кошелекъ — въ сушки безъ прихотей: десять рублей экипажъ, пять за дурную комнашу, при рубля за кофе, два челоуку на обѣдъ и ужинъ — шуда, да сюда, и выходилъ въ сушки 25 рублей — ужасно! Я замѣнилъ, что иностранцы всякаго рода, полу-музыканты, полу-художники и другіе полу... побывающъ въ Петербургъ — неудача, попомъ въ Москвѣ полу-удача — и пускающъ наводняющъ собою губерніи. Въ концертѣ же встрѣтился съ нѣкоторыми, которые безъ заслугъ выросли; — они, спыдаясь меня, только по слову, да и прочъ; а жены ихъ опѣсили по сухому поклону, да и опвернулись. Несчастные! Я улыбулся сардонически, такъ, что и сосѣдки замѣтили, и начали даже громко смѣяться надъ чужаками. Завтра Воскресенье, хочется бытъ у обѣдни, помолишься усердно, чѣмъ Богъ поможетъ благополучно возвращишься во-свояси.

9-е Генваря. Скудная Москва. Опшпель. Можесть бышь, живя въ Москвѣ нѣскольکو мѣсяцевъ, она бы мнѣ и понравилась; а теперь, признаюсь, при всѣхъ благосклонностяхъ людей почтенныхъ, все я какъ на иголкахъ: ибо привѣспствіа общія не что иное, какъ мыльные пузыри, нѣкому сердца передать, не съ кѣмъ поскучать, что доспавило бы не малую опраду для поскующей души. Въ большомъ свѣпѣ не-хоща слышишь, чего бы не желалъ слышать, говоришь не то, что бы хощѣлъ, смѣешься не смѣшному, печалишься не печальному, и проч. То ли дѣло съ друзьями, въ маломъ обществѣ — гдѣ раздолье душѣ, уму и сердцу! Правда неоспоримая. Не могъ устоять прошивъ просьбъ Александра Васильев. Крюковского, переѣхалъ къ нему на квартиру; хоща многіе другіе приглашали, но все слегка, да и лучше бышь обязану себѣ подобному бѣдняку. Не всѣ, Графъ Воронцовъ (по дружбѣ съ Графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, живу у него въ домѣ въ С. Петербургѣ, безъ малаго 20 лѣтъ, а почтенный Графъ счищаетъ сіе добро себѣ удовольствіемъ). Затѣхалъ за мною Адьюпантъ Князя Голицына, Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Иванъ Николаевичъ Барановъ, и повезъ осмашривать

оспрогъ, который обязанъ сущеспиваніемъ своимъ Графу Захару Григорьевичу Чернышеву: — прекрасное устройство во всѣхъ опношеніяхъ; но въ Тулѣ Графомъ Васильевымъ заведено, что Правипельство даетъ пресступникамъ рубахи и одѣяніе, и опъ сего чистоща, и гораздо менѣ больныхъ между пресступниками. Въ первый разъ видѣлъ палача, кнушь, плещи, — ужасны, никогда впредь не желаю видѣть. Видѣлъ сквозь маленькое окно, закованнаго злодѣя, убійцу сеспры своей; — онъ взглянулъ на меня, закрылъ глаза руками и бросился на опспель; видѣлъ 23 пресступника, опшрапшпелъныя рожи. Послѣ сего услужливый, любезный Барановъ повезъ меня къ себѣ, гдѣ прекрасная, умная, юная супруга его, Елисавета Платоновна, угостила меня и завпракомъ и своимъ пріятнымъ разговоромъ. Обѣдалъ у Сенатора Посникова, и доволенъ его учтивостію, а болѣе любезностію Маріи Ивановны, супруги его. До обѣда былъ у Князя Якова Ивановича Лобанова-Росповскаго и, по обыкновенію, обласканъ; принявъ такъ, какъ принимаютъ настоящіе вельможи: благодарень. Съ девяти до полуночи, у Гр. Кушайсовыхъ, весело провель время съ дѣвицами. Графиня Надежда Ивановна, Казадаева и другія,

старались на чужбинѣ быть любезными для меня — весьма благодаренъ. Въ пять дней испрашилъ 180 рублей; удивился: а ничего не покупалъ, кромѣ шапки для гусара моего. Спалъ хорошо на новосельѣ у Крюковского.

10-е Генваря. И здѣсь въ бѣлокаменной Москвѣ вспомнилъ, что сегодня рожденіе опличной дѣвицы по душѣ, сердцу, уму и наружности, и я увѣренъ, что и А. В. П. вспомнила меня и всѣ любящія ее: сестрица и дорогія племянницы. Былъ у Барановыхъ и опдалъ письмо мое дочери для пересылки въ Крымъ брату ея Губернатору Таврическому; съ удовольствіемъ гошова порученіе мое исполнилъ — голубоокая. Былъ у Графини Варвары Сергѣевны Васильевой; обрадовалась мнѣ и поплакала, рассказывая о болѣзни своей дочери Княгини Долгоруковой, которую вскорѣ увидѣлъ, успѣлъ нѣсколько успокоить, и она улыбнулась. Морозикъ, слава Богу. Обѣдалъ у любезнѣйшихъ Шеншинныхъ; вѣкъ бы не разстался съ ними: обворожили меня своею доброю. Софья Пешровна Неклюдова не наглядится на сестру свою Варвару Пешровну. Тутъ обѣдали кое-кто; между прочими и давнишній знакомый, хорошій человекъ Федоръ Александровичъ Ушаковъ, начальникъ

Оружейной Палаты, который съ пріятностію вызвался, просилъ даже показатъ мнѣ Грановишную Палату, Дворецъ и Оружейную. Вошелъ Авдей Николаевичъ Супоневъ, и былъ чрезвычайно привѣшливъ, просилъ зайти къ себѣ покусатъ; съ благодарностію далъ слово быть. Вечеръ провелъ у Гр. Васильевой, Варвары Сергѣевны; довольно пріятно было, много знакомыхъ и всѣ до меня ласковы, а мнѣ болѣе ничего и ненадобно. Дома поужиналъ, писалъ; и часа два въ разговорахъ съ Крюковскимъ; прекрасный человекъ, но крошечъ, заспѣчивъ и по-Французски не говоритъ, а это великая бѣда въ Москвѣ; у насъ въ Пешербургѣ болѣе говорятъ по-Русски, нежели здѣсь. Доволенъ, что перѣхалъ: и карману лучше, да и шуму нѣтъ, и хозяинъ шакъ въ глаза и смотришь, чѣмъ бы угодить мнѣ; — жаль, что онъ не можетъ получить мѣста по опличнымъ правиламъ его души.

11-е Генваря. Москва. Не смотря на то, что много развлеченій, мнѣ грустно. — Вы знаете сами, что для печальнаго человека, въ самое лучшее лѣтнее время года, когда въ рощахъ все дышитъ ароматомъ, когда пшцы распѣваютъ сладкогласно, для него онѣ поютъ уныло: вся природа, кажется, покусуетъ съ нимъ.

Точно шакъ и со мною нынѣ: ни концерты, ни балы, ни занимательные предметы, ни благоразумныя бесѣды — ничто не можешь упѣшить тоскующей души моей. Съ 8-го до 11-го писалъ письма, попомъ былъ у Графини Екатерины Алексѣевны Мусиной-Пушкиной, бывшей Начальницы моей въ Греческомъ корпусѣ; по прежнему была благосклонна, учлива, просила обѣдать — общалъ. Заѣзжалъ къ Спруговщиковымъ. Обѣдалъ у Марьи Пешровой Супоновой: почтенная особа и любезныя ея дочери; хозляинъ поѣхалъ въ Англійскій клубъ. Пилъ чай у хорошаго, пріятнаго Павла Алексѣевича Тючкова, женашаго на Александрѣ Пешровнѣ, урожденной Неклюдовой, отличной матери и супруги; мнѣ весело было. Посидѣлъ у Барановыхъ, гдѣ сердце нѣкоторымъ образомъ успокоивается. Ужиналъ у Графа Кушайсова, гдѣ осматривался до 12 часовъ; до 2-хъ въ разговорахъ съ Крюковскимъ.

12-е Генваря. Москва. Не хорошо провелъ ночь, и нездоровье, и чего-то недостаешь мнѣ. Въ Петербургѣ именинница Т. В. М., почтенная мать семейства, вѣрно вспоминаешь обо мнѣ, какъ о родномъ; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, шакъ сердце мнѣ говоритъ. Въ 11 часовъ поѣхалъ въ Кремль,

гдѣ меня ожидалъ истинно почтенный Федоръ Александровичъ Ушаковъ, который все самъ мнѣ показывалъ — не могу нахвалиться имъ. Мое и его мнѣніе, что скипетръ Мономаха, присланный изъ Конспаншинополя, по драгоценнымъ камнямъ, не того вѣка (1114 года по Р. Х.): ибо всѣ драгоценныя вещи Царицы Напалы Кирилловны точно шакъ обдѣланы. Впрочемъ можешь быть и ошибаемся. Пусть другіе посудятъ. Видѣлъ большую корону Мономаха, скипетръ Мономаха, вѣнец Мономаха, крестъ Мономаха, цѣпь Мономаха, Царскія оплечья, или святыя бармы, короны: Казанскую, Астраханскую, Сибирскую, Царя Іоанна Алексѣевича, Пешра Алексѣевича; сіи двѣ короны сдѣланы наподобіе Мономаховой. Корона Императрицы Екатерины I-й драгоценнѣе всѣхъ. Разсматривалъ скипетры Царей Іоанна Алексѣевича, Пешра Алексѣевича, Короля Польскаго Станислава, Грузинскаго Царя Георгія, державы Мономаха, Царей Іоанна Алексѣевича и Пешра Алексѣевича, Польскаго Короля. Видѣлъ всѣ украшенія Царей, Императоровъ, Императрицъ, въ день коронаванія Ихъ Величествъ. Видѣлъ проны, или кресты Царскіе. Греческіе изъ слоновой кости, Великаго Князя Іоанна Васильевича

освободителя Россіи изъ-подъ ига Таптарскаго. Кресла Годунова золотыя, съ драгоценными камнями, такія же Царя Михаила Ѳеодоровича. Алмазныя кресла Царя Алексѣя Михайловича. Пресполы вмѣстѣ Царей Іоанна и Петра, и позади мѣсто, для сестры ихъ Софіи Алексѣевны. Въ шкафу видѣлъ рукопись Напаліи Кирилловны, машери Петра Великаго: чешко написано. Кажется мнѣ, богаче всѣхъ шронъ Годунова. Видѣлъ Гренадерскую шапку Императрицы Елисаветы Петровны. Бокаль Димитрія Самозванца и Балакерева. Чтось все разсмотрѣшь, нужно болѣе мѣсяца ежедневно ходишь; но я въ восхищеніи былъ и шѣмъ, что въ нѣсколько часовъ видѣлъ. Вообще все прекрасно. Изъ дворца виды хороши, особливо лѣшомъ: ошсюда видѣнь Симонъ монастырь, гдѣ вздыхалъ честный, просвѣщенный и добрый Карамзинъ, и бѣдную Лизу въ молодыхъ лѣтахъ написаль. Грановитая Палаша, Красное крыльце, обращаютъ вниманіе мыслящаго чело-вѣка. Ужасно озябъ, и боясь болѣе занемочь, принеся мою душевную благодар-ность Ушакову, побѣхаль обѣдашь къ Барановымъ: что день, то болѣе люблю сей домъ, гдѣ умно судяшь и хорошо гово-ряшь. Вечеръ и ужинъ у любящихъ меня,

Шеншиныхъ. Здѣсь съ радостію увидѣлся съ Княземъ Оболенскимъ, что женатъ на самой лучшей особѣ, дочери Сенашора почтеннаго чело-вѣка Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго. Познакомился съ Массаловымъ, коего дочь наружною красо-шою неоспоримо первая въ Москвѣ. Дома спрадалъ, все болѣе у меня, и не знаю, когда выѣду. Горе, да и шолько. Массаловъ просиль къ себѣ; но я извинился шѣмъ, что дня черезъ два ѣду. — Онъ уговари-валъ: хощь на картины его посмошрѣшь. Благодаря, сказалъ: все, что ешь у васъ лучшаго въ домѣ, и по всей Москвѣ, я шовидѣлъ—. Когда? и что?—Я видѣлъ вашу дочь, и скорѣ шороплюсь уѣхашъ. Онъ очень былъ благодаренъ за вниманіе и предпо-чтеніе его дочери предъ всѣми. Въ часъ домой пріѣхаль и съ молитвою заснулъ.

13-е Генваря. Москва. Рожденіе Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Упрописаль, былъ кое-гдѣ, обѣдалъ приглашен-ный у Графини Екашерины Алексѣевны Му-синой-Пушкиной. Ею былъ очень доволенъ, и могу сказашъ шшвердимельно, что шолько ею: ибо сидѣвшіе другіе и другія за спо-домъ, всѣ съ высока говорили, штарались ошпришься, показывали просвѣщеніе на-шянушое. Я, улыбаясь, принужденнымъ на-

шелся оспаривать не логическія, а софистическія мысли ихъ. Какъ скучно бытъ въ обществѣ спѣсивыхъ, да и какая прибыль отъ спѣси — только жалкій смѣхъ производишь: спѣсивый мужчина жалокъ; а нѣжный полъ, если одержимъ сею самопроизвольною болѣзнію, заслуживаетъ общее презрѣніе. Пилъ чай у Супоневыхъ, и очень доволенъ. Въ десять часовъ поѣхалъ на балъ въ Дворянское Собраніе, въ баншакахъ, отъ того говорю, что мало видѣлъ по бальному одѣтыхъ, тогда, какъ нѣжный полъ въ превосходныхъ нарядахъ и со вкусомъ одѣтый. Собраніе было блестящее и многолюдное. Мнѣ кажется, около 2,000 дамъ было; — зала прелестной архитектуры, огромная и освѣщена хорошо. Меня удостоила П. И. Баранова открыть балъ длиннымъ Польскимъ, и я, довольный, водилъ, водилъ, и смотрѣлъ на прекрасныхъ. Другой Польской съ Графиней Кушайсовой; то же въ первой парѣ, потомъ продолжалъ съ незнакомыми, и не могу нахвалиться любезностію дѣвицъ. Посредствомъ С. М. Андреевскаго, познакомился съ прекрасною Массаловою: крошость нрава увеличила наружную красоту. Я не ужиналъ, а ходилъ около столовъ и наглядѣлся: много лицъ прелестныхъ; жаль, что нездо-

ровъ и не въ духѣ, а то бы познакомился съ нѣжнымъ поломъ, который, кажется, привѣсливъ и воспитанъ, сужу по наружности, по поступку и взглядамъ. Въ первомъ часу былъ уже дома, и довольный баломъ, заснулъ, помолясь.

14-е Января. Москва. Сегодня отъ шоски вышелъ походить, и шуть бѣда: многіе нищіе и салопницы попрошайки, надоели; хотя никому не отказалъ, однако досадно — у насъ не должно бытъ нищимъ: ибо каждый принадлежитъ къ какому нибудь сословію, сіе сословіе и пекись о бѣдныхъ. Мнѣ возразяшь, что большая часть иногородныхъ, или изъ деревень. На этотъ случай я вспомнилъ Женеву: Гдѣ-то я читалъ, что въ сей бывшей богатой Республикѣ не было своихъ нищихъ; а проходили чрезъ оную иногородные, и для шаковыхъ нищихъ существовалъ законъ, по которому сихъ бродягъ и шунеядцевъ собирали въ особенный домъ, госпиталемъ называемый, кормили и поили хорошо при дня, потомъ давали имъ денегъ на дорогу, съспанныхъ припасовъ и запрещали впредъ проходить чрезъ Женеву; а иначе, не смѣя ни на какое званіе, наказывали жестоко шлѣсно, шѣхъ, кто осмѣливался въ другой разъ пройти. Такое узаконеніе

имѣло успѣхъ, какъ пишушъ. Былъ у Барановыхъ; просвѣщенная дочь, по любезности своей, подарила мнѣ для дороги шапочку своей работы — чувствителью благодариль. Былъ у Княгини Шаховской, урожденной Графини Головиной. Приняла, какъ мать родная, пеняла, зачѣмъ не пріѣхалъ прямо къ ней, и дочери по же швердили. Тотчасъ приказали приготоовить мнѣ компану съ такимъ ангельскимъ радушіемъ, что слезы благодарности лились у меня изъ глазъ; но я, цѣлуя руки ея, за скорымъ опѣздомъ благодариль и опказался сдѣлать удовольствіе ея Сіятельству, цѣлому семейству, а болѣе себѣ. Былъ у Шеншиныхъ и; приглашенный, обѣдалъ у Павла Алексѣевича Тючкова: имъ и опличною супругою его душевно доволенъ. Софья Пешроовна счастлива счастьемъ своихъ сесиприць: благомыслящая дѣвица. Былъ у Комеданта Московскаго, Александра Александровича Волкова — прелюбезный, прямодушный и всѣми честными людьми хвалимый человекъ; супруга его Софья Александровна, урожденная Корсакова, умна, просвѣщена и любезна; тамъ много я спорилъ о Французскихъ Аббашахъ: я говорю, что Каполическій духовный не можетъ дать воспитанія дѣшамъ Греческаго испо-

вѣданія. При всѣхъ нашихъ спорахъ, мнѣ очень пріятно было у нихъ — они оба имѣютъ даръ влюблять въ себя. Съ девяти часовъ до полуночи у Графа Купайсова — всѣми доволенъ, даже гостями, что со мною рѣдко случается. Бываютъ не рѣдко въ лучшихъ выбранныхъ обществахъ лица опшолкапельныя — это меня сокрушаетъ. Пріѣхавъ домой, игралъ въ шахматы съ моимъ хозяиномъ Крюковскимъ.

15-е Генваря. Москва. Часа при изливалъ на бумагу благородныя чувства Графу и Графинѣ Васильевымъ. Часа два сидѣлъ у почтеннаго Князя Якова Ивановича Лобанова-Рословскаго, и не лзя не чувствовашъ его ко мнѣ хорошаго расположенія. Довольный, былъ у нѣкоторыхъ, а пошомъ поѣхалъ въ Англійской клубъ обѣдать, бывъ записанъ гостемъ, Фед. Александр. Ушаковымъ. Что за радость видѣшь все мужчинъ; однако не смотря на то, что болѣе 80 персонъ обѣдало, благоприспосиенность, чинность и порядокъ, какъ въ самомъ лучшемъ домѣ. Подлѣ меня сидѣли: Андрей Семеновичъ Кологривовъ, прямо добрый человекъ; съ другой стороны Кн. Волконской: оба заподчивали меня. Мнѣ сказывали, что Московскій Англинской клубъ превосходнѣ Пешербургскаго, въ

кошоромъ я никогда не былъ; а попому и не могу рѣшить сію важную задачу. Скажу только, что обѣдъ былъ отличный и вкусный; вина хоша и дороги, но хороши. Офиціаншъ одѣшъ чисто, и услуга внимательна. Много лицъ мнѣ незнакомыхъ, но увидя, что бывший Министръ Юстиціи Иванъ Ивановичъ Дмипріевъ, былъ очень учтивъ со мною и просилъ къ себѣ, всѣ незнакомцы обратили особенное вниманіе на меня — шакъ всегда бываешь на свѣшѣ. Я доволенъ, что былъ въ клубъ, и безъ дамъ довольно пріятно было. А. С. Кологривовъ повезъ меня къ себѣ въ моихъ саняхъ, предспавилъ своимъ дочерямъ, коимъ я весьма признателенъ: одна другой милѣе; онѣ же упросили меня взять билетъ на полную въ костюмахъ репетицію въ домѣ Графини Бобринской, согласенъ былъ; но до театра заѣхалъ къ Шеншинымъ; а попому отправился въ театръ. Играли двѣ пьесы: *Шампенуазъ*, *Водевиль*, и *Рандеву Буржуазъ*, а по-Русски ни какъ нельзя: больно и жестко выговаривать. Много знакомыхъ мнѣ; но иные ждали перваго поклона, и не дождались несчастные! Однако болѣе я доволенъ, нежели сказать нѣшъ. Послѣ театра повхалъ душою отдохнушь къ Шеншинымъ, гдѣ заспалъ много гостей,

все добрыхъ и любезныхъ, кошорые вмѣстѣ съ хозяевами утѣшали меня на чужбинѣ. Предовольный пріѣхалъ домой; но успалъ, а попому худо спалъ, хоша усердно молился.

16-е Генваря. Москва. Воскресенье. Сильный кашель мѣшалъ мнѣ спать, къ помужу же къ пяти часамъ, слышалъ разные разговоры, не думая. Домъ почпи шакъ построень, какъ ухо Діонисія, Тирана Сиракузскаго: что кто въ одной комнатѣ говоритъ, то въ пяти ошъ слова до слова слышно. Хорошо бы ревнивымъ мужьямъ и дурнымъ людямъ построить такіе дома: они бы узнали свои недоспашки, и можешъ бытъ исправились. Былъ у обѣдни въ церкви Вознесенія; очень хорошо шла служба, прихожане большею частію съ благоговѣніемъ внимали Слову Божію. Довольно было нарядныхъ шляпокъ и хорошенькихъ подшляпниковъ; при выходѣ изъ церкви показывали мнѣ нѣкошорыхъ Княжень. Конечно хороши, молоды, свѣжи, оклады лицъ привлекашельны, взгляды пріятны; но нельзя сказать, чтообъ были такіа красавицы, что: *взгляни и умри*, или *томись всю жизнь, вспоминая объ нихъ*. Былъ въ Кремль. Былъ у Князя Оболенскаго, и душа моя восхищена была, его, прямо Рус-

скимъ приѣмомъ; а супруга его, ангель небесный по сердцу, и что за прекрасныя здоровыя дѣши. Здѣсь умоляли не въ полголоса, а чистю и внятно, переѣхашъ къ нимъ, и даже экипажъ особенной для меня; но на одинъ день не споишь и переѣзжашъ, шолько и оспавалось мнѣ благодарить ихъ чувствительнымъ образомъ. Правду молвишь: Княгиня Шаховская и Оболенскія, приглашали къ себѣ жить, какъ благородные люди; а прочіе, *чтобъ сказать то нибудь*. Былъ въ теашрѣ: изрядно, но темно. Ошдыхаль душою и ужиналь у Шеншиныхъ. За полночь пріѣхаль домой, швердо положа, послѣ-завтра выѣхашъ изъ Москвы. Въ Москвѣ вспомнилъ мою юность, лѣшъ Зо тому назадъ, когда и въ Пешербургѣ, даже у богатыхъ и знашныхъ, въ переднихъ лакеи и часшъ офиціаншовъ, сидя, одинъ вязаль грязной чулокъ, другой, жилешку, шрепій шпопаль *ко-что*; а иной, снявъ кафшанъ или фракъ, оспаваясь въ рубахѣ, починиваль изорванныя мѣспа. Давно давнымъ сего не видно, развѣ у шѣхъ, кои пріѣхали на жишье изъ Губерній, Но что меня поразило въ бѣлокаменной Москвѣ: видишь богатые люштры, канделябры, разныя бронзы, шпофенныя стѣны, огромныя зеркала, лѣшницы

превосходныя съ мраморными спашуями; а въ переднихъ древній обычай сохраняется еще: шо съ чулками, шо съ чѣмъ другимъ сидяшъ служители небришые. Спросишь: дома ли, и принимають ли? Вошъ положишь свою рабошу на окно, либо на спуль, и пойдешь докладывать; да и во время обѣда видишь лакеевъ или офиціаншовъ съ большими флюсами, подвязанныхъ какою нибудь нечистойю пряпкою; а на руки, почши у большей часши и не смошри, кажешся не мышны ошъ бани до бани, и признаюсь, держа шарелку шаккой нечистой и перемѣняющую, ошнимаешь позывъ на ѣду. Опрятность и чистюша, по мнѣ, ешъ необходимость — даже добродѣшель. Поглядише у насъ на баркахъ мужики, въ шрудахъ разнородныхъ мудрено бышъ нарядными; но лишъ готовавшая завтракашъ, обѣдашъ, паужинашъ и ужинашъ, шо всѣ вымоють руки и, перекрестясь, начнушъ хлебаши и ѣшъ кашу — либо на нихъ смошрѣшъ. Казалось бы, лакеи и офиціаншы, должны бышъ чище рабочихъ бурлаковъ. Надѣюсь, что скоро выведешся неопрятность и водворишся Русская чистюша или Нѣмецкая, — о Французахъ нѣчего и говоришь: пренеистой народъ, шакъ всѣ пушешественники пишушъ.

17-е Генваря. *Москва*. Былъ въ Успенскомъ Соборѣ; превосходно хорошо въ древнемъ Греческомъ вкусѣ; прикладывался къ Святымъ мощамъ, и дивился красотѣ храма; за мною шли небывавшія въ Москвѣ 4 дамы, и дѣлали все то, что я дѣлалъ: куда я положу деньги, шуда и онѣ; я монахамъ не давалъ денегъ, а клалъ въ кружки, и онѣ поже. По выходѣ изъ Собора благодарили меня незнакомки: забылъ, какъ называли себя; но мнѣ жалъ. Былъ у Барановыхъ, простился со слезами; почтенный шarikъ, супруга его и дочь очень сожалѣли, что уѣзжаю, и я то же, будучи принявъ какъ хорошій родственикъ. Прощался съ Кушайсовыми и благодарилъ ихъ за вниманіе ко мнѣ; дочь мило прощалась, а прекрасное дитя Казадаева даже заплакало; Былъ у Супоневыхъ, простился дружески; Софія П. очень хороша со мною, и М. В. Гокеди, опличная Англичанка, старый другъ, пожелала счастливо доѣхать. Приглашенный обѣдалъ у А. С. Кологривова — что за обѣдъ, что за вины, что за любезность хозяевъ! Дочери всѣ милы. Былъ у Посниковыхъ, и не нахваляюсь Марьей Ивановной. Тушъ слушалъ Поэму молодого человѣка: *Плагъ Іереміи и Исаи*; не знаю, что сказать о ней: у меня въ головѣ опшѣздъ. Былъ у Туч-

ковыхъ и душевно прощался. У Князя Оболенскаго, крайне сожалѣли, что ѣду такъ скоро. Тушъ Хомушова, Лунина и сестрицы замужнія, были любезны. Ужиналъ у необыкновенно любезной чепы Шеншиныхъ; прощался, проливая слезы, съ опличнымъ человѣкомъ и ангеломъ — супругою его; она, прекрасная, прислала мнѣ на дорогу пирожковъ, жаркихъ и хорошаго вина. И Графъ Кушайсовъ прислалъ двѣ бушылки сошерну. Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, при прощаніи далъ мнѣ письмо къ брашу своему, Министру Юстиціи Князю Дмирію Ивановичу: — благодарилъ душею Сіятельнѣйшаго Князя. До двухъ часовъ за полночь въ пріятныхъ разговорахъ съ хозяиномъ моимъ, любезнымъ Александромъ Васильевичемъ Крюковскимъ. Молился усердно, что завтра ушромъ поѣду въ любезный Пешербургъ.

18-е Генваря. *Москва*. — *Дорога, и Солнечная гора*. Человѣкъ здоровый, довольный и веселый, видишь всѣ предметы прекрасными и описываешь ихъ наилучшими красками, или скажешь иначе: онъ смопришь на всѣ предметы въ розовыя очки. Напрошивъ человѣкъ, спраждущій и шѣломъ и духомъ, печальный — и хорошее описываетъ мрачно, и все не нравился ему. Въ

семь послѣднемъ несносномъ расположеніи, пріѣхалъ я въ Москву, на родину мою; а пошому ничего нѣшъ удивительнаго, что я, вѣхавъ въ царицу — мать градовъ Россійскихъ, не ощущалъ никакого пошрясенія въ душѣ, никакого воспорга, и взиралъ на величїные храмы, дворцы, на сѣдую почтенную древность — хладнокровно, и жипели показались мнѣ не пѣми, какими бы должны они бытъ; а кто болѣе желалъ бытъ въ Москвѣ? Я; — но, бывъ въ оной, скучалъ, и полько что скучалъ. Изъ сего можно вывести аксіому, или правило, нешребующее доказательствъ, что не должно часпо вѣришь описаніямъ путешественниковъ. Одинъ, сидя подъ сполѣннымъ дубомъ, восхищается красою онаго, и слышишь громгласное и гармоническое пѣніе соловья съ восхищеніемъ. Другому и на умъ не приходишь видѣть красшу дуба; а пѣніе соловья ему кажется печальнымъ, погребашельнымъ пѣніемъ, и онъ проливаетъ слезы горесши. Однако, долгомъ поспавляю увѣришь всѣхъ и каждого, что госпепримство, опкровенность, доброта сердца, возвышенность души, гораздо болѣе въ губерніяхъ существующъ, нежели въ Москвѣ; обѣды же величїные, спекшаки, учшivenessи пришворныя, и ласки иноземныя, ни

во что не поспавляю. Разговоры безъ связи, полки безъ полку, невѣрояшности много, идолопоклонства несравненно болѣе, нежели въ Пешербургѣ, и все что-то не шакъ кажется; одинъ передъ другимъ павлиняшся; а лишь завидяшъ особу уважаемую, могучую, богашую, спановяшся ниже правы и пише болошной воды. — Лошади гошовы, уложилъ въ свою маленькую коляску, возблагодарилъ Крюковского, и выѣхалъ изъ Москвы въ одиннадцатомъ часу ушра, не весель, даже слезы навернулись, никто не провожалъ, пошно сирота; а между тѣмъ въ 12 дней, не купивъ ничего, испрашилъ болѣе 500 рублей! Слава Богу, что вынесъ! — Пешровский дворецъ въ гошическомъ вкусѣ, окруженный рощами, имѣетъ свою собшвенную осанку. Дорога ужаснѣйшая, полько очень грѣшнымъ и ѣздишь по ней; ухабы за ухабами, и я принужденнымъ нашель себя раза чешыре выходишь изъ мерзкой коляски и ипши пѣшкомъ; не довѣжая Черной грязи, сломалось дышло — какъ эшо весело! Кое-какъ подвязали; а сколько я видѣлъ повозокъ на боку лежащихъ! Меня Богъ помиловалъ; за то въ девять часовъ ѣзды проѣхалъ 59 верстъ, до Солнежной горы, и какъ я былъ радъ, нашель каменный дворецъ, чиспошу!

Заказалъ супъ себѣ, и вмѣстѣ съ онимъ съѣлъ рябчика, присланнаго мнѣ ошъ Шеншиныхъ, запилъ горе, ихъ же виномъ, велѣлъ принести сѣна, и въ девятомъ часу вечера, помолясь, легъ спать. Смѣшно — а правда: прерябая Нѣмка, которой я далъ рубль, чшобъ скорѣе принесла супу съ вермише-лемъ, наказала мнѣ множество значительныхъ комплиментовъ; а все дѣйствовалъ рубль. О деньги! деньги! Проѣздомъ видѣлъ Всеславское село; очень не дурно.

19-е Генваря. *Дорога и Тверь.* Покойно спалъ, одѣвъ былъ въ 5 часовъ; а выѣхалъ въ осьмомъ: неисправность Смоприпеля. Между шѣмъ за ночь легъ въ казенномъ домѣ, за пустой супъ и порцію кофе, принужденъ былъ заплашить 12 р.: очень дорого! Ошъ Клина до Твери дорога изрядная, куда въѣхалъ въ шесть часовъ по полудни, остановился въ пракириѣ, гдѣ содержашель Ишалиянецъ; довольно нечисто, но комната моя порядочная; за супъ, ночь легъ и кофе заплашилъ 9 руб.; рябчикъ ѣлъ свой. Прочиталъ кое-что о Философахъ древнихъ, и помолясь, легъ спать.

20-е Генваря. *Дорога. Выдропускъ.* Вчера спалъ хорошо, не смотря на то, что съ одной стороны лаяли собаки; а съ другой, нехотя слушалъ офицерскіе разговоры и нѣнѣ

женское. Одѣвъ былъ рано, въ пятомъ часу — а пьяной Смоприпелъ въпрягъ лошадей въ 7-мь! Что дѣлать? кричалъ — уснешь. Въ Торжкѣ за 4 руб. безъ вина, прекрасно обѣдалъ, чистю, хорошо. Купилъ разныхъ сафьяныхъ вещей на 50 руб.; нельзя съ голыми руками пріѣхать домой; много племянницъ и знакомыхъ. Дорога хороша — нездоровье мое, проѣхавъ сто верстъ, приказало остановиться въ Выдропускѣ ночевать. — Было уже темно, когда я въѣхалъ въ Выдропускъ; коляску мою окружили со всѣхъ сторонъ ямщики, узнавъ, что я намѣренъ здѣсь ночевать. Одинъ хвалилъ свой домъ, другой говорилъ, кто у него ночевалъ, и такъ далѣе; наконецъ ямщикъ Красовскій, назвавъ мнѣ нѣкоторыхъ особъ, ночевавшихъ у него, принудилъ и меня остановиться у него. Плущъ мужикъ люстру засвѣшилъ, хорошимъ чаемъ напоилъ, велѣлъ женѣ кланяться, дочери цѣловать руку мою, и какъ чорть извивался лестію. Я, хотя и читалъ Жилблаза, и вспомнилъ объѣдалу, который за ужиномъ чужимъ, называлъ Жилблаза свѣшломъ учености, обжираясь его блюдами; а послѣ далъ наставленіе, чшобъ впредь не вѣрилъ подобнымъ льстивымъ словамъ. Все это я вспомнилъ, а позволилъ себя обмануть: Кра-

совскій, превознося меня по Сіяпельнымъ, по Превосходительнымъ, продалъ мнѣ чаю фунтъ за 15 рублей, который въ послѣдствіи оказался 8-рублевымъ, размѣнялъ у меня на чепыресша рублей ассигнацій, на свои цѣлковые, взялъ за ночлегъ и дурной ужинъ десять рублей, по естѣ: онъ меня оплелъ рублей на 40. Вотъ шебѣ и похвалы! Опять обращаюсь къ Москвѣ: шупъ всѣ судяшъ и рядяшъ по своему; но, по замѣчаніямъ моимъ, одинъ другаго осперегаемся — шолько въ шомъ и добро находяшъ, чшобъ поѣсть хорошо и выпить лучше. За день до моего ошѣзда, какой-то мѣняло, наживъ милліоны, позвонилъ въ звонкій колокольчикъ, и со всѣхъ споронъ наѣхало къ нему. На вопросъ мой, какъ не спыдно ѣздишь къ такому человѣку, при дня сряду обѣдашь? Онъ сына женилъ, какъ же ему опказашъ; да припомъ хорошо кормишь — вотъ и опвѣшь — самой благородный.

21-е Генваря. Дорога и Зимогорье. Вчера до полуночи ямщики своимъ громогласнымъ пѣніемъ, не давали спать, и пошому я, сидя въ свѣтлой и теплой комнашъ, сожалѣлъ, чшо, бывъ въ Москвѣ, не успѣлъ посѣшить Университетъ и другія заведенія, жалѣлъ, чшо не познакомился съ людъ-

ми просвѣщенными, съ воспитанными, съ учеными и педаншами напичканными познаніями всѣхъ родовъ. Бесѣдуя съ ними, конечно много бы приобрѣлъ: ибо люблю учинься.

Часа чепыре спалъ, въ пять часовъ ушра, выпивъ кофе съ моимъ гусаромъ, пустился въ дорогу, сказавъ плушу ямщику Алексію Красовскому, чшо буду помнишь его. Благодарилъ меня. Дорога не такъ-шо хороша; къ шому же ужасная вьюга, снѣгъ и морозъ. Всѣ эти пріятности при моемъ нездоровьѣ, заставили оспановишь въ Зимогорьѣ, въ шестъ часовъ по полудни, у ямщика Чернова. Эшошъ показался честнибъ Красовскаго, впрочемъ увидимъ завпра. Валдайскія горы и днемъ надошли и разспроили еще болѣе мое нездоровье. Здѣсь въ Зимогорьѣ занялся шуалешомъ; хозяйка, баба шолешая и говорунья, не опходила опъ меня прочъ, представила дочь свою Екашерину съ чернѣйшими зубами. Я сказалъ, какъ вычислишь черношу. „Эхъ, баринъ! аль ты не знаешь, чшо эшо у насъ краса и значишь, чшо за дѣвкой естѣ приданое и деньги. Вотъ работница родня Аксинья съ бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами, шакъ всякъ и разумѣешь, чшо бѣдна, ни-кшо и не посващаешся: — Мнѣ жалка показа-

лась Аксинья, я ей далъ пять рублей, и сказалъ, чѣмъ вымылась и услуживала мнѣ. Бѣдная заплакала отъ радости, и ну цѣловать мою руку, кошпорую насильно могъ опниать. Поужиналъ и спалъ пишу при двухъ свѣчахъ восковыхъ, собствѣнныхъ. Какой-то армейской Капишанъ пѣлъ громко и на гудкѣ игралъ; но когда я черезъ гусара попросилъ дать мнѣ больному отдохнуть — онъ съ благородствомъ переспалъ. Спасибо. Напрасно говорятъ о Валдайскихъ дѣвушкахъ, будто онѣ окружающъ коляски, карешы, кидающъ баранки, крича: купите, купите! Со мною сего не случилось; — я видѣлъ нѣсколько хорошенькихъ дѣвушекъ, поклонился имъ, сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ, купилъ баранковъ и, можешь быть, болѣе далъ, нежели они стоятъ. Дѣвушки благодарили, краснѣли, даже мило кланялись. Нѣсколькихъ пожилыхъ не похваляю за ихъ выраженія; всякому говорятъ: „красавчикъ, хорошій, золошой, пригожій — купи, купи баранковъ...!“ Слава Богу! болѣе половины дороги проѣхалъ. Два ночлега, и я въ сполницѣ, среди родныхъ, пріятелей и друзей!

Проѣхавъ Вышній Волочекъ, только и замѣшилъ каналъ, но по видимому, не въ цвѣтущемъ положеніи. Проѣзжая Хошилово,

замѣшилъ каменную церковь. Въ 10 часовъ вечера погасилъ свѣчи, легъ, думалъ заснуть, а не шущъ-шо было: полстая хозяйка, лежа на печи, разъдесять спрашивала: „спишь ли батюшка, баринъ?“ — Сплю, моя милая. И это продолжалось долго.

22-е Генваря. *Зимогорье, дорога, деревня Варницы и г. Крестцы.* Всю ночь выюга ужасная, но спалъ сладко, и очень доволенъ ямщикомъ, женою его, дочерью и работницей: всѣ ухаживала за мною, не пускали выѣхать; ибо снѣгъ и выюга продолжались. „Доброй баринъ! посмотри, вѣдь зги Божіей не видаешь! Остаешься, голубчикъ!“ Но я рѣшился, выпилъ хорошаго кофе съ густыми сливками, съѣлъ два яичка въ смятку, перецѣловалъ всѣхъ, заплашилъ болѣе, нежели они просили, и пустился съ славнымъ ямщикомъ, съ Богомъ. Хозяйка пригорюнилась, даже заплакала, добрая! что я поѣхалъ въ самое дурное время. Пробило семь часовъ ушра, и шочно не знаю, кому было труднѣе: Кашону ли Ушическому по пескамъ Ливійскимъ, или мнѣ по горамъ Валдайскимъ! Ямщикъ, хотя и молодецъ, будучи занесенъ снѣгомъ, пустилъ возжи, и лошади сами довели до экономической деревни Варницы, и шамъ оспанивились. Здѣсь мнѣ сказывали соль вывари-

вали. Я радъ былъ, что лошади остано-
вились противъ избы крестьянина Семенова.
Моя коляска бипкомъ была набита снѣ-
гомъ — вѣпръ шакъ и рвалъ кожаные за-
навѣсы. Молодецъ гусаръ мой и ямщикъ, си-
дѣвшіе на козлахъ, занесены были снѣгомъ;
жалъ мнѣ гусара: но коляска шакъ мала,
что и меня всунешь гусаръ, и я си-
жу, какъ въ шѣсномъ шкафѣ закупорен-
ный. Ну ужъ коляска! Проѣхавъ нѣсколько
тысячъ верстъ, ни разу сполько горя и не-
пріятностей не чувствовалъ; одна опрада,
что близко уже С. Петербургъ. Сажу въ
думъ, въ довольно чистой избѣ, смопрю и
слушаю: подлѣ меня сидѣтъ ямщикъ — озябъ
бѣдной; дѣши крестьянина плачущъ, моло-
дицы прядущъ, бабушка щи варитъ, ошъ
печи духъ, въ окна дуешь, вѣпръ въ шру-
бѣ свиснишь, вихрь несешь снѣгъ, копо-
рый, соединясь съ густѣйшимъ падающимъ,
запмѣваетъ солнце; коровы ошъ непогоды
мычашъ, курицы въ безпокойствѣ, гусаръ
мой за перегородкой рассказываетъ свои
походы, брашъ хозяйки машпросъ въ ошпу-
ску, повѣснваетъ свои подѣ Данцигомъ и Ри-
гою; я всему улыбаюсь, а на сердцѣ кошки
скребущъ. Вотъ вамъ саншменшальное или
чувствительное начертаніе; можно спле-
сши цѣлый Романъ. Просидѣлъ болѣе шрехъ

часовъ подѣ образами, и видя, что погода
немного улучшилась, сказала: поѣдемъ! Что
будешь, шо и будешь! — „Извольте!“ ошъ
вѣчалъ ямщикъ. Въ это время подошла ко
мнѣ бабушка, и говоритъ: „бапюшко, ба-
ринъ! дай поѣсть щецъ и кашки ямщику
и гусару швоему.“ Позволилъ, да и самъ
немного поѣлъ. Чшобъ не полетѣшь съ кру-
пизны, мужики изъ веревокъ сдѣлали родъ
шормаза, и благополучно спустили; — до-
вольно щедро поплашился, какъ и всегда:
бѣдень — да не скупъ. Гусаръ меня въ ко-
ляску, какъ въ шюрму, запискалъ и за-
сшегнулъ кругомъ; а самъ, любезной, сѣлъ
на козлы и запѣлъ Нѣмецкую пѣсню. Въ
шестъ часовъ по полудни пріѣхалъ въ
Крещцы, остановился въ каменномъ домѣ
у ямщика Рыбачева. Онъ, жена его, машъ
и дѣвушка, смиренны и любезны; по своему
поподчивали чаемъ своимъ, хорошимъ —
просили кое о чемъ, обѣщали: если смогу,
шо выполняю ихъ просьбу. Принесли соло-
мы, я самъ послалъ себѣ постель, накрылъ
досинною простынею, а сверху полошняя-
ною, вынулъ журналъ и спалъ пишашъ.
Въ деревнѣ экономической, Варницы, 2000
крестьянъ; богашы спали нынѣ ошъ того,
что по всей деревнѣ нѣтъ ни одного ка-
бака. Спранно, что ямщикъ Рыбачевъ, му-

жикъ разумной, копорый нажилъ каменный домъ, лучший въ городѣ, имѣеть серебро, фаянсовую посуду, скаперши и салфешки, а сѣлъ съ семействомъ ужинаеть за замаранный столъ, ничѣмъ не покрытый, на коемъ безъ всякаго порядка наставлены деревянныя шарелки, блюда и суповая съ такими же ложками. Я имъ попенялъ, что Богъ наградилъ ихъ, а они не по-людски живутъ. „Привычка, бапюшка!“ сказала мнѣ хозяйка, Машрена Дмитриевна, милая женщина: — „какъ ты изъ деревянной посуды, то какъ-то повкуснѣе! мы хорошее держимъ для гостей.“ — И въ самомъ дѣлѣ, она мнѣ подала чай на чистомъ подносѣ съ фарфоровой чашкой и серебряной ложечкой; а еще спрашивъ, что спойшь, кровать съ сипцовыми занавѣсками, пуховикомъ съ 6-ю подушками, хорошее одѣяло, сами же улеглись то на печи, то на полу — и предлагали мнѣ лечь на постель. По мнѣ лучше не имѣть, если не пользоваться. Правду сказать, у насъ и въ Петербургѣ есть дома: когда госпи, и Господи! какая чистота, а когда одни, ужасъ замарано! Здѣсь вспомнилъ о нѣкоторыхъ льстецахъ, кои на пагубу человеческого рода произведены на свѣтъ: они похожи на живошное, которое будто во-

дился въ Кишаѣ, подъ названіемъ жиньсюнь, то есть: *человѣкъ-медведь*. У него шло и голова человѣческая; лапы, ноги и шерсть медвѣжьей; ходишь на заднихъ ногахъ, живешь въ горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, ходишь и по степямъ; питаешься лѣсными, древесными плодами; высокою, отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 аршинъ; скоръ, насупчивъ, а особливо на челоука, копорого увидя, захохочешъ, но не упускаешь изъ виду. Отъ него безъ рогашины, или огнеспрѣльнаго оружія, избавишься нельзя, но когда поймаешь, начнешъ надъ нимъ смѣяться, не терзаешь, не кусаешь, не ѣшь, *только лижетъ* своимъ языкомъ, копорый споль жестокъ, что однимъ лизаніемъ, какъ перпугомъ, все шло съ челоука до костей обдираешь, не переставая хохотать.

Дороги, по Московской губерніи нельзя похвалишь; по Тверской губерніи лучше, въ Новгородской еще лучше; мосты неисправны и многіе безъ перилъ; а мостки никуда не годятся. Я правду пишу. Въ Новгородской губерніи вершны очень хороши. Девять часовъ пробило, прощайте! Молился и со слезами вспомнилъ Петербургъ. Завтра съ разсвѣтомъ, если ужасной вьюги не будетъ, пушусь въ путь.

23-е Генваря. *Крестицы и Подберезье.* Воскресенье. Довольный Рыбачевымъ, женою его и дочерью Агафьей, выѣхалъ изъ Крестцовъ въ 7 часовъ утра. Дорога хороша до Подберезья, мосты дурны и безъ перилъ, большіе мосты довольно хороши; но перила не вездѣ исправны.

Прѣзжая Новгородъ, много мыслей бродило въ головѣ моей: по Славяне, по Рюрику, по Вадиму, по Александру Невскіи, удѣльнымъ еще Княземъ бывшій, разбившій Шведовъ, Дашчанъ и Лифляндскихъ Рыцарей въ 1243 году; — вообразилъ и богатырей его. Вспомнилъ о Владимірѣ Великомъ, водворившемъ Греческой Христіанской Вѣры; о Добрынѣ, дядѣ его, не забылъ вѣчеваго колокола, по звону котораго собиралось отъ 40 до 100 тысячъ ратниковъ, гошовыхъ ипши на кровавый бой, не забывалъ о Посадникѣ Исаакѣ Борецкомъ и славной Марѣ; о Царяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ и Іоаннѣ Грозномъ; помышлялъ о Воробѣ, названномъ послѣ Соловьемъ разбойникомъ, который, яко главный жрецъ идолопоклонства, защищая оное оружіемъ, былъ побѣжденъ Ильей Муромцемъ. И мало ли чего не переходило въ головѣ моей. Рѣка Волховъ чудесна шѣмъ, что въ самые сильные морозы, какъ сегодня, не по-

зволяетъ быспрошюю своею заковать себя; она какъ будто напоминаетъ всѣмъ и каждому, о бывшемъ великомъ Новѣгородѣ, о силѣ и могуществѣ онаго, когда иноземные говаривали: кто противъ Бога и великаго Новгорода, когда Великая Ганза приняла оный въ число Ганзеапическихъ городовъ. Полно, а то напишется, вмѣсто пухевыхъ записокъ, Исторія.

Очень непріятно путешествовать нездоровому въ большіе морозы; кажется мнѣ, что чѣмъ ближе къ дому, шѣмъ болѣе препятствій; ѣхалъ день и ночь не въ силахъ. Сего числа въ Подберезьѣ, ночью у дьячихи Анисьи Захаровой; лѣтъ 20 бабочка, ростомъ менѣе двухъ аршинъ, ужасно толста, лицомъ и шѣлою румяна и весела. Прошедшую ночь спалъ сладко, и все выюга. Обѣдалъ въ Броницахъ, у ямщика Рикачева; жена добрая, дѣшей много, а всѣ хороши собою. Здѣсь въ Подберезьѣ пробили зорю — я попросилъ щей, дьячиха подала съ крошеной говядиной, суешилась, а все шолько и было у нее, что щи. Вынулъ дорожную каршу, и началъ на ней чернилами замѣчать мѣста, кои я проѣхалъ. Дьячиха, сшоя, говоритъ: „да ужъ замѣшьте до Петербурга.“ — Нѣтъ, моя машь, нельзя? — „Да по чему?“ — Потому, что за часъ

впередъ нельзя ручаться: мало ли, что можешь случиться? Единъ Богъ знаетъ.—, „Правда ваша, правда,“ и ушла; — а я вспомнилъ прагматическаго Спихотворца Эсхила, на кошораго, когда онъ вышелъ здоровый отъ себя, летящая пища уронила черепокъ ему на голову, отъ чего и духъ вонъ у славнаго Грека. Юлій Кесарь мечпалъ еще болѣе возвыситься шишуломъ, вошелъ въ Римскій Сенапъ, и палъ мершвъ отъ ударовъ Бруша и Кассія, къ подножію спашуи Помпея. Мать, родившая меня, покойно шла по комнапъ, оступилась и сломила себѣ ногу — и множесство еспъ другихъ примѣровъ. Боже! помилуй меня! сомкни очи мои на-вѣки, но въ Пешербургѣ, среди родныхъ, пріятелей и друзей! Не желаю умереть на чужбинѣ, хошя всѣми доволенъ во всѣхъ губерніяхъ, и не по заслугамъ, знаніямъ, любезности и красоти обласканъ. Я гошовилея спашъ; а дѣячиха опашъ вошла — Что тебѣ надобно? — „Бапюшка баринъ, извините, за дѣломъ въ шкафъ.“ — Ничего, ничего. Да гдѣ швой мужъ? Развѣ онъ нелюдимъ? — „Нѣпъ, грѣшно сказапъ, молодецъ, сударь! Священникъ позвалъ обвѣнчашъ тайно какихъ-шо, что нынѣ, бапюшка, баринъ! не рѣдко случается у насъ; завелось

повѣтріе дворянское: дѣвки безъ воли родителей выходятъ замужъ тайно за парней по сердцу, више ны! А шамъ, ошецъ и мамъ — *похныкаютъ, да поплагутъ; поплагутъ, да похныкаютъ* — да и простяпъ. Свѣчи погасиль въ 11 часовъ, и помолясь, скоро заснуль.

24-е Генваря. Дорога и Тосна. Въ 5 часовъ утра былъ уже одѣпъ. Краснощекая дѣячиха подала кофе, довольно жидкаго. Выѣхаль въ осьмомъ часу. Дорога прекрасная до Тосны, и много загошовленнаго маперіалу для новой. Проѣхавъ 12 верстъ, спросиль у моего гусара: дай пишолешы выспѣрѣлишь, и пѣмъ разрядишь ихъ. — Ахъ! позабыль взять; они въ чахлахъ остались у дѣячихи. Нѣчего дѣлать — не ворошипъся же за ними. Немного поворчалъ за забвеніе, и пріѣхавъ на станцію Спасская Полиспъ — поручиль смопришелю Лукину, вышребовашъ оные у дѣячихи (кошорой я написалъ записку выслать ко мнѣ въ Пешербургъ), что чрезъ недѣлю и исполниль — шрезвый человекъ, шакъ какъ и Мысленниковъ, Чудовскій смопришелъ, очень хорошъ; за шо въ Тоснѣ пѣяница и во многихъ губерніяхъ еспъ довольное число негодяевъ смопришелей. Въ Спасскомъ Полиспѣ и въ Помераньи, прекрасныя ка-

зенныя гостиницы. Въ первой ѣль хорошіе кошлеши; Нѣмецъ содержашель; во вшпорой Нѣмка, Елисавета Ивановна Генрикова: — здѣсь, я обѣдалъ, чисто, вкусно и недорого. Служила мнѣ блѣднолицая, интересная; Нѣмка же Дарья, по разговорамъ видно, что хорошо воспитана, и когда я далъ ей полшинникъ, она принявъ покраснѣла и заплакала; видно по всему, что какое нибудь несчастье довело ее до сего состоянія, въ кошоромъ она не родилась. Мнѣ очень жаль было Дарьи. Приѣхавъ въ Тосну, въ шесть часовъ по полудни, и чтобы не въѣхавъ въ столицу въ темноѣ, остановился въ Русскомъ гербергѣ. Все нужно поглядѣвъ — признавъ; надобно опдавъ Нѣмцамъ справедливостъ: они и чище и дешевле берутъ; а наши мѣщане похожи на Французовъ, каковъ Шалми въ Москвѣ — не берутъ, а дерутъ, и все неопряшно. Здѣсь въ Тоснѣ, молодой мѣщанинъ, за комнашку, довольно чистую, взялъ пять рублей, только переночевашъ; а что возьмешъ за чай и кофе — увидимъ. Между тѣмъ, когда я сказалъ: послушай брагъ! чтобы кофе былъ крѣпкій. Мы, сударь! на немъ выросли, и ошцы наши... Опъ того то, мой милой! и не умѣете варить, что хваспливы. — Замолчалъ молодець. Въ гер-

бергѣ вдругъ пѣсни прекратились; а причина, какъ я узналъ, что приѣхалъ шестеркою. Самъ слышалъ, что хозяинъ говорилъ: брагцы! не шумите, баринъ здѣсь ночуетъ. — Спасибо за учтивостъ; а когда послалъ принести себѣ спаканъ, мать мѣщанина сказала гусару: да вѣдь сынъ мой не слуга, что поминушно его спрашиваютъ. Не выдержалъ — вышелъ изъ комнашы, улыбаясь примолвилъ: какая же ты чванка! Покраснѣла и замолчала. Сидя въ комнашкѣ, разсматривалъ картинки, по стѣнамъ висящія, и доволенъ, что увидѣлъ въ первой разъ эшампъ, какъ Русской народъ на себѣ везъ спасителя отечества Кушужева, а внизу надгробная надпись, кошорой прежде не случилось прочесть. Вотъ она: Сей мраморъ, смертное — безсмертнаго хранитъ:

Кушужовъ здѣсь лежитъ.

Сижу одинъ, и только десяти часовъ вечера; спать не хочется опъ сильнаго бо-ренія чувствъ, мыслей. Завтра, говорю себѣ, завтра ты увидишь родившую тебя, родныхъ — завтра ты узнаешь цѣну осьмимѣсячнаго ошсущствія швоего; съ завтрашняго дня ты прямо увидишь любовь настоящую, друзей и пріятелей; завтра ожидаютъ тебя и слезы радости и слезы горести. Можешъ бышь, многіе и многіе кон-

чили поприще на сей коловращной землѣ, землѣ испытанія и терпѣнія, и возлещѣли духомъ къ вѣчному блаженству, къ вѣчной жизни. Завтра, можешь быть, я оживу по сердечнымъ общошательствамъ, или погружусь въ уныніе. Да будетъ воля Творца! Послалъ подорожную къ смотрителю — на ногахъ не стоишь! Несчастные путешественники! шолку не добрался сего вечера. Очень нездоровъ и лѣвый бокъ болишь.

Кто не полкуешь, не говоришь о *философіи*, особенно въ нашъ вѣкъ, шакъ называемый: *просвѣщенный вѣкъ*? А по моему мнѣнію *темнѣйшій*. Пусть оспоривають меня; имъ же когда нибудь придется, раскаясь, признасться. Тотъ философъ, швержу я всѣмъ, кто ближняго любить, и по возможности добро дѣлаеть, и умѣеть дѣлать, а не тѣ врази, какихъ нынѣ не оберешься, кошорые содѣлывающіеся спрдальцами сумасбродныхъ сисшемъ своихъ. Эшого еще мало: они причиною многихъ несчастій во всѣхъ Государствахъ. Нынѣ даже забыли, что понимается подъ словомъ *философія* — *любовь къ мудрости*; мудрый же можеть ли желать шого, чего не должно желать. Мудрый можеть ли когда нибудь буйствовашь, можеть ли

проповѣдывашь равенство — когда его не создалъ Богъ. Отець можеть ли быть равенъ сыну? Молчаніе. Эпикшетъ Оивянинъ, давно объ этомъ говорилъ, но кто чипаешь Эпикшета! Мало кто знаетъ книгу его *Эпихиридіонъ*. Что же нынѣ чипають? Бенжемина Конспанса, судъ Англійской Королевы, Газеты вообще, преисполненные часшо лжи нестерпимой. Поѣлъ, помолился — и заснулъ. На дворѣ полночь.

25-е Генваря. Тосна и Санктпетербургъ. Въ чешыре часа ушра вспалъ, выпилъ кофе, расплашился съ Русскимъ шракширичкомъ, кошорый взялъ ужасно дорого, и я принужденъ былъ побранишь его. Не совѣтую никому оспанавливашься въ семь гербергъ. Въ шесшь часовъ, съ какимъ-шо новымъ чувствомъ выѣхалъ, и въ полдень въѣхалъ въ столицу Благословеннаго Государя великаго народа, и слезы радости пекли по ланишамъ моимъ. У себя нашель (домъ Графа Мих. Семеновича Воронцова) все въ исправности, чисто, хорошо, по дружбѣ и благосклонности рѣдкаго Графа и исполнителя его желаній; В. В. Элиса. Наемный человекъ мой Θεодоръ, остававшіеся восемь мѣсяцовъ безъ меня, все сохранилъ въ порядкѣ, какъ должно честно му слугѣ.

Помолился Богу, за милости Его ко мнѣ. Первыхъ видѣлъ Элліса и опличную супругу его А. Ал., которые обрадовались мнѣ, какъ родному, и я то же. Одѣвшись по городскому, забылъ нездоровье свое, поѣхалъ къ мадушкѣ своей и ко всѣмъ своимъ роднымъ. Описывать радость, слезы, вопросы, отвѣты — мудрено; самъ чисташель угадываешь. Довольный душевно, что всѣхъ нашелъ здоровыми, поѣхалъ къ Гофмаршалу Кириллѣ Александровичу Нарышкину. Имъ и супругою его, ангеломъ Маріею Яковлевною, приняты со слезами радости. Здѣсь, какъ у друзей, остался обѣдать. Пили Шампанское за здоровье мое; а я, за любовь ихъ ко мнѣ. Затѣжалъ къ Графинѣ Иринѣ Ивановнѣ Воронцовой, очень учтива; просила обѣдать въ Чепвершокъ. Былъ у Графини Елисаветы Павловны Завадовской — какъ сына, со слезами пріятными приняла. Былъ у Маркелевыхъ: почтенная Ташьяна Васильевна и Иванъ Ивановичъ обрадовались, увидя стараго друга, и мнѣ весело было; сынъ отъ радости прослезился, нѣжный ихъ полъ, какъ дѣвцы скромныя, привѣтливы были. Былъ у А. А. Д., которая встрѣтила: Ахъ! Гераковъ! и слезы на глазахъ, доволенъ. Былъ у Галаховыхъ, при-

нятъ какъ другъ. Былъ у Авдулиныхъ, и всѣ рады были моему пріѣзду. Отъ усталости, безъ ужина, помолясь съ усердіемъ, заснулъ крѣпко.

26-е Генваря. *Санктпетербургъ.* День ангела почтеннѣйшаго Ар. Ив. Нелидова. Рано всмалъ, одѣлся въ мундиръ, и поѣхалъ въ церковь Всѣхъ скорбящихъ, гдѣ оппѣвъ благодарственный молебенъ, явился къ Министру Юстиціи, Князю Дмитрію Ивановичу Лобанову-Росповскому, приняты милостиво и позволено мнѣ двѣ недѣли оставаться дома, для поправленія разсиренаго здоровья. Съ благодарностію къ Начальнику и ко всѣмъ, кои съ радостию принимали меня послѣ осьмимѣсячнаго отсутствія, оканчиваю мои душевыя записки.

К О Н Е Ц Ъ.

(333955)
H-240202. 1948

НУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

2^а 3р.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

